

АДИЗ КУСАЕВ

ПАМЯТЬ

Грозный

Адиз Кусаев

ПАМЯТЬ

Поэзия.

Проза.

Публицистика.

Переводы

Адиз Кусаев – гордость наша!

*Мастерство дано Вам свыше,
Свыше дан талант – писать!*

А вы знаете, что профессия писателя не только интересная, но и достаточно сложная? Чтобы получился отличный писатель, нужно обладать теоретическими и практическими знаниями, а главное – уметь гармонично их объединять в процессе работы. А у Адиза Кусаева это получается блестяще!

В этом убеждаешься с выходом его каждой книги, которые переполняют радостью наши души. Создание нового творения – ведь это, несомненно, и есть настоящий праздник. Если А.Кусаев не поленился с 2005 года написать более четырнадцати книг, то грех нам не позволить себе, хотя бы перечислить их названия: «Писатели Чечни». Книга первая (2005); «Чечня: годы и люди» (2007); «Амал». Избранные стихи, поэмы, переводы (чеченский язык, 2008); «Говорит и показывает Грозный. История чеченского радио и телевидения (монография, 2008); «Писатели Чечни». Книга вторая (2009); «Мой путь». Избранные стихи, поэмы, переводы с чеченского (2010); «Писатели Чечни». Книга третья (2010); «Писатели Чечни. Однотомник. Дополненное и переработанное издание (2011); «Судьба». Поэзия, проза, публицистика (чеченский язык, 2011); «Мой путь». Избранное (Москва, 2012); «Милосердие». Проза, поэзия, переводы, публицистика (чеченский язык, 2012); «Город Грозный: страницы истории» (монография, 2012); «Чеченское радио и телевидение: этапы становления и развития» (монография, 2013); «Село Шуани» (2015); «Память». Стихи, поэмы, рассказы, повесть, переводы. (чеченский язык, 2015).

Эти книги есть на полках у всех, интересующихся историей своей республики, которым не безразличен свой город, подвиги своих соотечественников, история своего народа. Как писал один американский писатель: «Историю творят не только короли и парламенты, президенты, воины и генералы. История – это, прежде всего, судьбы людей, их любовь, доброе имя, вера, надежда и обыкновенные человеческие страсти. История – это также и личная жизнь человека от рождения до смерти, это также и голод, холод и жажда, страдания от одиночества и печали». А Адиз и старается не упустить ничего из всего перечисленного и не перечисленного. Настоящий патриот своей республики – именно так отзываются об Адизе Кусаеве друзья и близкие. А друзей у него много. Один из них известный писатель Абу Исмаилов, который, кстати, написал и добрую книжку о нем «Восхождение на Парнас»

С Адизом мы познакомились в далеком 1975 году, — вспоминает он. — Он тогда работал старшим редактором грозненского телевидения и регулярно вел передачи о молодых литераторах. Он обратил внимание на мои стихи и пригласил меня на очередную литературную встречу. Такое внимание с его стороны явилось для меня большим стимулом. И я благодарен Адизу за такую поддержку, которую он регулярно оказывал всем начинающим литераторам. Адиз очень доброжелательный и добропорядочный

человек. За все эти годы он очень многое сделал для пропаганды чеченской литературы и искусства. Начало нового тысячелетия останется в истории нашего народа своеобразным чеченским Ренессансом. Одним из символов данного периода расцвета литературы и искусства является и творчество Адиза Кусаева. Последние годы были для него самыми плодотворными. Он за эти годы написал и издал много книг, в которых отразил жизнь и творчество около ста пятидесяти писателей и поэтов, живших и творивших в разные годы на территории нашей республики. Историю республиканского телевидения и радио, историю города Грозный никто не смог бы описать более красочно. Недаром А.Кусаева иногда называют ходячей энциклопедией родного края. Я искренне завидую его неумной жизненной энергии, его трудолюбию и трудоспособности. И сегодня он полон замыслов».

А литературовед, доктор филологических наук Х.Туркаев констатирует: «Написав книги «Писатели Чечни», «Город Грозный: страницы истории», «Чеченское радио и телевидение: этапы становления и развития», которые являются энциклопедиями литературы и истории, А.Кусаев один выполнил работу целого научно-исследовательского института, за что заслуживает огромной благодарности. Если бы не А.Кусаев, десятки чеченских писателей, телерадиожурналистов и героев нашего народа так и остались бы неизвестными для читателей и истории. Наш народ должен сказать ему большое спасибо за увековечение их памяти»

А как красиво, искренне, от чистого сердца написал свое великолепное стихотворение, посвященное писателю, поэту, журналисту, краеведу и просто хорошему Человеку, его преданный друг, наш талантливый поэт Умар Яричев:

*Его я помню... Сорок пять тому...
Черноволосый (смоль!) и черноглазый.
В его манере мягкой ко всему
Тепло души почувствовал я сразу.*

*Его я помню... Так давным-давно,
Что не заметил, как и сам старею...
А он душою молод все равно
И с каждым годом мягче и добрее.*

*Его я помню... Вспоминать начни,
Моя судьба, от прошлых лет до мига...
Он стал для всех писателей Чечни
Живой биографической книгой.*

*О Родине, в которую влюблен,
Над далью жизни рея, словно птица,
С сердечной добротой пишет он,
Как встарь о «синих улицах» столицы.*

*И он, служитель Слова и Мечты,
Все так же на костре самосожженья,
Живет в лиричном мире красоты
И учит молодых стихосложенью.*

*Что возраст?! Обходя судьбы каприз,
Упрямый вызов серости бросая,
Живи, мой друг, по имени Адиз,
Чеченец по фамилии Кусаев!*

А вот как пишет о нем литературовед Абдулла Арсанукаев:
- Поэт, прозаик, переводчик, журналист Адиз Кусаев принадлежит к числу тех писателей, которые на протяжении более полувека активно участвуют в литературном процессе Чеченской республики. Он является автором свыше двадцати книг поэзии и прозы на чеченском и русском языках, множества газетных и журнальных статей, радио и телевизионных зарисовок и очерков, посвященных культурной жизни республики. Энергия молодости и задора свойственна его творчеству и сегодня. Являясь журналистом и на протяжении десятилетий работая на телевидении и радио, в редакциях республиканских газет, Адиз Кусаев встречался, близко общался, брал интервью, приглашал на телевизионные передачи, имел дружеские, профессиональные или просто человеческие связи со многими героями своих очерков. Наверное, поэтому очерки о писателях выглядят не сухим документальным повествованием, а живым рассказом о хорошо знакомых и близких автору людях. Автор рассказывает о героях своих очерков тепло и сердечно, он как бы гордится ими и своим знакомством с ними. Вообще Адиз Кусаев обладает уникальным свойством: о ком бы ни писал, он находит светлые, добрые слова в адрес своего героя-писателя, он окружает его удивительно дружелюбными чувствами, которые передаются и читателям. И это характеризует не только тех, о ком пишет автор, но и самого Адиза Кусаева, его отношение к своим коллегам-писателям и вообще к людям.

Произведения Адиза Кусаева переведены на языки народов Северного Кавказа, казахский, украинский и другие. Адиз Кусаев полон жизненной энергии и творческих сил, потому что он из числа тех,

*... кто близок к слову,
Кого Господь талантом наградил.
Кто книгу завершив, садится снова
Горя работой, не жалея сил.
Кто жизнь свою не мыслит по-иному,
И тех чье назначение — перо,
Кого зовет вперед живое слово,
Чье творчество прекрасно и добро.
Один из тех, кто полон вдохновенья,
Проектов новых, замыслов, идей!
Отдачи полной, до самозабвенья.
За книгами больших очередей!*

Это сказано о таких творцах, как А.Кусаев, которые из года в год радуют читателей острием журналистского пера, добрым словом и просто тем, что они есть!

**Дэти Сулумова,
журналист**

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СТИХИ, ПОЭМЫ

Встречи

Дорогой дальнею идя
По жизненной с тяжелой ношей,
Людей встречал немало я
И никудышных, и хороших.

Одни, как говорил поэт,
В базарный день могли цениться
В копейки две, другими свет
Мог, как героями, гордиться.

Я, меря дали и окрест,
Встречался с добрым и скаредным,
И с тем, кто хлеб напрасно ест,
И с тем, кто делится последним.

И с тем, с кем мог я в бой пойти
И на разведку, как с женщиной,
Любые пропасти пройти,
Любые покорить вершины.

Они б не предали меня,
Не зная зависти, коварства,
И надо б – отдали коня,
Взамен не требуя полцарства.

Встречались люди мне в пути,
Как сиротливо шел по миру:

И те, что, Господи, прости,
И те, что, Господи, помилуй.

Одни шли вдаль, другие – в бой.
Просили Бога все в молитве
Не на щите вернуть домой,
А со щитом их всех из битвы.

Расстрелянные книги

Когда из Грозного ушли
Бои в равнины, села, горы,
Библиотекари вошли
Не первыми едва ли в город.

Они увидели дома,
Войной разрушенные, всюду.
И слышались еще грома,
И множилось развалин груды.

Руины разгребая, в них
Библиотекари отважно
Спасением занялись книг,
Как делом жизни, самым важным.

Их на подставку, как на стол
Для операций, нежно клали,
В сердцах солдат за произвол,
За бездуховность в голос кляли;

За те безумные дела,
Что, раздувая гневно пламя
Всепоглощающего зла,
Свою уничтожали память;

За то, что беззащитных книг
Не пожалели федералы:
То раны рваные на них,
То след осколка, крови алой.

Лежали кучками и врозь
В грязи, на пепелище книги
Пробиты пулями насквозь
Или расстрелянные дико.

Они на улицах, в домах
Такие жалкие лежали,
Как трупы тех, кто пал в боях,
И раны их с людьми сближали.

И с ними имена, что всей
России славою служили,
В боях, гремевших много дней,
Тут головы свои сложили.

Их чистили. На ранах их
Бинтами ленты скотча были...
Хотя не все, но много книг
Спасли из грязи, пепла, пыли.

И жизнь им новая дана
Была, хотя и разгромила
Библиотеки все война,
Чечня их снова возродила!

У табаководов

Я шагал дорогой горной
До далекого села,
Где меня с горянкой гордой
Как-то раз судьба свела.

Познакомились мы с нею
На прополке табака:
Облепил он, зеленея,
Гор пологие бока.

И еще в конторе чистом
Не жалея слов и сил,
Предколхоза журналистам
Эту девушку хвалил.

Он о ней и о бригаде
Говорил так, словно гимн
Девушкам слагал наградой,
Славным, миленьким таким;

Восхищался их делами,
Не скрывал горенья глаз,
Говорил, что орденами
Награждали их не раз;

Что девчата все в работе
Любят-де гореть - не тлеть...
«Словом, - он сказал, - на фото
Надо их запечатлеть;

И в газету яркий очерк
Написать, чтоб знал бы всяк,
Что горянки в крае отчем
Лучшие живут в горах...»

А потом я сам увидел
На плантациях девчат,
Плетни, что листвой увиты,
Словно жемчугами, в ряд.

И, поняв, что в крае отчем
Лучше их, попробуй, встретить,
Написать решил я очерк,
На фото запечатлеть.

И с тех дней с горянкой гордой
Больше встречи я не жду:
На поля дорогой горной
С нею каждый день иду...

1975г.

На стройке

Другу-строителю В.Арсемикову
из Чечен-Аула

Мне главред задание задал,
Глянув в план сведенный наш,
Чтоб о лучшей строй бригаде
Написал я репортаж.

«Есть, - сказал, - одна, что славясь
Делом, день строителей,
С планом года раньше справясь,
Празднует бригадой всей;

Что успех ее не дале,
Как вчера, был оценен:
Коллектив уже медалью
По указу награжден».

Знал ее я: не впервые
Слышал я и в ней бывал...
Бригадир ее Хаджиев
Соцтруда Героем стал.

Там рабочим друг мой Вати
Из Чечен-Аула был,
Крепко сбитый, угловатый
Умный, полный юных сил.

Да и сам Хаджиев этот
Другом журналистов был:
Радио, ТВ, газеты
Посещать всегда любил...

...Был на стройке шумной, словом,
Я уж через полчаса,
Где по методам - по новым –
Возводили корпуса.

И по стройке, и по дому
Походил, поговорил
Я с рабочими, приемы
Скрупулезно изучил.

Все показывал мне Вати,
Стал своим для всех за дни,
Что провел я там, в бригаде, –
Много дали мне они.

Даже клал кирпич со всеми,
Забирался на леса
С теми, кто в любое время
Поднимают корпуса.

Я узнал про их заботы
И проблемы изнутри -
Пробуждалась от работы
Гордость тихая в груди.

И в редакции, могучий
Впечатлений вскрыв багаж,
Написал я самый лучший,
Может быть, свой репортаж.

1975

Гордость

Детям и внука
брата Мухади

С минутой каждой усыхает век
Волшебною шагреневою кожей.
Но не ропщу -
Я тоже человек
Тобой когда-то созданный, о Боже.

Я тоже смертен, как другие все -
Не избежать нам смерти горькой чаши.
Но снова утро заблестит в росе -

В заботах я
И сердца пульс учащен.

Перебирая мысленно дела,
Которыми засеял поле жизни,
Горжусь, что людям я не делал зла,
Не предавал друзей,
Коллег, Отчизны;

Что был всегда настроен на добро,
Что радость приносило мне участие,
В чеченце каждом чувствовал родство
И в состраданье находил я счастье.

Следы войны

Я сгорбился от тяжести беды
Мой город истерзавшей:
Вижу всюду
В глазах - тоску,
Домов разбитых груды -
Войны жестокой страшные следы;

И в каждой исковерканной душе
И на стене, что в гари,
Каждой грани
Зазубрины кровоточат,
Как раны,
Которых нам не залечить уже.

Строители стирают все следы,
Старательно дома врачуя днями,
Но всюду проступают,
Словно шрамы,
На штукатурке пятна -
Знак беды.

Гнетет вопрос:
Кого теперь винить
За павших, за пропавших
И забитых,
За города и сотни сел разбитых,
За поколений прерванную нить?..

И, проходя по Грозному, шаги
Сбавляю я и с болью вижу всюду
И зло, и слезы,
И развалин груды -
Все то, что нам оставили враги.

Но не сумели в горцах сокрушить
Надежду, веру,
Счастье - здесь родиться...
И знаю я, что город возродится,
Что будем в нем еще счастливо жить.

Недаром же строители видны,
Дома уже врачующие днями,
И реже проступают,
Словно шрамы,
Следы на стенах –
Следствие войны.

Забота

Как сегодня хотел на природе
Я вдохнуть грудью запах травы,
И цветов, и деревьев.
И вроде,
Все шло к этому.
Только – увы! –

Не сплелось –
То одно, то другое
Отвлекло, навалилось.
И вот
Мне пришлось позабыть о покое –
Заболел у внучонка живот.

Как уехать, коль есть опасенье
Осложнения страшного ждать
И от боли скорее
Спасенье
Неотложное надо искать.

И звонки всем знакомым,
Походы
В поликлиники к разным врачам.
Отвлекли меня прочно заботы
И забылся природы шум-гам,

Побывать я хотел на природе,
Посидеть на лужайке травы
И цветов.
Получалось все, вроде,
Даже тронулся в путь...
Но, увы!

Мольба

Я вновь и вновь молю о каждом дне
В больнице тут и в ночь, и на рассвете,
И боли всех болеющих – во мне,
Как будто я за всех людей в ответе.

Уверенней встаю я с каждым днем
И новый день, хоть пасмурен,
Но светел.
Страдаю я о каждом о больном,
Как будто я за всех людей в ответе.

Когда глядишь на мир
Через окно больницы,
Становится не мил
Он для тебя сторицей.

Оконное стекло –
Не мене и не боле –
Границею легло
Между здоровьем, болью.

Границею всегда
Между людьми, тобою...
Не снилось никогда
И в страшном сне такое.

Я ночи не люблю

Я ночи не люблю с военных лет,
Когда стрельбы трассирующий след,
Стремительный и острый,
Как стилет,
В судьбе моей в течение многих лет
Пронзал меня,
Разил и убивал
Порой мучительно,
Порою наповал.

Когда же я, израненный, бежал
От минометных, пулеметных жал,
Не знал, в какую сторону бежать
И помощи не знал, откуда ждать,
Везде война –
И в первый же подвал
Спускался жить:
Надежду он давал.

И там спасенья не было,
Хотя
Надежен он...
С зачисткой приходя
Или колонной мимо проходя,
Гранату бросят,
Внутрь не заходя,
Наполнив вмиг проклятьями подвал:
Кто ранен,
Кто уложен наповал.

Ночей военных звуки не новы,
Я слушал их, в тьму вперив взгляд совы
Я на себе все это испытал,
То покидая горестный подвал,
То убегая к бою от боев,
К домам горящим от руин домов...
Но от войны не мог уйти я прочь,
Когда спускалась, как проклятье, ночь!

Рассвет

Ночь ненавидеть стал с войны началом:
Когда господство темени везде,
Беспомощны мы, как птенцы в гнезде, -
На улицах вольготно федералам,
Преступникам и извергам бывалым.

И ночь я ждал с обыденной тревогой,
Когда снаряды разрывали тьму.
Куда бежать, бывало, – не пойму:
Мотаются, как тати, федералы,
Как призраки, всегда и где попало.

По улицам, ревя, идут колонны,
Ракеты землю рвут за пядью пядь,
Бездушно бомбы падают опять...
Ночь. Тьма. Огонь,
Стрельба и стоны.
Куда бежать?
Кого на помощь звать?

С тех пор и не люблю,
Спешу признаться,
Я ночь зимой ли, летом оттого,
Что достучаться трудно до всего,
На помощь звать кого,
Куда податься,

Не знаешь даже в случае чего...

За то, что ясно все всегда и всюду,
Я день люблю, когда все на виду,
С народом легче пережить беду.
И потому рассвет я, словно чудо,
С надеждой каждой ждал. И – жду.

У Сунжи

Когда мне трудно
И когда легко,
Я прихожу сюда,
На берег Сунжи,
Что мчится издалека в далеко,
Надеждой окрыляя наши души.

Журчит то тихо,
Будто говорит
Чудные сказки кленам, липам, ивам,
Которые весна в горах творит,
В краю, и летом, и зимой красивой.

То грозно в тесных берегах гремит,
Вздуваясь часто от снегов и ливней,
И бурными разливами грозит,
Вставая шумно после спячки зимней.

Люблю я, шелест волн лоя, сидеть
Тут в тишине в тени деревьев, в оде.
Стараясь красоту запечатлеть
.Картин родной чарующей природы.

Веками Сунжа к Тереку спешит,
Как линия многострадальной жизни..
И жить Чечне, пока она бежит,
И нам гордиться милою Отчизной.

Я чище становлюсь возле нее,
Как только солнце искры
В Сунжу брызнет...
Она – и вдохновение мое,
И пульс Творцом дарованной мне жизни!

Если бы не ты, Чечня...

Внучке Аминне

Зачем бы стал петь песни я,
Прославить мир поставив целью,

Когда бы ты, Чечня моя,
Моей не стала колыбелью?

Долина, речка, горный склон –
Храню в сыновнем сердце свято.
И счастлив, что в Чечне рожден –
Чеченкой-матерью когда-то.

Зачем бы жить, творя дела
Хорошие, мне в мире этом,
Когда б, Чечня, ты не была
Мне отчим домом, как и дедам?

Леса, луга и пики гор –
Источники любви и лиры
И тем, Чечня моя, я горд,
Что нет тебя роднее в мире.

Зачем бы в будущее я
Шагал, надеждою согретый,
Когда бы ты, моя Чечня,
На этой не цвела планете?

Твой каждый камень для меня –
Предмет достоинства и чести...
Горжусь, что сын я твой, Чечня,
Что все делю с тобою вместе.

Родина моя
(Кантата)

Внуку Ахмеду

От Черных гор в затерские края,
От Шаро-Аргуна до Кезеноя
Раскинулась ты, Родина моя, -
Земля потомков праведника Ноя.
Мой край неповторимой красоты,
Чарующий волшебною природой,
Любимым домом стал навеки ты
Для гордого и мудрого народа.

Горжусь я тем, что ты на свете есть,
Чечня моя – жемчужина Кавказа,
Что высоко достоинство и честь
Несешь всегда, не уронив ни разу.
Живи на радость людям, расцветай,
Земля отцов, Чечня, – орлиный край.
Как много стойко ты перенесла
И бед и испытаний в долгой жизни.

Но мужество и мудрость – два крыла
Несли тебя через века, Отчизна.
Как много ты теряла сыновей,
Что за свободу и за счастье гибли.
Их всехохранишь ты в памяти своей,
Слагая илли, и стихи, и гимны.

И потому горжусь, что в мире есть
Чечня моя – жемчужина Кавказа.
Что высоко достоинство и честь
Несешь всегда, не уронив ни разу.
Живи, на радость людям расцветай,
Земля отцов, Чечня, – орлиный край.

Всегда миролюбивою была
И дружбу ты всегда перевозносила.
И мужество и мудрость – два крыла,
Несли тебя, традиций полнясь силой.
Жила ты созидательным трудом,
От сунженских равнин до башен Хоя
Простертый всех чеченцев отчий дом -
Потомственных сынов пророка Ноя.

Горжусь всегда, что ты на свете есть,
Чечня моя – жемчужина Кавказа.
Ты высоко достоинство и честь
Несешь всегда, не уронив ни разу.
Живи, на радость людям расцветай
Земля отцов, Чечня, - орлиный край

Круги жизни

Судьба из поколения в поколение
Все возвращает на круги своя:
Одни и те же в жизни повторенья,
Одни и те же кольца бытия.
И, снова в стыд вгоняя молодых,
Дразнилкой занимают дети их,
Как в прошлом: «Тили-тили-тесто:
Жених и невеста!»

Круги событий жизни повсеместно
Все снова повторяются во всем.
Веками были игрища известны,
И пели предки то же, что поем.
Про маленькую елочку, которой,
Зеленой, стройной, холодно зимой,
Под возгласы детей: «Зажгись!» – готовой
Стать радостью самой.

И в жизни, и в природе, что подобна
Величию Всевышнего всегда,
Все было то, чем мы живем сегодня,
Не раз когда-то в прошлые года.
Круги судьбы из рода в род упрямо
По жизни, словно по воде, бегут:
То по слогам читаем: «Ма-ма, ра-ма»,
А дальше – вуз и труд.

Извечно повторяют поколения
Во времени зло войн, и мед утех,
И катаклизмов боль, и покоренье
Наук, небес, и преступлений грех.
Все делает природа, чтоб на месте
Жизнь не стояла – в том движенья суть.
Свидание, любовь, фата невесты
И проторенный путь.

Кругов судьбы по новой повторенье –
Паденья боль и возрожденья новь,
Крик малыша и детства нетерпенье,
Мужанье, увяданье, смерть и вновь,
Вгоняя в стыд влюбленных молодых,
Другие дети дружно дразнят их
В другое время: «Тили-тили-тесто –
Жених и невеста!»

Я живу

Я живу, хотя мой век успел
Пушкинских вместить в себя две жизни.
Я немало сделал добрых дел
Для людей и для родной Отчизны.

Интерес мой к жизни не пропал
И ее еще я не итожу.
Жаль мне, что я треть ее проспал,
Горд, что больше был в работе все же.

Каждым мигом жизни дорожу,
Не кичась победой, но и краха
Не боясь, Отечеству служу,
Дни мои продлить моля Аллаха.

Сверстников давно в могилах прах,
Я живу по той причине только,
Что мой век, что очертил Аллах,
Не зависит от меня нисколько.

Потому живу, хотя земля
Заждалась. Живу душою светел,
Об одном Всевышнего моля –
Сделать всех счастливыми на свете.

Пушкинские стихи

В часы, когда дела бывают плохи
И прыгает мой пульс, беря верхи,
Всегда читаю пушкинские строки
И душу окрыляют вмиг стихи

«Кавказ» и «Подражание Корану»,
Или «К друзьям», или «Я вас любил»...
Стихи сверкают, как алмаза грани,
Чаруют, словно юношеский пыл.

Когда болезнь судьбы сжимает сроки,
Как неизбежность жизненных стихий,
Всегда читаю пушкинские строки
И жажду жизни дарят мне стихи.

И «Талисман», и «Чудное мгновенье»,
Или «К А. Керн», или «Не плач при мне»...
Стихи волнуют, словно вдохновенье,
Красивые, как краски по весне.

Возвышенные до небес и выше
И светлые, как будто солнца блик.
Читая их, все человечней, чище
Я становлюсь, черпая чувства в них.

Незаслуженная плата

Незаслуженною платой
Вновь болезнь пришла за мной,
Вмиг больничною палатой
Ограничив мир земной.

И опять я ею скован,
И уныл, и хмур, и зол.
Безразличен к жизни снова,
Будто вечным в мир пришел.

И отныне поневоле
Всем терпеть мой произвол,
Будто жить всегда без боли
Нас Всевышний произвел.

И родные очень люди,
И врачи со мной опять,
Как с дитем, возиться будут,
Будто старца, улажать.

И поддержан их заботой,
Окрылен теплом их чувств,
Снова обрету свободу –
От болезни излечусь!

Я простой больной сегодня,
Не известный журналист,
Не вчерашний беззаботный
Здоровяк и оптимист.

Поселен и я в палате,
Где нас пятеро больных.
Слышать в полдень, на закате
Мне отныне боли их.

Ждать уколов – график точен –
И анализы сдавать.
И с утра до самой ночи
Время некуда девать.

Сыт я истиной убогой:
И великие умы,
И тупые, как у Бога,
Тут, в больнице, равны мы;

И спортсмен, артист народный,
И поэт, кого все чтут,
И делец, и безработный
Все равны в больнице тут.

Свыкнуться придется с ролью
Новой, грусть в душе тая,
Потому что перед болью
Равен стал всем смертным я.

Больничным двор

Ухоженный зеленый, словно сад
Больничный двор, где тополя и сосны.
По вечерам вдали огни горят, –
Как Млечный путь, на горизонте Грозный.

В газонах пестрых, как весенний сад,
Больничный двор –
В цветах и травах росных.
А за забором дети голоса,
Играя шумно под присмотром взрослых.

Ах, как сейчас завидую я им,
Когда от боли никуда не деться,
И я был шустрым, как оии, давным
Давно когда-то в незабвенном детстве.

Сегодня же я жаждой жить у них
И верой незаметно заряжаюсь
И потому, живя среди больных,
Их безысходностью не заражаюсь!

Прав был поэт...

Осенняя пора – унылый дождь и грязь...
Какое ж тут «очей очарованье»?
Больничная палата. Я, томясь
Бездельем, жду здоровья дарованье.

А вот в больничном маленьком саду
Деревья далеки от увяданья
И я в него не раз еще сойду,
Родных встречая с посещенья данью.

Хотя день хмурый, моросит с утра,
Но вся природа – золота блистанье...
Был прав поэт, что пышная пора
Осенняя – «очей очарованье».

Когда больной ждешь состраданья
С другими горестными ты,
Когда вокруг одни страданья
Какие планы и мечты?

Когда лежишь в палате тесной
И сплошь уныние вокруг,
Какие тут стихи и песни?
Какое озаренье вдруг?

Когда лежишь в гнетущем сплине,
И разговор в палате сплошь
О выстрелах и в бок и в спину,
Какая тут «святая ложь»?

Когда лежишь врачом изучен,
Считаешь грустный бег минут,
Когда болезнью ты измучен,
Какая вера в завтра тут?

Но и в больнице не сдается
Иной – он верит: много дней
Еще встречать он будет солнце
И радовать родных людей...

Опять тревога подкосила
И страхом скованы мы вмиг,
Опять давление подскочило –
И мы уже в числе больных.

Ничто не радует нас в жизни
И к людям близким в эти дни
Так беспричинно мы капризны,
Хотя страдают и они.

И серо все в больничной сфере –
Палаты, люди, дни и сны.
Мы раздражительны не вмеру,
Хотя ничьей в том нет вины;

Хотя от Бога и природы
В судьбе людской любой пустяк,
У человеческого рода
Так было, есть и будет так.

Тревога

Сегодня с грустью думаю уже
О будущем я всех детей и внуков.
Тревога разрастается в душе
Быстрее вредных вирусов и слухов;

Стремительнее молнии в грозу,
Бурней реки,
В разливе рвушей путы...
Сейчас сухарь инфляции грызу,
Боюсь, что им он почерстнее будет.

Что ждет их завтра, послезавтра, после?..
Пейзаж в бурьяне потонувших сел?
Боль безработных юношей и взрослых?
Бездушный коммунальный произвол?

Нехватка всем неприхотливой пищи
Людей до диких нравов доведет
И толпы огрубевших в бедах нищих
Дорогами планеты поведет?

А перенаселение планеты
К трагедиям ужасным приведет,
Как миллионов песня будет спета,
В могилы миллиарды душ сведет?

Растают гор всех снежные покровы,
И Арктики и, и Антарктиды льды,
С земли Потоп Всемирный смочит снова
Людей, цивилизаций, стран следы?

Что делаем с природой, видя, чаще
О будущем я думаю уже,
Что ждет детей и внуков милых наших
На не таком и дальнем рубеже?

Не дай, Аллах, увидеть им, как всюду,
Забыв про суть свою, во дни беды
Брат брата убивать в безумстве будет
За хлеба кус и за глоток воды.

И вновь в пещерах каменных атланты
Всех будут милосердьем удивлять,
Рисую новый мир вокруг, таланты
Неандертальцы станут проявлять...

Всегда картины тягостные эти
Рисует мне перед грядущим страх.
Но Ты, Творец всего на белом свете,
Не преврати в реальность их, Аллах!

О поколении моем

Внучке Диане

Мои тревожней думы с каждым днем
О поколенья горестном моем.
Нас вскоре не останется на свете
Ни в городе гудящем, ни в селе,
Себя считавших на родной земле
За все происходящее в ответе.

На долю нашу выпало всего
Так много, что хватило бы его
На судьбы двух десятков поколений;
Четыре года нас, ворвавшись в дом,

Губил войны Отечественной гром,
В жестокости свой проявлявший гений;

Потом без всякой видимой вины,
Хотя в Чечне и не было войны,
Мы, как враги-предатели, в изгнание
Отправлены все скопом и вдали
От Родины тринадцать лет прошли
В Киргизии, Сибири, Казахстане;

И было справедливое потом
Труднейшее в родительский свой дом
К могилам, чуртам предков возвращенье.
Мужали мы в учебе и труде
И успевали вовремя, везде
Все сделать –
Шло Отчизны воскрешенье;

Но лег на плечи тяжких бедствий груз
Опять, когда могучий пал Союз,
И две войны, кому-то там в угоду
Прошлись Чечней, разрушив города;
Погибли сотни тысяч, без следа
Пропали, как в тридцать седьмые годы;

И снова захлестнула нас волна
Страданий, испытали мы сполна
И нищету, и боль, и безвременье;
Хотя не все, но снова дождались,
Как в села, города вернулась жизнь –
Шло и идет большое возрожденье.

И все-таки грустнее с каждым днем
О поколение думаю своем.
Не беспричинна вовсе дума эта:
Отчизна хорошеет – спору нет,
А нам на плечи давит тяжесть лет,
Она сживет нас вскорости со света.

Впечатление

Внуку Абдаллаху

Когда в привычном нетерпенье
Спешишь в врачебный кабинет,
То создается впечатленье –
Людей здоровых в мире нет.

Везде больных столпотворенье,
Повсюду – слезы, плач и стон,

Как будто в городе, селенье
Болезнью каждый поражен.

И хорошо, что есть повсюду
Врачи, готовые помочь,
Иначе вымерли бы люди
И жизнь бы превратилась в ночь.

Когда идешь с небрежной ленью
И толпы всюду застыт свет,
Вдруг создается впечатленье –
Людей больных как будто нет.

В «движенье броуновском» этом
Тебе и в мысли не придет,
Что по врачебным кабинетам
Кого-то боль сейчас ведет.

В толпе и не подозревает
Никто, что может боль сковать:
Всех жажда жизни привлекает,
А не больничная кровать.

Такое впечатленье снова
И снова возникает вмиг:
В толпе, что нет людей больных,
В больнице же – что нет здоровых.

Нас всегда тревожить будут
Риторические мысли:
Почему болеют люди,
Если Бог призвал их к жизни?

Почему уже страдают,
За грехи какие дети?
На глазах, как свечки, тают,
Не успев пожить на свете?

Почему и молодые
Люди корчатся от боли,
Те, что в годы золотые
Не узнали лучшей доли?

Почему седые люди,
Что пришли безгрешно в старость,
Ждут в больницах, словно чудо,
Исцеленья – жизнь не в радость?

И меня частенько гложат..
Риторические мысли –
Если боль меня уложит,
Спорить с коей нету смысла?

Семь пятниц

Внучке Марем

То снег, то дождь, то снег с дождем –
Зимой изменчива погода:
Мы белые сугробы ждем,
А нам весну дарит природа.
Погода стороны моей
Непостоянна в самом деле:
Характер женщины у ней –
Семь пятниц на одной неделе.

То под дождем, то на жаре –
Не предсказать весною это
Цветет все робко во дворе,
А время убежало в лето.
Совсем погода наших дней
Непредсказуема в апреле,
Характер женщины у ней –
Семь пятниц на одной неделе.

То зной, то хмурый мир угрюм, –
Хотя еще идут покосы,
И радуется зеленый шум,
Но мир шагнул как будто в осень.
Погоду в стороне моей
Не предсказать: и в самом деле,
Характер женщины у ней,
Когда семь пятниц на неделе.

По дороге в Шарой...

Сыну Руслану

Дорога петляет
По склонам по горным:
То пропасть, то – грохот
Реки из глубин.
То едем к вершине
Путем непокорным,
То – узкий проезд,
То – простор котловин.

С машиной шофер

Управляется ловко,
Еще поворот –
И в долине село...
Со съемочной группой
В командировку
Я еду – в дорогу
Письмо позвало.

Дорога бежит
По чеченской равнине:
То пастбище – стадо,
То поле – страда...
Я радуюсь каждой
Красивой картине,
И грохоту жизни,
И гулу труда.

«Уазик» ведет наш
Водитель сноровко.
Вид желтых полей –
Загляденье само...
И снова в далекую
Командировку
Я еду – сельчане
Прислали письмо.

И должен в поездке
Все сделать успеть я:
И будни заснять,
И людей записать
Так, чтоб в «Новостях»
Дать сегодня сюжеты
И чтоб интервью
Завтра в полосу дать.

Мороз ли, жара –
Отметаю уловки.
Я этим живу –
Что поделаешь тут?
Судьбу свою выбрал я –
Командировки,
Ведь я журналист
И меня всюду ждут.

В бурунах

Я в степях за Тереком –
В бурунах широких
Летом в маках красных,

Словно стяг,
Озером Майорским
В камышах, осоках
Любовался у друзей в гостях.

Там, в песках зыбучих,
Что лежат повсюду
На десятки, сотни верст вокруг,
Вид озерной глади,
Что подобен чуду,
Как мираж,
Захватывает дух.

Берега в зеленых
Травах, чуть поблеклых.
В тень деревья
И кусты зовут.
Озеро – то в бликах,
А то – в волнах легких,
Что игриво к берегу бегут.

Тут же недалеко
Шумная кошара,
Рядом чистый домик пастуха,
Где рассвет встречает
Блеяньем отара,
Только день – спокойный,
Ночь – тиха.

Редко тут бывают
Потому-то люди,
Что на много-много верст вокруг
Лишь пески, и это
Озеро, как чудо,
В бурунах. Кошара. И пастух.

Я приехал в эти
Дали по заданью.
Зарисовку посвящу свою
За его заслуги
Благодарной данью
Овчару, известному в краю.

Хайбах

Отвесный склон. Ползет навверх
Машина, будто в небо, еле.
Неверный шаг – и человек
Отбудет к прадедам – не к цели.

Но вот – вершина. Как в большом
Ковше зеленом великана,
Внизу клубится молоком
Большое облако тумана.

Дорога тут двоится. Что ж,
Мы не заблудимся со страху.
Нам ехать вправо – в Галанчо́ж,
А влево – напрямиком к Хайбаху.

А влево спуск крутой такой,
Что жмем всей силой на педали.
До хутора – подать рукой,
Доедем же за час едва ли.

В долине ж, вдоль Тисты, что вброд
Вмиг перейдет любая птаха,
Тропа-дорога приведет
К руинам бывшего Хайбаха;

К стенам конюшни, где людей
Сжигали в день февральский страшный,
Где, как свидетель горьких дней,
Стоит сторожевая башня.

Все помнит и река. Она
Чиста на перекатах пенных,
Как будто в день тот рождена
Из слез невинно убиенных.

И полнится слезами всех,
Кто в день февральский минул плахи
И кто несет в себе весь век
Боль безутешную Хайбаха.

Кезеной-Ам

Шаг черепаший – едем в гору
Мы медленно. Взойдем. И там
Откроется в долине взору,
Словно мираж, Кезеной-Ам.

Как разлилось в огромной чаше
Тут озеро – краса земли,
Из старины до дней до наших
Легенду люди донесли.

Как говорит сказанье, чудом

Создал Аллах Великий вмиг
Его, как наказание людям
За жизнь безнравственную их;

За то, что, проявив единство,
Презрев традиции они
Нарушили гостеприимства
Закон, святейший для Чечни.

С тех дней, как в горы приезжаю,
На перевале Харамя
В очарованье застываю
Перед картиной чудной я.

Сидел не раз в траве зеленой
Я, напросившись в тень к кустам,
Там, где, как в зеркале, все склоны
Отображал Кезеной-Ам;
Там, где ласкаем легким ветром,
Как будто звездный дар горам,
Лежит, переливаясь цветом,
Как бриллиант, Кезеной-Ам.

Водопад

Дочери Замире

Вашиндаройский водопад –
Леса и скалы под и над.
И брызги, словно звезды – их
Рожденье, смерть лишь только миг.

Поток бежал издалека,
Звенел он весело, пока
Не стала пропастью гора
И падать не пришла пора.

Течь не имея вспять права,
Что было б против естества,
От страха поседев, потек
Вниз, водопадом став, поток.

И, украшая склон крутой,
Рожденный горною грядой,
Льет водопад, словно коса –
Горянки гордая краса.

И где б нам в мире не бывать,
Его красивей не видать.
Вашиндаройский водопад –

Леса и скалы под и над.

Девичья коса

Внучке Камилле

Гора при въезде в Харахой,
Поток с вершины светлой льется.
Он нежно «Девичьей косой»
В народе издавна зовется.

Кто ни приехал бы сюда
Через долины, села, годы,
Тут остановится всегда,
Любуясь чудною природой.

Заворожен, как все, я той,
Всегда хранимой в сердце свято,
Косы девичьей красотой,
Бегущей с плеч ее до пяток.

К ней на свидание идут,
Как шли их предки, молодые.
Рождаются безмолвно тут
Любви союзы золотые;

Тут, где при въезде в Харахой
Поток с вершины горной льется,
Который «Девичьей косой»
В народе издревле зовется.

Башни

Внуку Адаму

Давно две башни в Тазбичи стоят:
Одна в ауле на холме центральном,
Другая за рекой, на склоне дальнем.

Их строили два брата, говорят
Легенды, чтобы стройностью пленяли
И чтоб века незыблемо стояли.

В них жизнь кипела. Были башни те,
Словно из камня сложенные песни,
Застывшие видением чудесным.

В них жизнь затихла. Были в суете
Заброшены и рушились годами –
Искоренялась планомерно память.

Они сегодня снова в красоте –
Помолодели, став еще изящней.
Свод неба держат на плечах две башни
В далеком Тазбичи – на высоте.

Море

Сыну Мурату

Бежала долгие века
С гор Черных Гойтинка-река
Через луга, леса и села
В равнинное свое раздолье.

Бежала многие века,
Гордясь свободой, пока
Ее однажды люди силой,
Словно коня, не укротили.

Не удалось плотину сбить –
Пришлось свою умерить прыть:
Она исправно служит людям,
Став морем – рукотворным чудом.

И счастьем Гойтинка полна,
Что дарит радость всем она,
Разлившись в Грозненское море
На Чернореченском просторе.

Старое кладбище

Вершины горной только небо выше...
Кусты. Деревья. Склон – в траве густой...
Заброшенное старое кладбище
За изгородью старенькой, простой.

Давно с землею сравнены веками
Холмы могил – и не узнать где, чей...
Замшелые нетесаные камни
В рябинках от дождей, ветров, лучей.

На старом кладбище сегодня редко
Услышишь голоса, хотя на нем
Тысячелетья хоронили предков,
Что жили тут, в селе моем родном,
В селенье Шуани, лежащем ниже,
Лишь камни и деревья сторожат
Могилы предков – тех, что на кладбище
Старинном безымянные лежат

Творчество

Бэла на эстраде

(М.Айдамирова)

Была, как подросток, легка и стройна
Певунья с блистательным аккордеоном
Казалось, что бросила вызов она
Бегущим годам и природы законам.

Растянет, как радугу, аккордеон,
Людей одарит своим солнечным взором, –
И песня польется, и будет пленен,
Зал голосом звонким ее и задором.

Весельем увлечь всех мгновенно могла
Марьям, как лезгинку она выводила.
В круг парень входил, руки – крылья орла,
Изящною павой сама выходила.

Искусства тернистым путем проходя,
Росла – и в тюрьму ее власть упекала
За песню, в которой как будто б вождя
В жестокости ссылки она упрекала.

Но люди – письмо, что вины ее нет,
Что так героиня спектакля, мол, пела.
И в Грозный запрос, и спасенье – ответ,
Что так упрекала Печорина Бэла.

Певуньей, что признана всеми была
Народной, по праву гордились всегда мы.
Казалось - она не старела - цвела
И голос звенел ее звонче с годами.

Полмира изъездила с песней Марьям,
Но сердцем к Отчизне родной прикипела -
Всегда возвращалась к любимым горам,
Которым с особой душевностью пела!

Валид поет...

(В.Дагаев)

Когда возьмет он дечик-пандур в руки,
Как нити света, струны заблестят.
Певец их тронет, пробуя, - и звуки,
Сердца пленяя, в дали полетят.

Со струнами советуется, будто
С друзьями он, настроит их – и в миг
Польется голос чистый, словно утро,
И звонкий, как пробившийся родник.

Звенит, людские души окрыляя,
Дарит им радость, мужество дарит,
И, никаких границ не признавая,
Влюбленный голос Валида летит.

И тех, кто мир искусства понимает,
Восторженные отклики лова,
Валида песни всем напоминают
Чарующие трели соловья.

Рассказ ведет он о горах, нам давших
И стать, и гордость, честь и счастье жить,
И нас зовет от имени всех павших
Готовым быть Отчизну защитить.

Валида песни, словно искры жизни
Ведь голос льется солнечный его,
Словно родник, из недр родной Отчизны,
Из сердца щедрого народа моего.

Жансари (Ж.Шамилева)

Весенний вечер так красив,
Как девочка в платочке синем,
Играет ветер в косах ив,
На небосклоне – звездный иней.

Жансари голосом своим
Картины рисовала эти
Родного края, что святым
И лучшим стал для нас на свете.

С народом поровну она
Делила все, когда жестоко
Была на смерть осуждена
И в ссылку сослана без срока.

Но там призвание нашла
В дни трудные судьбы тернистой:
В отряд подвижников вошла
Певцов, танцоров, гармонистов.

Они, преодолев свой страх
Перед судом, арестом, смертью,
В казахских селах, городах
Давали землякам концерты.

Чеченцам в самый трудный час
Дарили веру и надежду,
Что будет им родной Кавказ,
Что будут жить в Чечне, как прежде.

Всегда в полет устремлена
Была Жансари – дочь народа –
В весенний вечер влюблена,
Что в мир в платочке синем сходит.

Мовлад
(М.Буркаев)

Мовлада голос только зазвонит,
И стар и млад, бывало,
Как к фонарю рой мотыльков летит,
На свет спешили зала.
Все потому-то, потому
Тянулись зрители к нему,
Что чудной песнею своей
Умел он радовать людей

Его красивым звонким тенором сам Бог
Отметил в день рожденья,
Чтобы сердца людей возвысить мог
Великолепным пеньем.
Вот потому-то, потому
Рукоплескали все ему,
Что песней мог сердца зажечь,
Их к солнечной мечте увлечь.

Он прославлял любовь и красоту
Своей лиричной песней
И Родину единственную ту,
Которой нет прелестней.
И потому-то, потому,
Что был кумиром ко всему.
К нему тянулись стар и мал,
Кто толк в эстрадной песне знал.

Был с молодыми у певца свой лад –
Он жил в шумном стане
И песня, что сегодня спел Мовлад,

Хитом на завтра станет.
Вот почему признан он,
На пьедесталы вознесен,
Что песенный волшебный дар
Ему Всевышний в детстве дал!

Художница
(Замира К.)

Лист. Акварель. Полет штриха...
Художница рисует ярко:
Вот в легкой дымке угол парка
И в блесках солнечных – река;

Аллеи стриженной изгиб,
Луч пробивает кроны ел,
Вот шумной пестрой карусели
Огромный голосистый гриб;

Вот ива, что, взметнувшись вверх,
Застыла, как фонтан зеленый,
Вот сединою убеленный
Идущий с внуком человек...

Круг солнца, будто для нее –
Палитра, краски – радуг гаммы,
Чарует чудными цветами
Картины светлые ее.

Художница рисует. Лад
С мечтой у юной фантазерки:
Весь мир красивым видит зоркий,
Влюбленный в жизнь по-детски взгляд.

Песня мужества
(С.Димаев)

В бою с врагом на поле брани
С отвагой гибнущей герой
Нам оставляет в назиданье
Завет, испытанный судьбой:
Коль жить, то – человеком,
Коль гибнуть, то – героем,
Чтоб люди век за веком
Гордились все тобою.

Горит земля – пожар пылает
И, кажется, спасенья нет.

Других спасая погибает
Герой, оставив нам завет:
Коль жить, то – словно пламя,
Коль умирать, то – смело,
Чтоб имя, словно знамя,
Величие имело.

За правду с ложью в бой вступая,
Светя другим, сгорая сам,
В стихах ли, в песнях оставляет
Герой завет потомкам – нам:
Коль жить, то – жизнью правой,
Коль гибнуть, то - за дело,
Чтобы имя, словно слава,
Твое в веках гремело.

Песня

Памяти Малх-Азни
Чакараевой

Словно птичка певчая зорнянка,
Песня улетела в даль и в высь.
Ты, звонкоголосая горянка,
Подарила крылья ей и жизнь.

И слова, как жемчуга роняя
В души всех восторженных людей,
Льется песня и страна родная
Радостно внимает всюду ей.

Льется песня... Яркий, звонкий, юный
Голос соловьиному сродни
Рано мир покинувшей певуньи –
Солнцеликой нашей Малх-Азни.

Почему Всемильостью Известный,
Не продлил, Господь, ты жизни ей,
Что б еще своей волшебной песней
Радовать она могла людей?

Голос певца
(С.Магомедов)

Чарующий голос певца
Звенит, окрыляя сердца,
И в дальние дали зовет, -
Султан Магомедов поет.

Пленяющий голос его
Парит, как орел, высоко,
К мечте направляя полет, –
Султан Магомедов поет.

Раскованный голос его
Разносится так далеко,
Что всех достигает широт, -
Султан Магомедов поет.

И в дальнем, и в ближнем краю
Он славит Отчизну свою,
Что людям на счастье цветет, -
Султан Магомедов поет.

Блистательный голос певца
Всегда очищает сердца
От болей, печалей, забот -
Султан Магомедов поет.

Летя через годы, века
Певец будет славен, пока
Жить будет чеченский народ -
Султан Магомедов поет.

Стихов творенье
(Я – Сам)

Тем, кто к музе знает рвенье
Удила Пегаса рвет,
Я скажу: стихов творенье
Не полет, а адский труд.

Слово ищешь, как проклятый,
Чтобы смысла был гарант
И четвертый, и десятый
Отвергаешь вариант.

Доказать решило словно,
Кто главнее в той борьбе,
Не ложится в строчку слово,
Как хотелось бы тебе.

Перепахиваешь ниву –
Стих, с отчаяньем борясь,
Свой ругая ум ленивый,
Отшвырнешь перо не раз.

Ведь выходит, как ни бейся,

Все не то и все не так:
И не льется плавно песня,
Стих не сложится никак.

Если строен ритм, как рельса,
То корявы образа,
Если фразою согрелся,
Слог не радует глаза...

Словом, труд – стихов творенье,
Мненьям многим вопреки,
А совсем не озаренье
Мыслью движимой руки.

Композитор
(А.Шахбулатов)

В тридцатые жестокие рожден,
Хоть была обвинений слишком молод,
Его сослали в Казахстан, где он
Юнцом познал бесправье, голод, холод.

Был раз и навсегда пленен Аднан
Там музыкой, услышанной случайно:
Ему творенья дар был свыше дан,
Свыше все открыты звуков тайны.

Была всегда мелодия его
Воздушной, светлой, искренней и долго
Звучала, превращаясь в хит легко,
На Родине любимой и не только...

Неповторимым было мастерство
Аднана - композитора от Бога:
Звучало в песнях жизни торжество,
Романтикой светились звуки, строки.

За силу воли и талант Адна
Кумиром молодежи стал при жизни,
Которому был дар счастливый дан –
Достойным сыном быть своей Отчизне!

Огоньки любимых глаз
Другу З.Чергизбиеву

С первой звездной встречи,
Верности предтечи,
Навсегда связавшей нас,

Всюду на земле
Ярко светят мне
Огоньки любимых глаз.

С первой робкой встречи
Счастьем наш отмечен
Каждый день и каждый час
Потому, что мне
Светят на земле
Огоньки любимых глаз.

Об одном мечтаю,
Чтобы, в буднях тая,
Жар душевный не угас
И светили мне
Вечно на земле
Огоньки любимых глаз!

Новая трасса

По трассе скоростной мчу в даль
Шум жизни где-то в стороне:
Ни сел в дороге новой – жаль –
Ни городов не видно мне.

Бывало же - к окну прильнешь -
И город видишь, и село,
С которыми знакомство сплошь
К открытиям всегда вело.

Пряма дорога, как стрела –
Сад, поле, горка, лесостой...
Но не увидишь ни села,
Ни города в дороге той.

А мне бы по селу катить,
А мне б по городу плестись,
Что бы, увидев, полюбить
Их неизученную жизнь.

В поездке грустно мне порой
На этом скоростном пути,
Что жизнь проходит стороной
И пропадает позади.

Мчу с ветерком я по стране,
Смотрю с тоской по сторонам...
Через селенья б ехать мне,

Ползти бы мне по городам.

В магазине

Рыдала в магазине кроха,
Просила фруктис ей купить.
А мама оказалась строгой -
От полок стала уводить.

Она тащила кроху силой,
Грозя: «Ты замолчишь?.. Или...»
Ах, как малышка мать просила!
Ах, как слезиночки текли!

Едва малышка упиралась
После угрозы: «Не глупи!..»
Слезами только умывалась,
Молила только: «Ну, купи!..»

Мать молодая - только строже
Прощла спокойно мимо касс...
Затихла кроха, слезы все же
Текли предательски из глаз.

Я думал: «Зная, что во власти
Они у нас – куда же им? –
Ну, почему мы очень часто
Жестоки к малышам своим?»

То ли не первые рыдания?
То ли запуганной росла?
И в предстоящем наказанье
То ли уверена была?

Она сквозь слезы говорила:
«Я успокоилась, молчу»,
Она испуганно твердила:
«И ничего я не хочу».

Глаза ж, в слезах хотя и мутны
Малышки были в этот миг
Такими синими, как будто
Все небо уместилось в них.

Когда я плач ребенка слышу,
Заплакать вместе с ним хочу.
Сказал я матери: «Купи же,
Что просит кроха, я плачу».

Но незнакомка, жаром вспыхнув,
Сказала, логики полна:
«Не надо. К этому привыкнув,
Несчастной вырастет она».

Мне долго помнилась упрямо
Та сценка, мысли к ней влекли...
Ах, как молила кроха маму!
Ах, как слезиночки текли!

Собачка

Палящий август. Вечер ясный.
Фонтан – прохлады островок...
Сюда народ приходит разный,
Что бы забыться от тревог.

Резвится детвора, играет
Собачка смирная с детьми...
Та, что еще хлопот не знает,
Еще не пугана людьми.

Идущая домой с работы
Присела женщина одна.
Собачка – к ней. В пакете что-то
Видать унюхала она.

Хотя собак и не любила,
Хозяйка в ужас не пришла:
Кусок колбаски, что купила
Семье на ужин, ей дала.

Она добрей всех оказалась,
Смогла брезгливость превозмочь
К собачке той, что б не касалась
Детей, другие гнали прочь.

В санатории

Я с лицом от боли хмурым
В санатории грущу,
И привычно процедурам
Должное отдать спешу.

Их назначил врач мне много.
«Это надо, - говорит, -
Чтоб болезнь леченьем строгим
Чуть хотя б уgomонить».

Или приструнить хотя бы
И ослабить боль чуть-чуть,
Что бы организм твой слабый
От нее мог отдохнуть».

Надо – значит, так и надо –
Законопослушен я
И врача решение свято,
Как персть Божий для меня.

Выполняю все без слов я
Предписания его,
Лишь бы только дал здоровья
Мне Господь в конце всего.

Верю я, что исцеленье
Мне от Бога снизойдет:
Только по Его велению
Каждый врач рецепт дает.

Мои друзья

Все герои прочитанных книг
С детских лет мне знакомы, со школы:
Я учился теплу у одних,
У других – вере, твердости, воле.

Всех героев прочитанных книг
Я живыми себе представляю:
Если счастливы, - рад я заниз,
Если бедствуют, - боль разделяю.

Помню слово, характер и лик
Я героев и мало знакомых
Восхищаюсь тем, кто делом велик,
Возношу тех, кто в кластере скромных. .

И в какие б ни жил из эпох,
Станет тот, что знаком не по слухам,
Мне врагом, если к людям жесток,
Если он милосерден, мне - другом .

Тот герой долго-долго идет,
Как живой, всюду рядом со мною:
То пример доброты подает,
То судьбу отравлет собою.

Так всегда в этой жизни живу
Я – любитель прочитывать книги -,
Представляя себе наяву
Их героев различные лики...

Беда

Сколько гнева на планете,
Сколько зла...
Надо жить при всем при этом –
Вот дела.

Сколько горя, бед на свете,
Смертных дел...
Выживать, страдать при этом –
Вот удел.

Сколько ненависти в мире,
Войн и ссор –
На неправый суд задира
Часто скор.

Справедливость в горле комом -
Вот беда.
Блат превыше Совнаркома,
Как всегда

Слабые – на дне, забыты –
Их не счесть
И достоинство забыто,
Долг и честь.

И не счесть трагедий в мире,
Жизнь – борьба...
Тянут дни ко дну, как гири, -
Вот судьба.

Мало радости повсюду,
Но она
Силы жить дают нам, люди,
Как весна.

Счастье – редкостная гостья
В судьбах, но
Силы всем лает нам просто
Жить оно.

И Всевышним эти силы

Нам даны
Что б ему все в жизни были
Мы верны!

Одиночество

Я – царь царей и царь Ассаргадон
В.Брюсов

«Я – царь царей» твердил Ассаргадон
И верил в лесть слов пышных и притворных.
На самом деле одинок был он
В кругу рабов, вельмож своих придворных.

«Я царь царей» все мнил Ассаргадон..
Он был богами признан и всевластен.
Им дальний мир и ближний покорен,
Но все равно был одинок, несчастен

Наложниц тьма, но холодны они –
Не греют очи, чувства их и души,
До гибели его считают дни
Коварные его глаза и уши.

Всегда был недоступно окружен
И лжи, и фальши плотным частоколом.
Был волю проявить не в силах он,
Опутанный проклятым протоколом.

Что б жили лучше, он ходил в поход,
И убивал, и жег, не дрогнув бровью,
Но, чем богаче делался народ,
Он менее горел к царю любовью.

Казалось - он всего достиг в судьбе,
Был добр к своим, в бою с врагами - страшен.
И все-таки был одинок в толпе
В кольце сатрапов, и льстецов, и стражи.

Дворец, хоть ненадежный, все же дом,
Куда уходит в мир свой одинокий
Он, царь царей и царь Ассаргадон,
И для врагов и для своих далекий.

Клятва

Я в годы детства утвердился в клятве –
Жить, возводя в болоте жизни гать,
Учась у земледельца севу, жатве,

У зодчего – жилища возводить

Хотя безвинно изгнан был из дома,
Я в юности поклялся так прожить,
Чтобы сыновним долгом в путь ведомый
Отчизне безупречно предан быть.

И клятвы исполнение в обычай
Вошло и каждый день и час учусь
Я у буровика нефтедобыче,
А у поэта – воспеванью чувств.

Учусь я, защищая справедливость,
Надежду по возможности дарить
Всем людям, чтоб смогли за эту милость
Всевышнего всегда благодарить

Всегда я клятве, как иману, верен,
Ей следую всю жизнь в своих делах...
И впредь с ней каждый шаг мой будет сверен,
Покуда продлевает жизнь Аллах.

Мама

Зайнап

Маме все артисты и поэты
Песни посвящают и поют,
Человеком лучшим на планете
Маму уважительно зовут.

Нет теплее материнской ласки,
Той, которой дети всюду ждут,
Доброй феей из волшебной сказки
Ведь недаром маму все зовут.

И роднее, и любимей мамы
Человека в мире не найти,
Если даже Землю всю упрямо
С полюса до полюса пройти.

Если даже до окраин самых
В поисках Вселенную пройдем,
Мы дороже нашей милой мамы
Человека в мире не найдем.

Зимние стихи

Солнечный снег

Сквозь разрывы туч пылает
Солнце – лучики легки
И снежиночки летают
Белые, как светлячки.

В воздухе снежинки тают –
Не доходят до земли:
Солнце их судьбу решает,
Чтоб снега не замели.

В декабре весна как будто:
Лужи, грязь, трава – тепло,
Не багровый вечер, утро,
Не в рисунках льда стекло...

Нас природа убеждает
В декабре нежданно всех,
Что не только дождь бывает
Солнечным, но даже снег.

Убеждает без сомненья
В том декабрь, дождем умыв,
Что глобалопотепление –
Это правда, а не миф!

Лунный снег

Туч пелена тончайшая. Сияет
Луна. Повсюду лампочки горят.
И в свете их, серебряно сверкая
Снежинки, словно мотыльки, парят.

Так при морозце в декабре бывает
Хоть редко, но естественно вполне,
Что ночью в час безветренный летают
Ажурные снежинки при луне.

Они неслышно, тихо так ложатся
На землю, видом удивляя всех.
К утру мороз окрепнет и слежаться
Успеет этот легкий лунный снег.

Стал на природу я за то в обиде,
Что-де за свой довольно долгий век
Ни разу лунного дождя не видел,
Но не однажды видел лунный снег.

Снега же шли и падали, наверно,
Не раз. В том, что не видел той красы
Природу будет обвинять неверно,
А где ж сам был я в те часы.

Серее тучи и мороз крепчает
День ото дня – зима берет разбег
И он нескоро на земле растает
Декабрьской ночью шедший лунный снег.

Лунный мороз

Небо чисто. Полнолуние. Плюну
Я на ветер, дующий насквозь,
И пойду гулять привычно в лунный
Мороз.

Наметает ветер мини дюны
Там, где нет следов шагов, колес
Закрепляет их, как скульптор, лунный
Мороз.

И звенят сосульки, словно струны,
С крыш свисая, набирая рост,
Песнь зиме на них играет лунный
Мороз.

Не спешу. Упав – я знаю - клюну
Носом или навзничь – рук разброс:
Землю быстро остужает лунный
Мороз.

Мне поможет избежать фортуна
Все ловушки ледяных угроз,
Те, что расставляет хитро лунный
Мороз.

Потомок нарта

Памяти Героя Советского Союза
Ханпаши Нурадилова

Он не из тех,
Кто жизнь берег свою,
Хотя ее бездумным не был мотом...
Не раз Отчизну заслонял в бою
Потомок нарта с верным пулеметом.

Когда враги,
Все на пути круша,
Вперед, гудя, катили к Волге траки,
Встречал их всюду храбрый Ханпаша,
Не знающий ни промаха, ни страха.

Джигит,
В горах, у снеговых вершин,
Рожденный гордой матерью-горянкой,
Врагов разил мужчина из мужчин,
Не укротимый со своей тачанкой.

Любовью к милой родине дыша
И равнодушный к славе и наградам,
Пал в девятнадцать в битве Ханпаша,
Словно герой илли,
Под Сталинградом.

Враги, перед прицелом мельтеша,
Как травы под косою,
Никли сразу...
Орлиным взором метил Ханпаша
И промаха не знал в бою ни разу.

И перед ним на бруствере всегда
Тела убитых высились горою...
Когда он пал, с небес его звезда
Наградой легла на грудь героя.

Мы с детства все всегда гордились им,
Его считая каждый кровным братом.
Жалели, что в великой битве с ним
Не довелось сидеть в окопе рядом,

Чтоб научилась каждая душа
В Отчизне,
Где судьба нас народила,
Страну и жизнь любить,
Как Ханпаша,
И погибать за них,
Как Нурадилов!

Не от меня зависит...

Детям и внукам
сестры Паламат

Вновь с гамлетовским: «быть или не быть?»
С постели на пол утром ставлю ноги.

Вопрос же главный – жить или не жить?
Не от меня зависит –
Слава Богу.

Мне надоело многое давно –
Не нравятся мне установки жизни,
Когда одним лишь нищенство дано,
Другие по нему же правят тризну.

«Зову я смерть» упрямо, как Шекспир.
Три четверти я века прожил – много!
Но то ли жить, то ли покинуть мир,
Не от меня зависит -
Слава Богу!

Как беднякам – так горе да беда,
И пот рабочий за станком, за плугом.
Хапугам же – все блага, без труда
Дарованные им не по заслугам.

Стараюсь я в труде про все забыть,
Надеждой украшая мир убогий.
Вопрос же главный – жить или не жить,
Не от меня зависит –
Слав Богу.

И столько дней определенных жить
На свете мне Всемилосердным Богом
Я с гамлетовским: «быть или не быть?»
С постели на пол буду ставить ноги.

И сколько, как веревку, вить дорогу,
Не от меня зависит –
Слава Богу!

За долгий век я все перевидал
И пережил такое я и столько,
Что для иных на жизни две хватило .

Во многих я мечтах перевитал,
Но каждый раз был разочарован только –
Явь разрушала все, что в мыслях было.

Я с детства испытал до этих дней
И боль, и нищету, и наказание,
И жизни горькой всю несправедливость.

Но мне давали силы реки гор,

Страницы книг и жажда новых знаний,
Работа, что до лет преклонных длилась.

Всегда народу честно я служил
В дни мира, в годы горя, лихолетья
И поровну делил с ним все на совесть.

Одним все эти годы гордо жил –
Писал, пишу уж шесть десятков лет я
О виденном и пережитом повесть.

Уже в ней глав написано солидно,
Но все конца ей до сих пор не видно.

В тартарары сработанный режим
Сегодня полетел:
На тезет в дальнее село спешим,
Отбросив массу дел.
Ведет машину сын и чуток он,
В окно – движенья гул.
В пути - деревьев с двух сторон
Почетный караул.

Привычный канул ритм в тартарары
Сегодня – шум и гам:
Женился сын одной моей сестры –
Все родственники там.
Поздравить должен молодых и я
И радость разделить,
Чтоб продолжала новая семья
Вить родственности нить.

В тартарары – обыденный расчет:
У друга юбилей –
Уж шесть десятков лет его растет
Груз месяцев и дней.
В машине мчу на братний зов –
Далек его аул...
На всем пути неблизком - гор, лесов
Почетный караул.

Рамадан

Детям и внукам
сестры Азы

Он благотворен, месяц Рамадан,
В судьбе любого верующего в мире.

Для очищенья он Всевышним дан,
Чтобы грехов нас не давили гири.

Он чудотворен, месяц Рамадан,
Что, отражаясь в деле и в решенье,
Он возвышал всемерно мусульман
И в милосердием, и всепрощеньем.

Он исцеляет, месяц Рамадан,
От всех нам уготованных напастий.
Он правоверным всех на свете стран,
Аллахом выделяется на счастье.

Благословен будь, месяц Рамадан,
Который входит в каждый дом без стука,
Как самый светлый праздник мусульман,
Как милости Всевышнего порука.

Три звезды

Детям и внукам
сестры Розы

В те дни, как правил атеизм свой бал
И рамадан был под запретом строгим
И с минарета муэдзин не звал
К молитве всех, кто свято верил в Бога,

Мы тайно все постились без еды.
И раз азан услышать было невозможно,
Нам взрослые сказали: три звезды
Зажгутся в небе – пить и кушать можно.

От жажды мы страдали без воды
И все-таки, хотя и было трудно,
Мы ждали, как зажгутся три звезды,
По-детски поторапливая будни.

Проголодавшись, начинали мы
Заранее заката ждать все, чтобы
Увидеть с приближеньем легкой тьмы
Сиянье звезд на небе, глядя в оба.

Любили света их упрямо ждать,
Судьбу как будто каждая решала.
До трех нам не терпелось сосчитать,
Чтобы поесть ничто нам не мешало.

Как нетерпенья нашего плоды,

Всегда в свой срок на небе появлялись,
Как будто, пожалев нас, три звезды –
И голод с жаждой мигом утолялись.

Жива картина детства, хоть сады
Уж семь десятков раз цветут в округе,
Как ожидали видеть три звезды,
Что заменяли нам азана звуки.

И. к прошлому не чувствуя вражды,
Я гордо вспоминаю не случайно
Из детства три заветные звезды
И уразу, что мы держали тайно.

Ленин жив...

Прав поэт великий был
Раз, вождю польстит решив,
Осмелевший заявить:
Ленин жил,
Ленин жив,
Ленин будет жить!

Вот уж век, как заявил
Так поэт, и факт не лжив,
Всех сумевший убедить:
Ленин жил,
Ленин жив
Ленин будет жить!

И сегодня, хоть почил
В бозе вождь, глаза смежив,
Продолжает нас учить,
Утверждая, что он жил,
Подтверждая, что он жив,
Что он будет жить!

В карту глянул, как и был,
Область, имя не сменив,
Продолжает нам твердить:
Ленин жил,
Ленин жив,
Ленин будет жить!

Грозный имя сохранил,
Будет в улице, решив,
И в районе нам служить
Утверждая, что он жил,

Подтверждая, что он жив,
Что он будет жить!

Неужели заслужил
Вечной жизни он, как миф?
Сколько же еще твердить:
Ленин жил,
Ленин жив,
Ленин будет жить!

Испытание

Детям и внукам
Сестры Зурины

Бомбардировки – всласть, бомбардировки...
И смерть, и стоны – вечный спутник их,
И не хватает летчикам сноровки:
Одни объекты – цель, но жгут других.

Бомбардировки устрашенья актом
Все были днем и ночью – каждый час,
Пожаров, разрушений страшным фактом
Они разочаровывали нас.

Пилоты не всегда бросали бомбы
На поле, за околицу, вдали,
Напротив, в озлоблении с апломбом
На дом жилой свой штурмовик вели.

И вакуумных, шарико-пружинных
Бомб взрывы тут калечили людей,
Игольчатых, напалмовых, глубинных
Разрывы грохотали много дней

Бомбардировок точечных, ковровых
За две войны, прошедшие в Чечне,
Так было много, что в налетах новых
Могли ее разрушить всю вполне.

И это стало явью – все в руинах
Лежали села, города Чечни
И навсегда на фото, на картинах
Сохранены сегодня лишь они,

Чтобы жестокость войн не забывали,
Бомбардировки помнили всегда
И новых битв в Чечне не начинали
На страх, на горе людям – никогда.

Отбросив на насилье правомочность
И жалости не зная ни грана,
Испытывала мой народ на прочность
Лет десять жесточайшая война.

Я знаю...

Детям и внукам
сестры Гули

Я знаю, что никто не в силах в мире
Людей земли всей счастьем одарить
И отменить в мгновенье все мундиры,

Чтобы могли в покое людм жить,
Не слыша свиста пуль, не зная страха,
Трудиться мирно и детей растить,

Я знаю, что никто, кроме Аллаха
Не в силах дать богатства людям всей
Земли, сегодня ставшей многим плахой,

Я заю, что не сможет всех людей
Планеты нашей примирить друг с другом
Никто при всей премудрости своей,

Чтобы война не делала за кругом
Круг, сея смерть, и ужасы, и зло,
Чтоб не смотрели в завтра все с испугом,

Чтобы в делах и в милости везло
Всем людям на земле, не зная краха,
Чтоб расцветали город и село.

Все это сделать в силах лишь Аллах,
Всевластный, Милосердный, Всемогущий
Лишь надо верить всем не на словах

Ему, молитвой очищая души!

Утром ранним...

Детям и внукам
сестры Нурьян

Спешу на берег Сунжи ранним утром,
Чтоб с физзарядки начинать свой день,
Который весь расписан по минутам
И в каждой – труд

И ни в единой – лень.

Спешу на берег Сунжи утром ранним,
Велосипед свой оседлав легко,
Кручу педали долго,
Со старанием,
Не отходя от речки далеко.

Спешу на берег Сунжи ранним утром,
Оттуда начиная пеший путь,
Я следую всегда советам мудрым:
Движенье – жизнь,
А в ней – здоровья суть.

Спешу на берег Сунжи утром ранним,
Чтобы тропой солнечных лучей
По лужам «аки по суху»
К желанным
Идти сердцам любимых мной людей.

Спешу на берег Сунжи ранним утром,
Навстречу мне день новый – новым чудом.

Графоманам

Не будь это сказано людям в укор,
Но темы крикливой отваги и сакли,
И матери милой, и дружбы, и гор
В чеченской поэзии явно иссякли.

Сегодня писателей не сосчитать -
И все «одаренность» являют большую.
И тема избита - любовь, горы. мать ,
И строки похожи одна на другую.

Но если так хочется лавры снискать
Поэта в чеченской всей литературе,
То образы новые надо искать,
Другие черты и другие фигуры.

Чтоб национальный придать колорит,
К шаблонам ведем мы стихи, как на плаху.
И все в них присутствует – рифма и ритм,
Но только поэзии –
Кот что наплакал!

Пятигорские картинки

Я снова тут – в «Лесной поляне»,
Оставив суету забот,
Лечусь, хотя я это в плане
Не намечал на новый год.

Ничуть здоровьем не рискуя,
На всякий случай я решил,
В тонах надежды жизнь рисую,
Курортный наблюдать режим.

Да в Пятигорск спешу, однажды
Его когда-то полюбив,
Где, как легенда, камень каждый,
Где горка каждая – как миф;

Где память, в новое вплетая,
О людях знатных, о былом
Хранит и улица любая,
И старенький опрятный дом.

Не горы, не леса, не зданья
Тут приглянулись просто мне, -
Красивей, выше, первозданней
Они в моей родной Чечне;

Не реки, не долины даже
Влекли и в яви и во сне
Сюда – они чудней и краше
И привлекательней в Чечне;

И не природа все манила
Сюда и манит, в жизнь входя,
А вод живительная сила,
Они есть и в Чечне хотя.

И потому в «Лесной поляне»
Я вне своих забот-хлопот
Живу, лечусь, хоть это в плане
Не намечал на этот год.

Уже от Залукокоаже(*)
Не неожиданно, не вдруг,
Как нарт, поставленный на стражу,
Встает в свой полный рост Машук.

А это, знать, до Пятигорска

Осталось уж немного верст
И вскорости с вершины в горстках
Мне набирать пылинки звезд.

Тут, в городе, как будто знаю
Я все, крутя за кругом - круг,
Где взор куда ни кинь – Бештау,
Куда ни посмотри – Машук.

И прочно связано при этом
Неразлучимо, навека
Все с русским гением-поэтом,
Что пал на склоне Машука.

И каждый раз встречаться рад я
Тут с Лермонтовым потому,
Что Пятигорск и Грозный – братья
Навек, благодаря ему!

Этаж седьмой. Балкон. Сижу - мечтаю.
И вслух шепчу стихи, словно ашуг,
Что справа вижу пять вершин – Бештау,
А слева – застит горизонт Машук.

Лег спереди проспект, словно аорта,
Вдали – отроги, словно миражи.
Растут границы города-курорта,
Как альпинисты – в гору этажи

Все ближе подбираются к вершине,
Все меньше места для лесов густых,
Все менее целебнее тут ныне
И воздух, и вода , и действие их.

И все же радость тут я обретаю,
Когда спешу я в Пятигорск, как друг,
Где слева, как дракон в пять, - Бештау,
А справа – олегендленный Машук.

-
- Залукокоаже - город в Кабардино-Балкарии.

Уходят сверстники мои...

Детям и внукам

сестры Малики

Уходят сверстники мои,
Постарше чуть и чуть моложе...
Я ж коротаю дни свои.
Что каждый прошлого дороже.

За каждый день благодаря
Всемилоостивого Аллаха,
Спокойно ожидаю я
Смерть неизбежную бе страха.

Раз в землю должен ведь уйти
Из колыбели вставший кроха,
И подвести в конце пути
Всей жизни прожитой итоги.

Надеюсь, будет мой итог
Хорошим, путь хотя был зыбок:
Немало пройденных дорог,
Немного сделано ошибок.

Их замолил я и ни в чем
Не должен падать ниц я, каясь:
Со всеми честным и во всем,
Был, замолить грехи стараясь,

С душой открытой в каждый дом
Входил, не лгал, не лицемерил,
И людям сделанным добром
День каждый прожитый я мерил.

И всюду слабых защищал
Я, в дело вмешиваясь сразу:
Когда их сильный обижал,
Я мимо не прошел ни разу.

И черной зависти не знал
К тому, кто был успешней в жизни,
А жить в согласии желал
С фортуной – дамою капризной.

И потому готов к суду
Всемилоостивого Аллаха
И каждый день спокойно жду
Смерть неизбежную без страха...

Спокойно жду и потому,
Что, верю, милостив в день Судный

Ко мне Бог будет – ведь Ему
Служил я верно в жизни трудной.
Пока же сверстники мои
Уходят – старше и моложе,
Я ж коротаю дни свои,
Что друг на друга все похожи...

А скоро ль подводить итог
И долго ль еще мне сиро,
Об этом знает только Бог,
Кем предначертано все в мире.

Риторика

Я задаюсь вопросом каждым утром:
«А для чего мне эта жизнь дана,
Бегущая потоком пенным, мутным,
Достичь стараясь смерти, словно дна?»

Я задаюсь вопросом каждым утром:
«А для чего мне эта нужна,
Когда препоны ставит всюду мудрым
И честным людям, как силки, она?»

Я задаюсь вопросом каждым утром,
Глаза открою сонные едва:
«Зачем же жить во времени мне смутном
Когда рот заткнут, отняты права?»

Когда и впрямь по поговорке вышло,
Которую во лжи не упрекнешь,
Что наш закон, как у повозки дышло:
Туда пойдет, куда ни повернешь;

Зачем мне жизнь, когда порою всюду
Отчасти выживают – не живут
И в поисках достойной доли люди,
В любые дали, бросив все, бегут?»

Вопросы риторические эти
Я задавать бы бесконечно мог..
Но только может дать на них ответы
Все в жизни нашей предписавший Бог.

Быть может, мне, как испытанье, Богом
Даны нелегкой долгой жизни дни?
Проблем немало, счастья только крохи
Не потому ли мне дают они?

Все больше тает с каждым днем
Желанье жить на белом свете –
Как много грубой силы в нем,
Как мало доброты при этом,

С годами тает все сильнее
Желанье радоваться жизни –
Как мало благодатных дней,
Как много бед и горьких тризней.

С минутой каждою ясней
Ненужность этой жизни стала –
Как много черной злобы в ней,
Как милосердия в ней мало.

И все-таки цепляюсь я
За жизнь, хотя и надоела, –
Вновь занимается заря
И я опять берусь за дело.

Я понял истину одну,
Что Бог все сотворил умело.
Я с новым утром в жизнь шагну –
Мне в мире до всего есть дело!

Весенний снег

Детям и внукам
сестры Саламат (Паки)

Земля в снегу весеннем не озябла.
Снег – лепестки цветущей алычи
И кураги, черешен, груш и яблонь,
Айвы и вишен...
Жаркие лучи

Снежок апрельский растопить не в силах,
Его природа щедро намела
После дней зимних
Стылых и постылых. –
Земля везде вокруг белым бела.

Когда же ветер лепестки закружит,
Поднимется метели кутерьма,
Но только вновь морозно не завьюжит
И не вернется вскорости зима.

И потому-то в людях нет смятенья,
А радость в их глазах наоборот:
Ведь это белопенное цветенье
Природу обновляет каждый год.

Весна природе пестрые одежды,
Словно швея волшебная сошьет
И, главное – подарит всем надежду,
Что самым лучшим будет новый год!

Избранные сонеты

1

Я о тебе пою, Чечня моя,
Высокими, словно Башлам, словами,
Которые на ум приходят сами,
Жемчужинами яркими горя.

Качала в колыбели ты меня
И потому я называю мамой,
Тебя, как горцы гордые веками,
Принадлежать к которым счастлив я.

Твои просторы всех щедрот полны,
Как сказочная скатерть-самобранка,
Которой гость любой, как благодать.

И потому, Чечня, хочу сказать -
Прекрасна ты, как все твои горянки,
Отважна ты, как все твои сыны!

2

Чечня моя! Родней тебя искать
Не стану никогда ни в Свете Старом,
Ни в Свете Новом - говорят недаром
Приятней дым Отечества глотать.

Чечня моя! Мне нелегко понять
Тех, кто ушел, гоним войны пожаром.
И я с семьей его был обдан жаром,
Но даже не подумал убежать.

Чечня моя! В одном из сел твоих
Родился я и вырос, все деля
С тобою ровно и с родным народом.

И тем горжусь, что я чеченец родом,
Мечтая, чтоб была твоя земля

Могилой мне, как для отцов моих...

3

Чечня моя! В истории твоей
Трагических кровавых вех немало:
Их в веке восемнадцатом начало,
Когда твой сын, подняв Кавказ, со всей

Россию сражался много дней;
В столетье девятнадцатом ты стала
Ареной битв, в которых много пало
Твоих сынов, селений, дочерей.

Народ твой помнит и большой исход,
И подвиги, и доблести, и тризны
По павшим за свободу сыновьям...

Чечня, твои герои служат нам
Примерами для подражания в жизни,
Все ближе становясь из года в год.

4

Чечня! Двадцатый век записан твой
В истории и кровью Зелимхана,
И Асланбека жизнь унесшей раной,
И славой павших на гражданской той,

И всех убитых под моторов вой.
В тридцать седьмом велением тирана,
И Ханпаши из рыцарского сана,
И Фатимат, погибшей, как герой...

Их много взял двадцатый век жестокий,
Чечня, твоих сынов и дочерей -
Отважных, мудрых - всех не перечеть.

Они твое достоинство и честь
Достоинно донесли до наших дней,
Храня, как знамя, как зеницу ока.

5

Чечня моя! Дороже не найти
Тебя. Ну, разве что родная мама
Сравнится в том с тобою – мы упрямо
К вам одинаково любовь храним в груди.

Чечня моя! Я все делил в пути
С тобою – и февраль твой черный самый,
И светлый твой январь – его годами

Мы ждали, чтоб тебя вновь обрести.

Чечня моя! Тебя, как рай ценя,
Трудились мы и днями, и ночами,
Как говорится, рук не покладая, -

Работа дома спорилась любая
И двигала всегда и всюду нами
К тебе любовь сыновняя, Чечня.

6

Чечня! В конце двадцатого, в начале
Крутого двадцать первого веков
Потрясена была ты до основ
По воле президентов, генералов.

Чечня, земля твоя вновь задрожала
В боях, смертельных для твоих сынов,
Лишилась ты свободы, славы, снов -
Лет десять смерть кроваво жатву жала..

Но, слава Богу, все же час настал
Вождей и их безумных сотоварищей,
Как тараканы, разбежались все.

И вновь ты, край отцов, во всей красе,
Забыв бои, обстрелы и пожарища,
Из пепла к жизни, как орел, восстал!

7

Неся тяжелый груз годов своих,
Которых я еще не ощущаю,
«В движенье жизнь!» - я сама себе внушаю,
Как и философы времен былых.

И прожитый без дела час и миг
Потерями я главными считаю –
Весна, как птиц, года не возвращает,
В Лета навечно канувших моих.

Я все живу, хотя уже во мгле
Могил друзья-ровесники давно
И многие забыты после смерти.

Я все живу в событий круговерти,
Не зная, сколько Богом жить дано...
А кто об этом знает на земле?

На склоне лет стал возвращаться я
В снах в детство – время часто снится,
Как думал, что иметь в руках синицу
Не лучше мне, чем – в небе журавля.

Считал – должны быть оба в небе, для
Них и создал Бог, чтобы могли резвиться
Свободными, как все другие птицы,
Со всеми птичьей радости деля.

Умом постиг я детским, что синица
Всевышним вольной создана была
Для жизни, для полета в небесах,

Не ведая о клетках и силках.
Себя спросил я: «Что мне дать могла
В руках моих томящаяся птица?»

9

Сегодня не впервые мысль мелькнула:
«Зачем еще день дан мне Богом жить –
Вставать, как белка в колесе кружить,
Чтоб все успеть, весь день носится пулей,

Слова в строку, как пчелы мед в свой улей,
Внося, стараться новый стих сложить,
Чем своему тщеславию послужить,
Пока о смерти смерть не намекнула?»

О смысле жизни мысль тревожит часто
Меня сейчас особенно, когда
Растаяло ее очарованье.

Зачем мне жизнь, что к разочарованью
Во многом нас ведет почти всегда
И редко – к человеческому счастью?

10

Как сделать так, чтобы на свете люди
Все были обеспечены, богаты,
Судьбой своей довольны, жизни рады
И счастливы всегда, где бы ни жили, - всюду?

Как совершить то благостное чудо,
Чтоб были все друг другу, словно братья,
Чтобы дружили, мир хранили свято,
Против войны вставая вместе грудью?

А навести во всем порядок строгий

И бедность уничтожить, как явление,
Дав каждому одежду, пищу, кров,

Под силу только лишь Творцу миров.
Не наши ли грехи от проявленья
Той щедрости удерживают Бога?

11

И после смерти буду приходить
Я к вам, друзья, приятели, стихами,
Чтобы воспоминанья не стихали,
А продолжали дружбу нашу длить.

И после смерти буду говорить
Я с вами, люди, книг своих строками,
Не читанных еще ни разу вами, -
Не просто так меня угомонить.

И после смерти буду приходить
К вам, дети, внуки, правнуки всегда я,
Чтоб вы хранили память обо мне.

Без этого в могильной тишине
Так будет одиноко тлеть, гадая –
Забить я или продолжаю жить?

12

О Господи, скажи хотя б примерно
Ты сколько мне определил прожить,
Чтоб постарался все дела решить,
Работы не боясь невероятной;

Чтобы на Твой суд я пришел без скверны
Грехов, что неразумно совершил,
Быть может, я, хотя и честно жил,
Служа иману и исламу верно.

О Господи, видение яви,
Когда явиться смерть ко мне должна,
Чтобы еще при жизни я успел

Побольше сделать людям добрых дел
И все долги отдать свои сполна
Стране, народу, матери, любви.

13

Суров, но мудр Божественный закон:
Тот, кто однажды встал из колыбели,
В могилу должен лечь, на самом деле,

Как дольше жить и не хотел бы он.

Но жизнь земная пролетит, как сон,
И человек, узнать успевший еле
И счастья вкус, и свет увидеть белый,
Вмиг будет в тесной нище погребен.

Продумал все провидения силой
Аллах-Творец до дней последних света,
Предвидя миллионы лет вперед,

Что перенаселенье мир уьет...
Представьте, что же стало бы с планетой,
Когда бы все бессмертно в мире было...

14

С плачем в мир приходит испокон
Века человек не оттого ль,
Что никто не спросит у него,
Хочет ли на свет рождаться он?

Издаст же перед смертью стон
Он не потому ли, что всего
В мир пришел на миг он и его
Навсегда покинуть принужден?

И, притом, никто его опять
Спрашивать не станет, где же он
Захотел бы навсегда остаться...

Так решил наш Бог и святотатцем
Станет каждый, кто Его закон
Перестанет строго соблюдать.

15

Есть ли в мире человек, который
Не изведал горечи всей жизни?
Может быть, ребенок некапризный,
Взятый смертью матери на горе?

Где тот, кто смотрит довольным взором
И без страха в день грядущий присно?
Может пахарь, ждущий что дождь брызнет,
Чтобы всходы показались хором?

Только он не властен никогда
Вызвать дождь, и сушь предупредить,
И сберечь для матери ребенка.

Господом продуманы все тонко
Те законы, по которым жить
Мы должны, не сетуя, всегда.

16

Где тот человек без душевной тревоги
Не переживает за завтрашний день?
Где тот, над которым опасности тень
Не виснет всегда, словно дым над треногой?

На каждом шагу ожидают пороки,
И страх за детей долог, словно мигрень,
И вор, словно тать, забирается в сень,
Болезнь, нищета обивают пороги...

Ни тот человек, кто удачен в делах,
Ни тот, кто кропит скудный хлеб своим потом,
Никто не уверен нисколько в себе.

И мольбы людей потому все к Тебе,
Привыкших к Твоим милосердным заботам,
Чтоб всем справедливо воздал Ты, Аллах.

17

Где человек, который в детстве не был
Беспомощным? Который с колыбели,
Где сладостные песни мама пела,
Уверенно взял в руки жизни жребий?

Где человек, кто став седым, как пепел,
Бессилен не был? Существовая еле,
Душа которого не огрубела
В заботе вечной о насущном хлебе?

Где такой счастливый человек
Существовал в какой стране и касте
На нашей самой лучшей из планет?

Такого, видно, не было и нет,
Хотя и создал Бог нас всех для счастья
И будет создавать из века в век.

18

Где найти человека, который
День провел без печалей, тревог?
Кто, ко сну отходя, молвить мог:
«Этот день проводил я без горя»?

Где такой человек, кто, готовый
К смерти, сам добровольно бы лег
В тьму могильную точно в свой срок
Без заботы, без зла, без укора?

Где же тот человек, кто покорно
Ожидает сам смерти приход,
Чтобы в тесном покоиться гробе?

Хотя стопчет железную обувь,
Но такого кто вряд ли найдет
В нашем мире, всегда беспокойном!

19

Найдется ль человек на белом свете
Кто с болями имел бы уговор,
Что те его не тронут до тех пор,
Пока он не попросит сам об этом?

Найдется ль человек на всей планете
Кто б заключил со смертью договор,
Что не придет она к нему, как вор,
Пока он не захочет сам быть «в нетях»?

Завидовал ему бы? Нет - изволь!
Как душу неприкаянную в жизни,
Напротив, пожалел бы, может быть:

Здоровья, не болев, не оценить
А счастье жить, - без дум о горькой тризне...
Даны нам во спасенье смерть и боль!

20

Встречал и продолжаю я встречать
Тех, кто считает, что не пахнут деньги,
Тех, кто снимает с жизни только пенки:
Из грязи в князи выскочив, как тать.

Но мне и тех же приходилось знать,
Кто жил в нужде, как узники в застенке,
Кто, не имея ни гроша частенько,
Чужого не подумывали взять.

Я видел, что прикрыт за шумом тризн
Страх у князей, тревога – за игрою
И нищета – за гордою душой.

Я видел, что, неся крест честно свой,
Как бедняки, довольные судьбою,

Благодарили Господа за жизнь.

21

Коварству человека нет предела
И зависти людской предела нет:
В лицо хваля тебя на целый свет,
В душе загрызть готовы, в самом деле.

И нет предела подлости – я смело
Я утверждаю с выси своих лет:
В лицо бывают добрыми, а вслед
Затем на рану сыплют соль умело.

Людские лица, словно маски, лгут,
Не разглядишь, кто друг, а кто и враг,
Изменчивы все, как двуликий Янус:

Беда чужая ведь им – только в радость,
Успех чужой же страшен, словно рак...
Людишки те, как вирусы, к нам льнут...

22

Любимый город юности моей,
Бульвары и ухоженные парки,
Что тенью баловали всех в день жаркий
И восхищали красотой своей;

Ковры газонов пестрых и аллей
Диковинных деревьев в скверах арки,
Фонтанов брызги, что, как звезды, ярки,
Заря – звонки трамваев в окна с ней.

Улыбки дружелюбные людей,
Которые семьей единой жили,
Не зная отчужденья, гнева, зла...

Где, время, ты, когда вся жизнь была
Светлей и цели все одной служили?
Ах, где ты, город юности моей?

23

Дней юности любимый город мой –
Созвездья скважин, промыслов, заводов
И мощный пульс дорог, нефтепроводов
Не молкнущий ни летом, ни зимой,

И щедрость эстакады наливной,
Резервуары, что под небосводом
Стояли стойко при любой погоде,

Пейзаж весь превращая в мир иной.

Разрушено все это вмиг войной,
Что строилось без малого два века
В огромном напряжении труда.

С лица земли исчезли без следа
Незабываемые эти вехи...
Где ты, любимый гордый город мой?

24

В тебе, мой город, многих не узнать
Мест, по которым в юности гуляли,
Которые воспоминаньем стали.
По ним мне ностальгию не унять.

Я с грустью вспоминаю цирк опять,
Театры, где свиданья назначали,
Дворцы культуры, клубы, кинозалы,
Где мы любили в юности бывать.

Не в синей дымке – в черных клубах дыма
Войны растаял, как в земной прорехе,
И вычурной архитектуры зданья,

Все памятники эры созиданья -
Утерян старый город навеки,
В котором будем вечно молодыми.

25

Где город моей молодости – Грозный?
В него я въехал, возвратясь домой
Из ссылки, где срок длился долго мой,
Хотя и не был я злодеем злостным.

Где город, где, впервые сдав серьезный
Экзамен совершеннолетия свой,
Зачислен был в студенчество судьбой
И пробил в жизни главный мой час звездный.

Я вижу парк сплошной, глаза смежив,
Блистал таким великолепьем ты, что аж
Кавказ весь затмевал ты красотой.

Ах, как за то гордились мы тобою!
Но в прошлом ты растаял, как мираж, -
Лишь на фото, как юность наша, жив...

Старею я, хотя опять весной
Природа шумно в молодость вернулась.
Мне ж никогда не возвратиться в юность,
Тяжелый груз годов с плеч сбросив свой.

Старею я, хотя опять порой
Весеннею желанье жить проснулось,
Но к юности судьба не повернулась,
Ослабив груз годов прошедших мой.

Старею я, хотя весной с вершин
Сбегают реки юные в долины,
Их углубляя шумно с каждым днем.

Так и на жизненном пути моем –
Белее все, как вечный снег, седины
Все глубже и все больше сеть морщин.

27

Не сетуй, что красавицею ты
Не родилась родителям в угоду:
Ведь до полудня, говорят в народе,
Лишь длиться век девичьей красоты.

Не сетуй, что изящества черты
Не дал Господь, но ты и не уroda:
Тебя счастливой вырастит природа –
До ночи, говорят, век простоты.

И все мечты исполнятся: любя,
Ответа будут добиваться парни,
Хотя и не блистаешь красотой,

Душевной подкупая добротой,
За то ты будешь Богу благодарна,
Что уродил счастливницей тебя.

28

Ах, если б знать, когда придет с косою
За мною смерть и сколько жить осталось,
Чтоб, позабыв про лень и про усталость,
Я поспешил весь план исполнить свой;

Чтобы когда на суд явлюсь я твой,
Господь, грехов за мной не оказалось
И, подсудимым всем другим на зависть,
Добро бы перевесило с лихвой

Все то плохое, что я ненароком,

Без злого умысла мог сотворить
При долгой, честно прожитой мной жизни.

Надеюсь, что, по мне справляя тризну,
Не будут люди плохо говорить
И предавать меня проклятьям строгим.

29

Нам в детстве, да и в юности порой
Все, что любви и верности касалось,
Веселой и волшебною казалось
Красивой, романтической игрой.

И, к ней направив взгляд просящий свой,
Лишь взглядами в любви мы объяснялись,
Но даже слово вслух сказать боялись,
Хотя в душе гудел словесный рой.

Робел я, оставался без ответа
Мой грустный взгляд. Хотя на целом свете
Одну ее любил, едва дыша.

Все, что любовью мне тогда казалось,
На самом деле просто оказалось
Игрою, что затеяла душа!

30

Стал роста человечества основой
Не только первый пламенный костер
Не только грубый каменный топор,
Но, главным делом, сказанное слово.

Слова же наполняя мыслью новой,
Родной планеты изучив простор,
В космические дали взгляд простер
Сегодня человек, в полет готовый.

Топтать планет далеких будем твердь
Мы, в детях, внуках возрождаясь снова,
Пока мы, как зеницу ока, речь -

Дар Бога людям – будем все беречь.
Ведь если люди утратят слово,
Одно народу остается - смерть.

31

Светла любовь в семнадцать, как весна.
Сомненья мимолетные сметая,

Любимую красавицей считаем,
Хоть не блистает красотой она.

Ах, как права пословица: для сна –
Постель пуховую не выбираем
И для любви, что, как костер, пылает,
Не очень-то и красота нужна.

Любовь – слепа: ведь сердцем выбирая,
Красавица или дурнушка та -
Не очень разбирается она,

Когда душа романтики полна,
Когда она наивна и чиста
И в ней мечты, как ангелы, витают.

32

Я в юности считал, что навсегда
Влюблялся, но разлука приходила
И, как болезнь, любовь вся проходила
Без боли, без обиды, без следа,

Но день и год мне памятен, когда
Она со взгляда первого пленила,
Наполнила любви волшебной силой,
Взойдя в душе, как верности звезда.

Взрослел я. Но с годами иногда
Я вспоминал те солнечные чувства,
Что окрылили в юности меня.

Взрослел я. И взнуздал однажды я
Навечно эти молодости буйства,
Уже влюбившись точно - навсегда.

Поэмы

БАЛЛАДА О ЗАВОДСКОМ РАЙОНЕ
(ПОЭМА-НОСТАЛГИЯ)

!. ВЧЕРА

Район рабочий – Заводской...

Его дела мне любви:
Бурлит всегда поток людской
И мощно дышат трубы.

Упрям, упорен, устремлен
Вперед, словно в атаке, -
На вахте Заводской район,
Творец и работяга.

Дорога в даль спешит, зовет,
Бежит без остановок.
Вот впереди встает завод
В сплетеньях установок.

А вот еще. И вон. И – вон...
Алеют ярко стяги –
На вахте Заводской район,
Бессменный работяга.

Хоть было множество забот,
Но в слаженном порыве
Ни цех, ни ТЭЦ и ни завод
Не знают перерыва.

Величьем удивляет он
И дел своих размахом...
На вахте Заводской район –
Создатель-работяга.

Его профессии не счесть
И славных достижений.
Рабочую он ценит честь
И мудрость постижений.

К вершине славы вознесен
К труду извечной тягой,
На вахте Заводской район –
Надежный работяга.

Район рабочий Заводской,
Пейзаж иной планеты.
Творили люди день-деньской
Руками чудо это.

Он - как фантазии разгон,
А люди – будто маги...
На вахте Заводской район -
Великий работяга!

11. ИСТОРИЯ

Век девятнадцатый. Закат.
Двадцатый век. Начало.
Нефтефонтаны, нефтепад
Обыденными стали.

Земля вокруг черным-черна.
Потерь тревожны сводки.
И стало ясно, что нужна
Нефтепереработка.

Настал в тридцатые года
Строительства час звездный:
Заводы возводил тогда
Неутомимый Грозный.

Вначале ставили кубы,
Потом – мини заводы.
Росли они, словно грибы
После дождя, в те годы.

И становились все крупней
И все сложнее заводы,
И пролегали все длинней
От них трубопроводы.

Уставленный за пядью пядь
По всей долине ими,
Стал для Отчизны созидать
Район необозримый.

Творил, выдумывал, искал
И мир весь снова, снова
Изобретеньем удивлял
И разработкой новой.

Мечтал, и верил, и дерзал
В работе и в науке,
На пульсе времени держал
Мозолистые руки.

2

Благодаря его процентам
Растущим, Грозный расцветал,
Нефтепереработки центром
Всего Кавказа вскоре стал.

Благодаря пудам и тоннам
Фонтанов нефти, скважин тех,

Добычи центром стал законным
Наш город на виду у всех.

Он нефтью славился особой
И притяженья силой стал.
Бывал здесь Менделеев. Нобель
Тротил свой тут изобретал.

Гостили в Грозном все светила
Наук, литератур, кино...
Ах, как недавно это было!
Как было это все давно!

Науки флагманом считался
И нефтехимии всегда
Мой город, в коем сочетался
Мир созиданья и труда.

Бульварами, садами красен
И скверами своими был.
Жемчужиной всего Кавказа
Озелененный город слыл.

Аллеи, скверы – вид привычный,
В газонах ярких двор любой...
В них утопал круглогодично
Район рабочий – Заводской.
3

При въезде в город каждый раз
Причудливым виденьем
Вставал он. И о нем – рассказ
Простейших слов сплетенье.

Завод огромный, что носил
Анисимова имя,
Новейшим, самым юным был
В сравнении с другими.

Он на окраине стоял –
В двух-трех шагах – селенья.
Он в темноте ночной сиял,
Как звездное скопление.

Шериповский и в длину, и в ширь
Разбросан был на версты,
Прилег как будто богатырь,
Раскинув плечи просто.

Его продукт в десятках стран

Признаньем был отмечен,
Что покупал сам Ватикан
Наш парафин на свечи.

Был Ленинский завод тех дней
В сравнение с ними скромн,
Ну, словно спальня для детей
В большом и шумном доме.

Но он работал наравне
С гигантами другими,
И за границей, и в стране
Его гремело имя.

Химкомбината трубы так
Держали небо выше,
Словно атлеты или как
Кариатиды - крыши.

В цехах стерильных – голоса,
В тиши лабораторий
Творили люди чудеса,
Рабочим ритмам вторя.

Высокий самый в годы те
Словно восьмое чудо,
Гигант ЭЛОУ-АВТе
Был виден отовсюду.

Он удивлял и новизной,
И достиженьем мысли,
И на трубе его порой,
Как парус, тучка висла.

Готовил радиозавод
«Востокам» всем детали,
Чтоб безопасен был полет
В космические дали.

Работал биохимзавод
И ток теплоцентрали
Давали, чтоб хлопот-забот
Мы, жители, не знали

Шли поезда от эстакад,
Резервуаров парки
Не знали слова – уставать,
Хотя бывало жарко.

Всего немного лет назад
Все было. Стало тенью:
Весь уничтожен город-сад,
Ажурные сплетеня.

Район рабочий – Заводской
С таким громили рвеньем...
Зарос бурьяном, трынть-травой
Он, преданный забвенью!

111. ВОЙНА

1

В трамвай, автобус набиваясь,
С рассветом люди шли сюда,
В район рабочий, растекаясь
По предприятиям всегда.

В цехах, на установках разных
Трудясь, как пели в те года,
Шли на работу, как на праздник,
Они действительно тогда.

То рядом дочь шагала с мамой,
То с сыном – папа-ветеран.
И был продукт их лучший самый,
И уходил в десятки стран.

Ученые рядком под своды
Цехов и институтов шли,
Что проектируют заводы
В десятках государств земли...

Так было... Только все распалось,
Как только рухнул СССР,
Что так незыблемо, казалось,
Стоял, как крепости пример.

Республики все по квартирам
Национальным разошлись.
Доверила лгунам, мундирам
Чечня свою судьбу и жизнь.

И до последнего чеченца
Они решили воевать,
Боевиков и ополченцев
Словами взбаламутив рать.

Лгунов-соседей ряд потешный,
Лия ж потоком слов пустых:

«Начните только – мы поддержим!» -
К войне подталкивали их.

На самолюбии играя
Доверчивых наивных душ,
Дух славословьем поднимая,
Трепался каждый пришлый муж.

О мужестве чеченцев пели
Шанибов, Ибрагим-бейли,
Народ Чечни на самом деле,
Той лестью к гибели вели;

Произносил легко лихие
От дагестанцев словеса
Ничто не значивший Алиев,
В боях суля нам чудеса.

Как принимали «к сердцу близко
Цель нашу», уловив момент,
Полковник армии российской,
И провокатор, и агент!

Нас провоцировали всюду,
Друг с другом соревнуясь в лжи,
За сребреники ли Иуды?
За грязные ли спецслужб гроши?

А как войска в Чечню полезли,
В уничтоженьях зная толк,
Все подстрекатели исчезли,
Забыв слова, и честь, и долг.

В ответ на волчьи заявленья
России вождь не смог найти
Вопроса лучшего решенья,
Чем воинство в Чечню ввести.

2

Четыре стороны манкурты
Избрали. С трех сторон они
Вошли в Чечню. Лишь в Хасав-Юрте
Остановили их в те дни.

И с трех сторон тех в темпе спурта
Войска до Грозного дошли
И лишь в районе Хасав-Юрта
Они границ не перешли.

Там люди в миг разоружили

Солдат, дорогу преградив,
И технику распотрошили,
В ненужный хлам всю превратив.

А те дошедшие начали
Штурм Грозного под Новый год
И на пути все разрушали,
Смертельный продолжая ход.

Мешает зданье продвижению –
Ракетный залп – и был таков.
В них очаги сопротивленья
К тому же у боевиков.

Для федерала каждый дом был
От основанья до стрехи
Врагом – круши глубинной бомбой –
Глаза у страха велики!

Солдату в каждом доме мнится
С гранатометом боевик.
Он кликнет – вертолет примчится
И уничтожит зданье в миг

И по привычке, что засада
За кустиком за каждым ждет,
Солдат и сквер, и своды сада
Растопчет танками, сожжет.

И то, что строилось веками,
Крушил солдат – глумился всласть,
С домами – не с боевиками
Как будто та война велась!

З

С особой лихостью громили
Замолкший Заводской район,
Сжигали все за милей милою,
Чтоб не служил народу он.

После войны жестокой вскоре,
Поналетев, как страшный бич,
Все превратили мародеры
В металлолом или в кирпич.

И за добычу смертно споря,
Дерясь, стреляя и рыча,
Все разобрали мародеры,
Тут проходя, как саранча.

Не только днем, но и ночами
Шел тот губительный налет,
Ведь брошен был войной, вождями
На произвол судьбы народ.

Предупреждали их: «Умрете,
Тут отравившись. Горе – в дом.»
Ответ: « Нет денег, нет работы,
От голода и так мы мрем.

Что делать? Дом разбит. И пуст он.
В полях – ни сеять и ни жать,
У нас сейчас одно искусство –
В Отчизне нищей выживать!

Вождями так народ воспитан:
Если ты – волк, бери, хватай,
А если нет, тогда терпи ты –
Получишь после смерти рай!

Носки вяжи ты со стараньем,
Как деды, шишки запасай.
Ведь тот, кто в мире жил страданьем,
Получит после смерти рай.

И установлен сытым братством
Тут удивительный низам:
Верхам – нефть, газ и все богатства
И вера с нищетой – низам.

Вот потому-то урываем
Мы крохи с барского стола,
Хотя ничуть не покрываем
Семьи потребность... Вот дела!»

Так каждый говорил и вроде
Был прав, что крохи только брал
Он из богатств страны, что годы
Со всеми вместе создавал...

Разрушен, нет на камне камня,
И истребительной войной,
И мародерскими руками,
Район рабочий Заводской...

!У.СЕГОДНЯ

Когда в долину с долгим вздохом
Глядишь с Алдынской высоты,

Величья не видать былого,
Былой не видно красоты.

Ни труб, что на плечах держали,
Словно атланты, небеса,
Ни главной гордости державы –
Нефтезаводов корпуса.

Нет ни ажурных установок,
Словно фантазии из снов,
Ни освещенных остановок,
Ни белых облаков паров.

Ни эстакады не грохочут,
Химкомбинаты смолкли, ТЭЦ.
Не ослепляют днем и ночью
Заводы, как созвездья, здесь.

Руины лишь, канавы, ямы
В долине за грядой – гряда
И от вчерашней панорамы
Тут не осталось и следа.

Как старожил, тем видом странным
Долины опечален ты:
Все заросло сплошным бурьяном.
Деревья, трава и кусты.

Нет гула жизни. Вдоль дороги
Возникнут лишь, как островки,
Бараков, домиков убогих
Полуживые хуторки.

Заводы же исчезли в нетях,
Когда-то славившие нас
На всю огромную планету,
На весь Союз, на весь Кавказ...

Когда тут проезжаю мимо
И грустный взгляд бросаю в даль,
Былое представляя зримо,
Сегодняшнее видеть жаль.

Вопросом задаюсь наивно:
Полюбоваться хоть чуть-чуть
Былою панорамой дивной
Удастся ль нам когда-нибудь?

Грядущее тревожит душу...
(Поэма-боль)

1

Сильнее с каждым днем волнуюсь
Не за себя – я век отжил
И не за сыновей – их юность
Прошла, мужают в меру сил.

И не за внуков страх мне явлен –
Их балую пока что всех,
Хотя уже сейчас придавлен
К земле судьбою человек.

Волнуюсь же за поколение
Праправнуков – своих, чужих...
Какие беды, потрясения
В грядущем ожидают их?

Планеты перенаселенье –
Всех не вместит земная твердь?
Недоеданье, истощенье?
Мучительные боли – смерть?

Или пойдет от потепленья
Глобального та круговерть,
Когда земля сгорит от жженья

Лучей, несущих людям смерть?

Или же войн за выживание
Над миром пронесется смерч
И не один, неся страдания,
Везде и всюду сея смерть?

Или же недр всех истощенье,
Когда ни газа, ни воды,
Ни нефти? Или ж наводнение –
На полюсах растают льды?

Еще какие катаклизмы
Праправнуков согнут моих?
На все смотрю я через призму
Страданий, ждущих завтра их.

Уж ныне в африканских странах
И в азиатских, где две треть
Людей Земли живет в страданиях,
Беды уж не предусмотреть.

Уже от голода там стонут,
И люди, словно мухи, мрут,
И помощь скудная ООН
Лишь временная мера тут.

И потому тревожны эти
Раздумья о грядущем все...
Спасти от катастроф планету
Сумеют ли ООН, ПАСЕ?

11

Я думаю о будущем людей,
Хотя его я представляю слабо.
Тревожусь не о судьбах сыновей,
А боль моя о правнуках и пра-пра...

Хотя предугадать мне не дано,
Что будет в ту далекую эпоху.
В земле истлею я к тому ж давно,
Покинув грешный мир по воле Бога.

Увидеть жизнь не будет суждено
Праправнуков и не коснется лично.
Помочь им даже не сумею, но
Грядущее их мне не безразлично.

Что ждет в грядущем правнуков, пра-пра?

Предугадать сейчас, поди, попробуй:
Им жить ли в царстве сытости, добра?
Или же в мире нищеты и злобы?

И будут ли влюбляться и, женясь,
Растить детей, как рода продолженье?
Иль, как в Китае, Индии сейчас
Всем сократят число деторождений?

Строжайший будет выверен расчет
И смерти и рождения в грядущем?
В окружности земля ведь не растет,
Чтоб блага дать всем жаждущим их душам.

Так, в годы те, как человеческий род
Путь начал свой, не ведая о странах,
На миллион не выростал народ
За век, за два при всех больших стараньях.

Затем, когда был дан рождению старт,
За век при жизни сытой и достойной
Рождался на планете миллиард,
Но жали эпидемии и войны.

За век же перекраиванья карт
При росте производств, наук, уменья
Шагнуть народ мог и за миллиард,
Но войны вновь косили население.

В двадцатом - бум рожденья и азарт
При жизни боле-мене, но спокойной
И за полвека уж на миллиард
Мы вырастали, хоть гремели войны.

А в двадцать первом в двадцать лет растет
Народ на миллиард, как лист на ветке...
А сорок лет, а семьдесят пройдет,
Так яблоку упасть-то будет негде.

А в двадцать первом веке. в том, когда
Нет эпидемий, войн и жизнь – все дольше,
На миллиард за десять лет всегда
Становится народу в мире больше.

А там за год –два - миллиард. К плечу
Плечом стоять? А мир все тот же – ветхий.
Не то, что яблоку, а и лучу
Упасть на землю будет, видно, негде.

А как ораве этой пищу дать
И воду, хотя дать кров им рады, -
Когда земли и крошечная пядь
Уж выжата, и новой нету пяди?

Природу уничтожат до основ
Своим деяньем люди? Зверей, гадов
Съедят, и саранчу, и муравьев,
И комариным тучам будут рады?

Как говорят китайцы, будут есть
Все, что летает, кроме самолета.
Кроме судов, все то, что в море есть,
Все, что ползет, кроме машин пехоты.

В каком же мире жить придется им,
Праправнукам людей – без неба сини,
Без фауны, когда не воздух – дым,
Без флоры, рек, озер – в земной пустыне?

Вот почему уже тревожусь я
О будущем праправнуков и пра-пра
И думаю о судьбах их, хотя
Эпоху эту представляю слабо.

Я думаю об этом в час ночной
И в свете дня. В дороге. На работе
Я думаю об этом и весной
И осенью – в десятый раз и в сотый.

Меня тревожат очень те года,
Хотя готов поверить в чудо тут же,
Что. Может быть праправнуки тогда
Не хуже будут жить, чем мы, а лучше.

Успокоенье мне дает одно –
То, что, как утверждают богословы,
С рождением Богом каждому дано
Все- от одежды, пищи и до крова.

И милости Аллаха стороной
Не обойдут праправнуков – я верю...
Пока же внук мой очередной
Впервые открывает школы двери...

В фантазии предположений.

Растаяв, северные льды
Что вечными, казалось, были,
Под мощной толщею воды
Все полушарие укрыли.

Под воду полностью ушли
Европы, Азии равнины
И тучной некогда Земли
Поля не плодоносят ныне.

Не скрыла лишь хребты вода,
Карпаты, Пиренеи - тверды,
И Пиренеи, Альпы, да
Монблан, норвежские фиорды.

Так и в Канаде, в США,
В Америке Латинской - то же:
Вода прошла, все-вся круша
Своей губительною мощью.

Весь оказался под водой
Простор равнин российской шири
И для Кавказа став бедой,
И для немереной Сибири.

Живые острова Земли –
Алтай, Кавказ, Урал, Саяны -
Людей вместить всех не могли,
Что прибывали постоянно

Километровой толщины
Растаяли льды Антарктиды,
Лишившись вечной тишины,
Земель, озер открылись виды.

Погибли многие. Земля
Не суша, а сплошное море...
У Бога милости моля,
Переживали люди горе.

И были все же уголки,
Где жители не знали страха,
Где жил всем бедам вопреки
Народ по милости Аллаха.

Его спасал Он от воды
И ограждал от бед вселенских:

Желтели злаки и сады
Цвели всегда в горах чеченских.

Один из праправнуков жил
Мой с братом на Кожалган-Дуке.
Он имя предка Жабраил
В своем хранил в чеченском духе.

Он оставался и в те дни,
Как его далеким предкам,
Красивым уголком Чечни
В разливах вод довольно редким.

Чеченцы принимали всех
С гостеприимством всем известным,
Откуда б ни был человек,
Он становился сразу местным.

Хотя им в сутолоке дней
С едой самим же было трудно:
Террасы узкие полей
Давали урожаи скудно.

Дома лепились, как всегда,
По склонам, словно гнезда, плотно...
И приближался миг, когда
Пришельцы станут неуютны,

Но продолжали прибывать
Со всех сторон переселенцы.
И стало трудно пребывать
В стране своей родной чеченцам

Ведь были все заселены
Хребты, вершины, склоны всюду.
Как в сотах пчелы, стеснены
В горах чеченских жили люди.

Жить становилось все трудней,
Хотя в еде и умеряли
Себя чеченцы и в своей
Стране все чаще умирали.

И мой праправнук схоронил
Отца, сестер и мать в селенье.
Но дочь и сына сохранил,
Чтоб продолжались поколенья.

Стал перед выбором народ:

Или же смерть с гостями вместе?
Или, прогнав их, сохранить
Себя, пренебрегая честью?

И трудно было выбирать,
Достичь в решении единства:
И надо людям отказать,
И свят закон гостеприимства.

И чтобы дальше жить самим,
Свои традиции святые
За многие столетия им
Пришлось бы нарушать впервые.

Не разрешим их выбор был.
И, видя горцев положение,
Аллах на помощь поспешил
Им, приняв мудрое решение:

От толщи вод освободить
Земли просторы, дав надежду,
Что бы могли народы жить
В пределах стран своих, как прежде...

Не знаю – так ли будет?
Или, напротив, будет лучше?
Хочу я только, чтоб мой след
Не оборвался бы в грядущем...

1У

Видна порою и такая
Картина будущего мне:
Живут, границ не признавая,
Народы всюду на Земле.

Рождений много, смертей мало
И тесно в городе, селе
И потому труднее стало
Всем уживаться на Земле

Хотя и войн грохочут грозы,
Что гаснут в считанные дни,
Хотя и сверх оружием косят,
Людей миллионами они;

Устало солнце что ли? Снова
Планета стала холодней,
Пусть не период ледниковый,
Но нет былой жары на ней.

Иссякли все земные недра –
Нет нефти, газа и те де.
Людей они снабжали щедро,
Теперь не видно их нигде.

Земля родить уже не может,
Как прежде, урожая впрок –
Она истощена... Но множит
Мир населенье, хоть и строг

Закон, что ограничил всюду
Число рождаемости, но
Он сладок – подтверждают люди –
Запретный плод им все равно

И что б от голода и жажды
От холода не умирать,
Им надо было всем на каждом
Шагу средства изобретать.

Чтобы не сжечь лесов массивы
Для варки, парки и тепла,
Учеными альтернатива
Им сразу найдена была.

Что б плавать, и летать, и ездить
Народы выжатой Земли
В воде, отходах, злаках вместе
Другое топливо нашли.

Что б катастрофы не случилось
Без электричества, вопрос
Решили просто – научились
Накапливать свет солнца, звезд.

Все через линзы собирая
В аккумуляторы лучи
И в нужный миг преображая
Их в электричество в ночи.

Электросвет в достатке на дом
Давался жителям Земли:
Работал ведь исправно атом
И гидростанции росли.

На Сунже, на Аргуне стали
И на равнине чудеса –
Каскады гидростанций малых,

Теплоцентралей корпуса.

Что б за еду в боях не биться,
Питанье новое нашли,
Скотина, злак, и фрукт, и птица
Другие виды обрели.

И мало ели, долго жили,
Росли в движении, в труде,
Побеждены болезни были
Умеренность все ю в еде.

По-новому планету кроя,
Что бы хватало всем земли,
В моря, их засыпая, строя,
И в океаны люди шли...

Мой дальний праправнук в те годы
Адиз в горах чеченских жил.
Своим служением народу
Его признание заслужил.

Тревоги, может быть, излишни
Мои предвиденье беды:
Ведь не оставит Бог Всевышний,
Людей на произвол судьбы.

А милость явит им с размахом,
Если по вере станут жить...
О дай избранными Аллахом
Моим прапра и дале внукам быть!

ПЕВЕЦ КАВКАЗА

(Поэма в стихах о М.Ю.Лермонтове)

1. М.Ю.Лермонтов в Пятигорске

ДОМ-МУЗЕЙ ПОЭТА

Я в этот дом-музей входил не раз,
Где все воспоминаньями богато,
Где сосланный на «гибельный Кавказ»
Жил в Пятигорске Лермонтов когда-то.

В последнем том пристанище поэта
Всегда кружились мысли в голове,
Как мог вместить невзрачный домик этот
Зал, кухню, кабинет, кровати две?

Входил в него я с трепетом и верой,
Что наконец-то сбудется мечта -
Поэта встречу, с ним пройду по скверу,
По городу, где все близки места.

Мы, модною обложенные данью,
Попьем в бювете минеральных вод.
Нас от дождя укроет грот Дианы -
Всегда открыт в него манящий вход.

Но негде вечер скоротать нам, впрочем,
И кутежи – свидетельство тому,
Ведь Пятигорск, хотя и моден очень,
Провинциален, глух и потому

К Верзилиным вдвоем на вечер званный,
Решив помузицировать, пойдем
И в тишине, внезапной и нежданной,
Мартынова мы шуткою пройдем.

Закончится дуэлью эта шутка
Недалеко, на склоне Машука,
Падет поэт под летний ливень жуткий –
Не дрогнула Мартынова рука.

...Стоит поэта домик в Пятигорске.
Он мал, но он велик былым жильцом...
Сюда спешим мы к Лермонтову в гости,
Чтоб повстречаться с ним к лицу лицом.

НЕКРОПОЛЬ

Склон Машука. С горой Казачкой рядом
Архитектуры скромной старый храм.

Скрывают за собой его ограды
Некрополь, где не слышен шум и гам
Туристов, что всегда сюда спешили
Десятками и сотнями на дню
У лермонтовской маленькой могилы
Экскурсовода слушать болтовню
После дуэли похоронен был он,
Когда трехдневный скорбный срок прошел,
В некрополе во временной могиле,
Пока покой свой вечный не нашел
В имени Тарханы, что на свете
И не было известным никому,
Покуда колыбелью для поэта
Стать раз не посчастливилось ему.

В некрополе людей, что чтимы были
Не только в Пятигорске, - тишина,
Где Лермонтова первая могила
Скромна и украшений лишена.
Давно уже в нем мертвых не хоронят,
Покойно в полумраке тут:
Деревья разрослись, слились их кроны,
Не видно солнца, птицы не поют...

ПАМЯТНИКИ

Лощина гор Горячей и Железной...
Заложен тут первоначально был
Казачий небольшой тревожный стан,
Что, вырастая, Пятигорском стал,
Который очень Лермонтов любил.

И было улиц мало. И венчала
Центральную на склоне Машука
Стоящая, среди лесов белея,
Академическая галерея,
В другом конце – аллеи Цветника

За первые за полтора столетья
Случившиеся в Пятигорске тут
Большие или малые события
Не преданы забвению, не забыты –
В мемориалах памятных живут

Вот памятник поэту, недалече
Парк с галереей Лермонтова тут,
Где гости многочисленные воду –
Живительный, целебный дар природы –
Как бы из рук его счастливо пьют.

Вот санаторий имени поэта,
«Гарханы» рядом – лишь подать рукой...
Здесь почитаем Лермонтов всегда,
Да так, что популярней никогда
Его тут не был ни один другой.

Не счесть места, что именов любимым
Освящены в кавказском крае. Тут
Везде: и в Грузии, и в Дагестане,
В Чечне, и в Пятигорске, и в Тамани
Все, словно друга. Лермонтова чтут!

ГРОТ ПОЭТА

На склоне горном, как причуда,
Природой высеченный грот
Невольно стал любви приютом
Поэта в тот последний год.

Безвестным было это чудо,
Скрывая в кустиках красу,
Однажды Лермонтов покуда
Не посетил его в грозу.

Безлюден был, смотрелся хмуро,
Покуда Лермонтов не стал
Великим и в литературе,
Как бриллиант, не заблистал.

Ждал в гроте Веру на свиданье
Печорин-Лермонтов, что б ей
Раскрыться пылко на прощанье
В любви возвышенной своей.

Он ждал, другими брошен всеми
За нрав высокомерный свой...
В Россию Вера в это время
Катила с матушкой домой,

Домой в именье, где в заботах
Иных грохочет жизни ритм,
Что б о событиях на водах
В салонах долго говорить...

...Хребты. Над ними – неба арка.
Над городком который год
Звучит Эоловая арфа,
Таинствен Лермонтова грот.

ТУТ ВСЮДУ ЛЕРМОНТОВ ЖИВОЙ...

На разъезде Лермонтова жил
В Пятигорске я, где имя свято
Чтут его. Местами проходил,
Где с друзьями он ходил когда-то.

Лермонтова всюду встретим тут –
Памятник на улице Соборной,
Галерея, где все воды пьют,
Звонкий водопад на склоне горном.

Лермонтова имя здесь везде –
И музей, и скромный тихий город,
Улица, и станция жеде,
Где составов проходящих грохот.

В «Цветнике» его увидим след –
В зданье Ресторации добротном...
Он шагнул к нам через горы лет
И живет всех живых сегодня.

Лермонтова слава в наши дни
Ярче разгорается, как пламя...
Имя это каждому сродни,
Потому бессмертно, словно память.

МЕЖДУ МАШУКОМ И БЕШТАУ...

Между Машуком и Бештау
Живу в большой долине я
И Лермонтова тут встречаю
По многу раз в течение дня.

Кафе ли, санаторий, рынок,
Что, как грибы, везде растут
Себе присваивает ныне
Все имя Лермонтова тут.

Здесь место роковой дуэли,
Где грифы хищно застыт свет,
Где цепи окружают стелу,
Закован словно в них поэт.

И эти тягостные цепи
Лишь с гибелью его падут...
Не только за жестокий жребий
Поэта на Кавказе чтут....

В Ромашке Белой, полной света,
Напоминает мне о нем,
Всемирно признанном поэте,
И каждый шаг, и каждый дом.

Как будто он живет и ныне –
На склоне Машука не пал,
Страдая от своей гордыни,
Стесняясь славы и похвал.

И много од Кавказу – знаю –
Еще бы Лермонтов сложил,
Между Машуком и Бештау
Когда бы он еще пожил.

2. М.Ю.Лермонтов в Чечне

КУМИР МОЙ...

Поклонником я Лермонтова стал
С тех дней, как в детстве давнем прочитал,
Живя в изгнание в дальней стороне,
Его стихи об отнятой Чечне.

Восторженно воспетый им Кавказ
Манил к себе его стихами нас,
Словно воспоминанье о стране
Мужчин и мудрых старцев – о Чечне.

Поэт за смелость горцев уважал,
Хотя и сам отвагой поражал,
Как бился на смерть, а не на живот:
Забыта храбрость – только стих живет.

Не только мне поэт кумиром стал,
Когда час возвращения настал
На Родину, что был приближен им
Протестом поэтическим своим.

И другом всех – не только лишь моим
Стал Лермонтов в Чечне, плененной им
Без битв, без экспедиций, без смертей –
Пленительной поэзией своей.

Поэт вступает в села, города,
Не сея страх. не нанося вреда,
А возвышает земляков моих,
Стихом облагораживая их!

СКВЕР ПОЭТА

Над Сунжей сквер стоял во всей красе,
Где птичьи переклички души грели,
То солнце бисер рассыпал в росе,
То фонари, как Млечный путь, горели.

И в честь певца Кавказа назван был
Он Лермонтова именем. Волнами
Речными, как фрегат, казалось плыл,
Раздув деревьев кроны парусами.

И никогда он не бывал ни пуст,
Ни одинок, был многолюден вечно.
Гостей встречал всех, воплотившись в бюст,
Сам Лермонтов – простой и человечный.

На берегу – серебряный фонтан,
Оград литых узор работы тонкой...
Ах, как вольготно детям было там!
Ах, как звучали голоса их звонко!

Сидели старики, забыв года,
Аллеей важно женщины ступали
И юноши шумели, как всегда,
Влюбленные на Сунжею стояли.

Сквер украшеньем Грозного был и
Его газоны вечными казались,
Но войны, что по всей Чечне пошли
В судьбе его трагически сказались.

Теперь же не увидим тут людей,
Обычно оживлявших сквер зеленый,
Ни бегающих весело детей,
Ни звонких птиц, ни шепчущих влюбленных.

Безлюден он и навевает грусть,
Все изменили грозные години
Нас не встречает Лермонтова бюст,
Былые не восстановить картины...

ВАЛЕРИК

Кто бы знал Гехи и Валерик,
О земном существованье их?
И прославил кто б на целый свет,
Если бы не Лермонтов-поэт?

Кто бы бой кровавый, что кипел
На реке Валерике, воспел?
Кто бы написал его портрет,
Если бы не Лермонтов-поэт?

Кто бы о Галубе-горце знал,
Кунаком кого поручик звал?
Кто бы дал нам в мире жить совет,
Если бы не Лермонтов-поэт?

Кто бы кистью и пером воздвиг
Памятник речушке Валерик?
Кем бы он навечно был воспет,
Если бы не Лермонтов-поэт?

От кого б узнать про то могли
Как в бою отважно берегли
Честь чеченцы? Где б нашли ответ,
Если бы не Лермонтов-поэт?

УЛИЦА

На улице, носящей имя гордо
Великого поэта, я живу,
Потомок благороднейшего горца,
Кто Лермонтова, может, наяву
И видел в дни его кавказской ссылки
В бою, в беседе с верным кунаком:
Был Лермонтов, как горец, храбрый, пылкий
Со многими чеченцами знаком.

Из крепости, из Грозной, не однажды
Он в горы с экспедицией ходил,
Не раз своих охотников отважно
В сражения с чеченцами водил
Хоть, к трусости презренья не скрывая
Демонстративно, группу вел свою.
За храбрость Лермонтова уважая,
Его чеченцы берегли в бою.

Всегда, как этой улицей шагаю,
Мне кажется, что Лермонтов со мной
Ступает рядом, радость не скрывая,
Что мир в Чечне сегодня и покой.
Хотя погоны давят, словно гири,
Но в голове – стихи за слогом - слог
Про Валерик, про горы и про Мцыри

Про Демона, что вечно одинок;

И о казачке гребенской Марьяне,
И о конце аула Бастунджи,
О странном сне в долине Дагестана,
Где умирал в неведомой глуши...
И будто, достаиваюсь чести
Смотреть, как зреют строки наяву,
Я улицей иду с поэтом вместе,
Той, на которой с гордостью живу.

ПАРАБОЧ-ХУТОР

У Терека Парабоч-хутор. Дом
Старинный в центре, что людским стараньем
Музеем стал, тем знаменит, что в нем
Сам Лермонтов был гостем в детстве раннем.

Построенной в лесу усадьбе той
Хастатов имя дал «Земного рая»,
В которой за передовой чертой
Он жил, плененный красотой края.

Жил на Кавказе мирно генерал,
Не зная экспедиций, ран, сражений
И прототипом Лермонтову стал
Героев множества его произведений.

И Лермонтов ребенком в тишине
Здесь бегал очарованный природой,
Где буруны пестреют по весне,
Прелестны и закаты, и восходы.

Резвился мальчик на коврах лугов,
В лесу встречал диковинные сказки,
И зарождалась первая любовь
В чарующий красою край кавказский.

Сюда бежал позднее от властей
Поэт, чтоб скрыться «за стеной Кавказа»,
И от всегда «все слышащих ушей»,
И от всегда «всевидящего глаза»..

Безвестным был Парабоч-хуторок,
Людская память сотворила чудо:
Музеем стал чудесный уголок,
Куда спешат к поэту в гости люди...

КУНАК

Наполняют гордостью меня
О Кавказе Лермонтова строки.
Их читает вся моя Чечня –
Юноша влюбленный, старец строгий.

Лермонтова книгу каждый раз
Открывая мудрую, как старость,
Слышу в звуках я точенных фраз
Крик души, мятежный, словно парус.

Здесь певец Кавказа всем знаком -
Над горами дух его витает:
Лермонтова верным кунаком
Каждый горец гордостью считает.

Он не просто гостем входит в дом -
Как родного, здесь его встречают:
Лермонтова звездным земляком
Все чеченцы искренне считают!

Грозный–Пятигорск–Кисловодск
–Железноводск – г. Лермонтов –
Грозный
август 2013 – март 2014

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РАССКАЗЫ

Характер

Когда я вспоминаю про случай, происшедший в недавнем прошлом с Аднаном, отцом моего друга Жебира, и думаю об изумительной выдержке, терпении, спокойствии, проявленной им при этом, мне приходят на память строки великого поэта прошлого: «Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя...» Об этом случае Жебиру рассказал с гордостью вовсе не сам отец, считавший по своей скромности и воспитанности случившееся нормальным для каждого чеченского молодца делом, а его друзья. Жебир же рассказал, в свою очередь, – мне. Отца его звали Аднаном.

В Аднана с детства вырабатывали волю и твердый, выносливый характер, воспитывая, как и всех чеченских мальчиков в прошлом, в суровых условиях, не делая никакого снисхождения ни в чем. И, как у каждого уважающего себя чеченского юноши, был и у него скакун, подаренный отцом, статью и мастью – одно заглядение. И Аднан всегда холил своего быстрого друга так, что, казалось, со временем их души слились воедино: конь понимал своего наездника с полуслова, полужеста, полунамека. О таких конях обычно говорят в народе уважительно и восхищенно: скакун, понимающий душу человека.

«И заговорил с конем Актола:

- Ночью не зная сна, днем не зная покоя,
Для этого дня я готовил тебя, мой гнедой конь,
Ты теперь спорь с соколом в беге,
Ты теперь спорь в прыжках со львом...
И быстрее пыли, поднятой вихрем,
Скорее метели, кружимой ветром,
Домчал конь, понимающий сердце людское,

До края зверей...*

Ко времени возмужания Аднан стал известен далеко за пределами села и округа, как непревзойденный мастер джигитовки. Без его участия не обходились ни одни конные скачки, ни одна свадьба, ни один народный праздник. Особо любимой и отработанной фигурой джигитовки его, которую мог показывать только он со своим скакуном, была такая: Аднан поднимал коня на дыбы и он, с чарующей грацией переступая изящными и стройными задними ногами, делал полный круг. Не только на площадке или на улице демонстрировал свое мастерство и ловкость своего тонконогого, понимающего его душу коня Аднан, но в любом самом неудобном месте, даже на краю пропасти – он был мужественным джигитом и очень верил своему четвероногому другу. Аднан проделывал этот трюк часто, восхищая зрителей, и всегда – безукоризненно, красиво, четко. Но, как утверждают мудрые люди, тысячу раз все будет хорошо, но в тысячу первый – может случиться срыв, да, к тому же, – нежданно-негаданно и в самом неудобном месте...

Беда с Аднаном случилась именно в то время и в том месте, когда особенно была нежелательна, – когда в день свадьбы его лучшего друга шумная кавалькада парней везла невесту на легком и красивом пайтоне из соседнего села в дом жениха по горной, узкой дороге, извивающейся над пропастями. Группа всадников, как всегда бывает у чеченцев в этих случаях, с развевающимся над головой платком невесты умчалась вперед. В азартной скачке, джигитуюя, каждый наездник старался вырвать платок невесты у товарища, борясь за почетное право довести его до матери и вручить ей первым. Для этого же надо было иметь недюжинную удаль, сноровку и ловкость. Пайтон с невестой и ее подругами сопровождала, как всегда в таких случаях, группа ловко джигитовавших всадников – веселых, озорных, шумных. В их числе, конечно же, был и Аднан. Разве мог он упустить случай лишний раз повеселиться, покрасоваться, показать свое умение и удаль?

И в этот раз он решил изумить своим фирменным трюком невесту, ее подруг и парней из соседних сел, удивить своим мастерством джигитовки. На узкой дороге рядом с пайтоном, ехавшим по безопасной стороне ее, Аднан на краю пропасти над грохочущей далеко внизу рекой поднял коня на дыбы и, когда он почти сделал полный круг рядом с пайтоном и остановившимися в восхищении молодыми людьми, как неожиданно сорвался камень из-под его копыт. Потеряв равновесие, конь с наездником срываются в пропасть ревущей в своем узком, тесном каменном ложе горной реки...

Вскрики. Смятение. Растерянность. Паника. Правда, недолгая. Все мужчины быстро приходят в себя, связывают крепкую веревку из сбруй, поводьев и своих поясов, спускают в пропасть одного из товарищей – наиболее опытного в этом деле. Он видит, что у коня сломан спинной хребет, что его часы сочтены и прирезает, чтоб не мучился долго.

– А ты, как? С тобой все в порядке? – спросил спустившийся у Аднана.

– Ничего. Пустяки. Растерялся только чуть, – сказал Аднан с улыбкой. Как ни в чем ни бывало взялся за импровизированную веревку и его подняли наверх. Затем – и спустившегося товарища вытянули.

Аднану подали другого коня, он ловко сел на него, как будто ничего не случилось, и свадебная процессия спокойно продолжила шумный путь до дома жениха, где уже звенела веселая свадьба. Аднан ни разу не застонал, не поморщился, не помрачнел даже. Он, как ни в чем ни бывало, шутил, танцевал, бурно хлопал всем танцующим, даже гарцевал на коне. И только вернувшись домой после свадьбы, закончившей, как всегда, поздней ночью, Аднан прилег, впервые застонав от невыносимой боли в плече и в боку и только тогда сказал встревоженной жене:

– Сегодня я упал в пропасть и, видимо, что-то повредил. Позови, ради Бога, не поднимая шума, лекаря нашего сельского.

Лекарь осмотрел Аднана, прощупал легонько и установил, что у него сломаны ребра с обеих сторон и ключица. «Это же должно причинять страшные боли человеку при каждом, даже малом, движении. К тому же паренек еще легко отделался—главный удар при падении в пропасть приняла на себя лошадь», – подумал лекарь.

– Я видел твое падение и твой подъем. Я скакал рядом с тобой на коне в почетном эскорте невесты. Я восхищался твоим поведением на свадьбе – ты был весел, шутил, танцевал, гарцевал на коне. И ни разу не застонал, не охнул, даже не поморщился, ни одним жестом, ни одной мимикой не показал, что тебе невыносимо больно. Как ты вынес все это? – спросил он вслух, удивленный такой выдержкой и спокойствием Аднана.

– Не подобает мужчине обращать внимание на такие мелочи. Позорно для мужчины падать духом. Разве достойно мужчине ныть от боли перед товарищами своими, проявляя слабость, вызывать жалость и сострадание у них. Да и мог ли я своим унылым видом расстраивать жаждущих веселья людей и омрачать свадьбу друга из-за такого пустяка, как сломанные ребра и ключица? – просто сказал, улыбаясь, Аднан, считая случившееся обычным явлением, не стоящим внимания.

Да, были люди в наше время, не то, что нынешнее племя!..

*Илли о Жумин Актоле и Шабин Шахболате. Перевод - автора

Барсик

После его гибели траур в нашем доме стоял не три, как обычно, а много дней. О нем помнят и его вспоминают в нашей семье и сегодня, хотя вот уже двадцать лет прошло с того дня...

У моего соседа, человека довольно-таки хорошо известного в спортивном, как и другие его братья, была жгуче рыжая, красивая кошка со странным именем Малушка. Наши квартиры разделяла только стена, хотя они находились в разных подъездах многоэтажного дома: в первом – моя, во втором – его. И естественно, мы, новоселы, быстро перезнакомились и дружили с первого же дня семьями. А это значит, что мы бывали друг у друга ежедневно по всякому поводу и без повода.

Однажды я спросил у Сайди – так звали моего соседа:

– Кто придумал такое необычное имя?

– Она была малюсеньким котенком, когда моя хозяйка подобрала его на улице, – сказал Сайди, страстный книголюб, – и я назвал ее, оказавшейся девочкой, Малышкой – первое, что пришло в голову. С годами, когда она выросла в большую кошку, неудобно стало ее называть так и я, решив дать ему редкое и запоминающееся имя, заменил одну букву другой и стала она у меня Малушкой.

– Ну, и выдумщик же ты, – похвалил я соседа. – Надо же придумать такое! У меня на это не хватило бы ума.

– А я с детства был скор на выдумки, потому что я человек – умный, – заявил Сайди без тени скромности и сомнения в своей правоте.

Однажды, проведя вечер с соседкой, моя хозяйка вернулась с огненно рыжим котенком.

– Это самое красивое дитя Малушки. Остальных ее котят после меня разобрали уже наши подруги из других подъездов, – сказала она.

Котенок подрастал, балуемый нашим младшим сыном, и некоторое время был безмянным. Характер его был добрый, ласковый и не по-звериному – умный, понятливый, дружелюбный, словно в него Всевышний вселил человеческую душу. И инстинкты свои он проявлял чисто по-человечески; когда его ласкали, глядя по спине или по голове, – мурлыкал довольный, нежно терся о ноги или о ладони, лукавой улыбкой в искристых зрачках смотрел, чуть наклонив голову вбок, как ребенок, снизу вверх, прямо в лицо, благодарными глазенками; когда же он был недоволен чем-то или чувствовал опасность, оскалив пасть, устрашающе выгибал спину, стараясь напугать противника своим свирепым видом, грозно выпускал свои острые когти и угрожающе шипел и рычал. С детьми же вел себя всегда миролюбиво и дружелюбно, будто видел в них ровесников. Правда, дальше демонстрации силы дело никогда не доходило – котенок понимал, видимо, что не осилит великанов – человека, собаку.

Особенно привязался к нему наш младший сынишка Марат. Он без устали играл со своим любимцем, водил его на прогулки, спал с ним в одной кровати, куда котенок забирался раньше него и за всю ночь не делал ни одного движения, будто боялся потревожить друга. Марат каждую свободную минуту возился с уже подростком котенком: купал его, хотя Барсик всегда сопротивлялся этому, кормил тем, что кушал сам, шил ему различные одежды, выкраивая сам, зимою – теплые, весною – легкие, разговаривал с ним. Они понимали друг друга с полу слова, с полу-жеста. Как только Марат начинал одеваться на прогулку, котенок быстро взбирался на его плечо и сидел гордо разглядывая по сторонам и свысока смотря на ровесников своего друга, едва ли не брата. Были они – не разлей вода, одним словом.

Однажды, когда котенок, недовольный тем, что хозяйка моя небрежно сбросила его со стула, на котором она любила сидеть в кухне, стал проявлять недовольство, выгнув, как всегда, когда гневался, спину, оскалив в рычании пасть, выпустив когти и царапая ими пол, Марат сказал:

– Мам, смотри! Ну, совсем, как разъяренный барс.

– Вот ты и дал ему имя наконец-то, – одобрила мать сравнение сына. – Так и назовем его – Барсом.

– Нет, он будет Барсиком, потому что еще маленький. Да барс – очень грозный, а наш Барсик – очень добрый, – решил Марат.

Игры их были различные. Так, Марат привязывал к нитке какую-нибудь яркую тряпочку или бумажку, водил ее по полу и Барсик ловил ее ловко. Когда же мальчик переносил игрушку через его спину, котенок перекатывался, гоняясь за ней. Когда же Марат постепенно поднимал, дразня друга, сверточек вверх, Барсик тянулся за ним, вставая в полный рост на задние лапки и делал неуверенные шаги, совсем как ребенок.

Временами, проверяя сноровку и реакцию Барсика, Марат поднимал его за лапки и бросал на коврик, чтобы ему не было больно. Он хотел узнать – упадет ли когда-нибудь, хотя бы случайно, котенок на спину. Мальчик слышал, что кошки никогда не касаются спиной земли при падении, а всегда встают на лапы. И, действительно, с какой бы низкой высоты Марат ни бросил котенка, он всегда ловко вставал на лапки и ни разу не коснулся ковра спиной или даже боком.

Удивленный этим, Марат однажды спросил меня:

– Пап, а почему кошки никогда не падают на спину?

– Не знаю, – ответил я, потому что действительно не понимал и сам – почему. Правда, в чеченском народе издавна живет примета о том, что, если кошка когда-нибудь упадет на спину, то сразу же наступит конец света и настанет Судный день. Наверно, она не хочет, чтобы это случилось по ее вине? – пошутил я.

Наблюдая за поведением Барсика, за его реакцией на слова и жесты, за проявлением им своих чувств и эмоций, я часто и всерьез думал: а не ошиблась ли природа, создавая Барсика дитем зверя, хотя и домашнего, а не человека. До того был он умным, понятливым, послушным.

Вся наша идиллическая жизнь была разрушена и растоптана в одно мгновение неожиданно и негаданно. Над Чечней загудела фронтовая штурмовая авиация. По дорогам Чечни заскрежетали тяжелые траки танковых гусениц. Улицы городов и сел заутюжить грубые колеса бронетранспортеров и боевых машин пехоты, облепленные десанниками, как мухами кусок мяса. В небе Чечни застрекотали вертолеты с пакетами разрушительных ракет. Снаряды тяжелой артиллерии и мины стали изуродовать улицы воронками и разрушать дома, впиваясь в них, как огненные метеориты. Людей, особенно – детей, начали убивать и калечить игольчатые, шариковые, пружинистые бомбы, противопехотные мины и мини-взрыватели, замаскированные под разные детские игрушки.

В Чечне запылала истребительная и кровопролитная война. Жить в ней стало смерти подобно. Начался великий и трагический исход жителей городов и сел ее в сопредельные и в отдаленные республики и края.

Когда стало совсем не вмоготу, бежали торопливо от неминуемой смерти и мы. Бежали всей семьей, захватив второпях только самое необходимое. Да и не могли мы взять много, потому что своего транспорта еще у меня не было, а общественный уже не ходил. Мы напросились в попутчики к соседу. Уезжая в спешке в перерыве между губительными обстрелами, мы вынуждены были оставить Барсика, которого в эти минуты и дома-то не оказалось: он вторые сутки мотался где-то по своим кошачьим делам. Весна ведь была во дворе, хотя и ранняя. Когда он вернется, знали только двое – Всеведающий Аллах и сам Барсик. Ждать же его мы не могли, хотя Марат очень просил и умолял, – сосед торопил.

– Да и не можем мы оставаться дольше в городе, – говорил я сыну. – Я больше тревожусь за вас, а не за себя. Да и не выдержим здесь больше – я и ваша мать: от переживаний и тревог у нас заболели сердца. Обещаю тебе: мы не задержимся там долго и, даст Бог, – вернемся при первой же возможности, – постарался я успокоить Марата.

Но сына это не утешило. Он хмуро молчал всю дорогу, которая казалась бесконечной из-за долгих остановок на многочисленных блок-постах и придирчивых, унижительных проверках на них. Ничто его не радовало и все дни, проведенные нами в беженцах: он очень привязан был к Барсику и все время скучал по нему...

Вернулись мы в город только месяца полтора спустя, когда боевые действия переместились в горные районы и с помощью ОБСЕ было подписано временное перемирие. Наступило хрупкое затишье и нетерпеливые жители стали возвращаться в свои дома, хотя все еще еженощно случались перестрелки, а ежедневно – взрывы и зачистки.

Сынишка первым делом бросился на поиски своего друга – красавца Барсика. В квартире искать было бесполезно. Он обошел все подъезды и грязные, захлапленные, темные подвалы нашего многоэтажного дома и двух-трех соседних. Возвращался мрачный, грустный, едва не плача, и каждый раз говорил мне с упреком:

– Я же так тебя просил, пап...

Потеряв всякую надежду, Марат случайно заглянул под кусты сирени у нашего дома и не поверил своим глазам – там лежал труп его Барсика – мертвого Барсика. Задние лапки

и часть тельца кота были раздавлены. В уголках пасти его и на травинках запеклись крупные капли крови. Видно было, что умер он совсем недавно...

– Пап, наш Барсик умер, – сказал Марат сквозь слезы, с детской тоской и болью в голосе. – Нет у меня теперь верного друга.

Вечером, в первый же день нашего возвращения, перед ужином, к нам зашла наша соседка по подъезду – старая русская женщина, ветеран Великой Отечественной войны, с которой мы жили душа в душу много лет – со дня заселения дома. Все последние годы она прожила с мужем-инвалидом. Она уже много лет была пенсионеркой, но не сидела дома – работала медсестрой и ухаживала за мужем, умершим незадолго до начала первой чеченской войны. Наши семьи связывала крепкая дружба. Антонина Федоровна и Александр Сергеевич были бездетными и наших детей считали чуть ли не своими и обижались, если они хотя бы раз в день не бывали у них в гостях. Соседи всегда пичкали их вкусной едой, баловали фруктами, сладостями, деньгами и радовались этому. Они делали с ними уроки, читали вместе книги, разучивали стихи, играли, смотрели детские передачи по телевизору и серьезно обсуждали их и даже укладывали у себя спать, если мы допоздна задерживались на работе. «Тетя Аня» и «дядя Саша» называли соседей наши дети. Особым любимчиком их был мой младший сын – Марат...

За ужином, увидев нахмуренного, грустного и мрачно молчавшего своего любимчика, обычно всегда веселого, живого Марата Антонина Федоровна спросила с тревогой:

– Что с тобой, мой мальчик? Что случилось? Почему у тебя такой убитый вид?

– У него – горе большое: умер его любимый кот Барсик. Помните его? Они были очень привязаны друг к другу, – ответил я за молчащего сына. Он сидел, низко опустив голову, не притрагиваясь к еде и беззвучно плакал.

– Не только помню, но и хорошо знала, а в последнее время и полюбила его. Он каждый вечер возвращался домой, долго царапался в вашу дверь и мяукал. Не получив ответа, он преданно лежал перед дверью всю ночь. Я старалась заманить его к себе, чтобы живая душа была рядом в темном, холодном, неприятном доме – без воды, газа и света. Но он не шел ко мне, а всегда упрямо ждал вас. Я даже знаю, как он погиб – я видела это.

– А как он умер? Когда? Отчего?

– Каждое утро мы, я и Барсик, как по расписанию почти в одно то же время выходили из подъезда и шли по своим делам: я – за гуманитаркой, он – на охоту. В те дни война действовала по принципу: в одной руке – пряник: гуманитарка, в другой – кнут: бомбы, снаряды, пули, гранаты – истребление. И все равно люди шли за этой униженной подачкой – не умирать же было с голоду?

И в тот злополучный день мы с Барсиком вышли из подъезда вместе в одиннадцатом часу утра. Погода была не по-весеннему хмурая, пасмурная, навевающая тоску и тревогу. Черные тяжелые тучи висели настолько низко, что накрывали верхушки не только девятидесятиэтажных домов, но и наши пятиэтажки. Едва я получила гуманитарные булку хлеба, маленькую пачку сахара-рафинада и кусок хозяйственного мыла, как начался дождь. Я зашла в сохранившийся на удивление целым среди руин родильный дом, в котором я работала до войны старшей медсестрой. Там я, на радость свою, застала свою хорошую знакомую – старую чеченку. Разговорившись, я засиделась с ней и домой возвращалась поздно вечером. Переходя наш Майский бульвар, я заметила впереди себя важно ступающего Барсика. Он хотел проскочить перед мчащейся на бешеной скорости воинской колонны, но не рассчитал – первый же бронетранспортер, чудовище бессердечное, страшным ударом отбросил его, как пушинку, на обочину. Вы же знаете, что эти изверги творят на наших улицах, гоня в страхе, как угорелые, давя все, что им попадается на пути. Пока я на больных ногах перешла улицу, пропустив эту длинную колонну, совсем стемнело и я в зарослях бурьяна и кустарников не смогла найти Барсика, чтоб посмотреть

– жив ли. Надеюсь, что он живой, недаром же говорят – живучий, как кошка. А где ты нашел, сынок?

– Тут, в кустах сирени, растущей под нашими окнами, – опять ответил я за ничего не слышащего сына...

– Смотри-ка, все же перед смертью приполз-таки домой. И, чтобы кровью не запачкать подъезд, умница, уполз в кусты сирени. Ну, прямо, как человек. сообразительным, был он, ваш кот Барсик, – заключила соседка.

– Да, в этом ему нельзя было отказать, – сказал я.

И тут наконец-то подал голос Марат:

- Пап, можно я его похороню завтра? – спросил он.

– Конечно, можно. Даже нужно. Ты знаешь, как почитал и любил кошек наш Великий Пророк Мухаммад (Да благословит его Аллах и приветствует)? Рассказывают, что, когда ему надо было встать, он, чтобы не потревожит кошку, спящую на подоле его бурки, тихо и аккуратно отрезал этот кусочек. К тому же Барсик был нам как родной, как член семьи. Хочешь, я даже помогу тебе...

– Не надо. Я – сам, – сказал мальчик.

...Утром он встал раньше обычного. В скверике, рядом с нашим домом, выкопал глубокую могилку, положил в него труп друга своих детских игр, засыпал землей, сделал небольшой холмик и в изголовье поставил большой камень вместо чурта.

С того дня прошло много лет – около двадцати. Холмик, давно сровненный с землей дождями и ветром, буйно зарос травой. Но камень стоит на том же месте. И память об умном и преданном коте Барсике живет. И он не будет забыт, пока стучат сердца – мое, моих детей и их матери...

Деньги

Моему другу Махмуду почему-то реже везло в делах, чем ему улыбалась удача в них. Не везло, хотя умом, организаторским даром, чутьем и редким упорством он не был обделен Всевышним Аллахом и природой. Виной всему были, по-моему, недобросовестные люди, которые любили брать в долг деньги, но не спешили отдавать их во время или вообще не считали нужным возвращать взятое. Причинами всех его бед были еще его доброта и вера в людей, мягкий и милосердный характер. Но это было мое

мнение, запомнившего на всю жизнь две простые истины: деньги, взятые в долг, трудно возвращать потому, что, во-первых, берешь на время, а отдаешь навсегда; во-вторых, берешь чужие, а отдаешь свои. О том, что долги все-таки надо возвращать, писал даже великий немецкий поэт Генрих Гейне, влезавший, видимо, в эмиграции очень часто в долги:

Отдавай долги, дружище,
Ведь живем так долго мы,
Что еще не раз придется
У того же брать займы.

Эх, жил бы в наше время знаменитый острослов и мудрый фантазер Молла-Несарт и был бы он соседом Махмуда. Вот он бы научил моего друга выбивать долги у желающих жить за чужой, как помог некогда бедному своему соседу.

...Однажды к Молла-Несарту зашел расстроенный сосед, человек тихий, доверчивый и добродушный по характеру, с жалобой на односельчанина, не возвращающего долг.

– Как давно он занял у тебя деньги? – спросил Молла-Несарт.

– Три года назад, – ответил сосед.

– Когда он обещал вернуть долг?

– Говорил, что берет на три месяца...

– И до сих пор не отдал?

– Нет. И не собирается отдавать. Говорит, подожди еще год-два...

– Ну и нахал же он. Я знаю, как надо у таких выбивать долги. Я помогу тебе. Завтра мы пойдем к нему и поговорим с ним.

На следующий день Молла-Несарт с соседом пошли к должнику. Он встретил названных гостей во дворе дома. Вслед за ним вышла и жена и встала позади него. Молла-Несарт объяснил должнику, зачем они пришли, и спросил:

– Сколько времени нужно тебе, чтоб вернуть долг вот этому человеку? Год, два?

Должник решил попросить возможно больше времени, да еще жена тихо шипела сзади: «Проси по больше. Лет десять проси».

– Верну его долг через десять лет, – сказал он.

– Ладно. Через десять так через десять. Так тому и быть, – как-то уж очень быстро согласился Мола-Несарт с должником.

Должник вернулся в дом очень довольный тем, что перехитрил самого Молла-Несарта, выторговав у него такой большой срок. Ехидная улыбка играла на его лице. Радостно потирая руками, он думал про себя: «А через десять лет либо царь умрет, либо осел сдохнет».

По дороге домой сосед, очень недовольный решением Молла-Несарта, бурчал без злобы:

– Зачем ты дал ему столько времени? Я даже на день, на неделю вперед не могу загадать, что со мною будет...

– Не сердись, – сказал ему в ответ Молла-Несарт. – Я так долго ждать и не собираюсь. Увидишь – не пройдет и десяти дней, как он будет умолять тебя забрать деньги...

Прошли сутки и на вторую ночь в то время, когда сон самый крепкий и сладкий, в дверь дома должника забарабанили так сильно, будто хотели пробудить всю округу. Супруги мгновенно проснулись, раздраженно и гневно думая: «Что за сумасшедший ломится к ним в такой поздний час?»

Стук повторился и муж, посылая на голову непрошенного гостя все существующие на свете проклятия, пошел открывать дверь. За ней он увидел с ехидцей улыбающегося Молла-Несарта и спросил возмущенно:

– Ты, что с ума спятил, стучаться в такое время в чужие двери?

– Ничуть не спятил, – спокойно ответил Молла-Несарт. – Просто я пришел напомнить тебе, что прошел первый день из назначенного тобой времени и что осталось три тысячи пятьсот девяносто девять дней из трех тысяч шестисот дней...

Хозяин, яростно ругаясь, захлопнул перед Молла-Несартом дверь и поплелся досыпать остаток ночи. Но разве заснешь после этого?..

Это же повторилось на третью, четвертую ночь – шесть ночей подряд. На седьмую ночь, когда забарабанили в дверь, супруги, спавшие чутко, ожидая стука, встали с большими головами и жена взмолилась, рыдая: «Ради Бога, отдай ему этот проклятый долг, пока он не свел нас с ума!»

На седьмое утро должник чуть свет явился к кредитору и, протянув ему деньги, сказал умоляюще:

– Ради Бога и всех святых забери свой долг и попроси этого сумасшедшего Молла-Несарта, чтобы больше не стучался в нашу дверь...

– Я же говорил тебе, что и недели не пройдет, как ты получишь свой долг, – засмеялся довольный своей выдумкой Молла-Несарт и рассказал соседу о своем методе выбивания долгов у злостных неплательщиков.

Ну, что поделать, если не было у Махмуда такого находчивого соседа Молла-Несарта – весельчака, выдумщика, балагура. Да и на свои неудачи он смотрел несколько иначе, чем я: как на неизбежное в эпоху, когда в люди, брошенные на произвол судьбы, не живут, а выживают, как могут. Он то жалеет людей, которые идут на все тяжкие, чтобы прокормить себя и семью, теряя часто при этом совесть, честь, достоинство, то ненавидит их за то, что аферами пускают его по миру. Но решительных мер к ним не принимает, понимая, что это бесполезно при отсутствии стране – порядка, в людях – ответственности, у власти – решительности. Знал Махмуд и то, что с голого рубашку не снимешь.

И, странно, после неудач он никогда не унывал, не терял веру в себя, не падал духом. Махмуд не отчаивался, не опускал руки, а, быстро приходя в себя, снова расторопно и уверенно брался за новое дело, надеясь, что в этот раз удача улыбнется ему, как в самом начале, – однажды...

А вначале, много лет тому назад, было дело. Когда в стране и в мире разгулялись перестройка и гласность и медленно, по их воле, стала почивать в бозе великая советская держава, было разрешено гражданам такое, что им лет десять назад даже в самых радужных снах не приснилось бы. В стране, постепенно возвращающейся к капитализму, к рыночной экономике, была разрешено частное предпринимательство. Популярным стал бухаринский лозунг двадцатых-тридцатых годов: «Обогащайтесь!». Правда, новое время дополнило его словами: «Выживайте, как хотите!»

Вдохновленный этим, Махмуд одним из первых в Чечне создал ферму по выращиванию кроликов и нутрий. Открыл цех по пошиву пушистых и теплых кроличьих шапок-ушанок и красивых нутриевых шубок для женщин и магазин по продаже их. Он обеспечил работой несколько мужчин и женщин – в нем проснулась давняя мечта о собственном деле.

Свои изделия Махмуд продавал недорого и их охотно покупали все – людям не до модных изысков было в объявившей себя независимой, заблокированной со всех сторон, стремительно нищающей безработной, беззарплатной, беспенсионной Чечне девяностых годов.

Наладив дело, через год-полтора Махмуд начал получать некоторую прибыль и стал заниматься благотворительностью: как добрый человек и истинный мусульманин, в меру возможностей помогал нуждающимся, которых в те годы в Чечне было, как говорится, хоть пруд пруди. Себе же оставлял минимум, чтоб семья не голодала.

Так продолжалось три-четыре года, пока неожиданно, откуда ни возьмись, объявились, так называемые « темные крыши». Этих бандитов, обвешанных оружием, не способных ни на что другое, как грабить, похищать, пытать и держать в страхе людей, развелось тогда в Чечне, как и всюду, много. Объявилось немало паразитов, для которых не было ничего святого, кроме наживы. Они желали жить, ничего сами не делая, за чужой счет, без усилий вытаскивая рыбу из пруда, которую, как известно, из него не вытянешь без труда. Они, как осы на мед, или, как мошкара на яркий свет, слетались на огонек предпринимателя и угрозами расправы над ним и его семьей, заставляли выплачивать дань в сумме, определенной ими самими.

Пришли они и к Махмуду. Он не сразу дал согласие вымогателям, но и не разгневал их отказом – попросил дать ему два дня на размышления. Он не боялся их, а тревожился за семью. И дарить разбойникам не собирался свои кровные, трудом заработанные деньги. Он ясно понимал, что его отказ дорого обойдется ему, но все-таки гордость не позволяла кормить этих бездельников.

Махмуд утром поехал в родное село, где жили его братья, родители, многочисленные родственники. Рассказал им о визите тунеядцев и о своем решении не подчиняться. Они одобрили Махмуда. «Никто, никогда из нас не был трусом и не подчинялся воле других, кроме воли Всевышнего Аллаха. Не будет этого и теперь», – сказал отец. На следующий день трое из его братьев приехали в город, двое уехали обратно, забрав семью Махмуда, а один остался с ним – на всякий случай.

В назначенное время четыре вооруженных до зубов бандита пришли, как и было условлено, к Махмуду и когда он отказал им в дани, главарь спросил:

– Это твое окончательное решение? Ты хорошо подумал о последствиях? И не боишься их?

– Окончательное. Подумал хорошо. И угрозы ваших не боюсь. И никого не боюсь, кроме Всемогущего, – ответил твердо Махмуд.

– Ну, что ж – ладно. Не пожалей только потом.

– Не пожалею.

Зная, что угрозы бандитов не пустые слова, Махмуд, назло им, прирезал часть кроликов и нутриев, другую раздал соседям, закрыл цех и магазин и уехал на время в село. А несостоявшиеся крышеватели в отместку ему сожгли и цех, и магазин его в одну ночь.

Полгода спустя, чуть поднакопив денег, Махмуд решил снова открыть свое дело – заняться издательской деятельностью. Оборудовал в городском своем доме типографию, собрал своих друзей, бывших работников книжного издательства, оставшихся после революционных событий в Чечне без работы и начал выпускать газету и тоненький журнал на религиозные темы. Они делались профессионалами, мастерами своего дела. Материалы в них печатались интересные, содержательные, познавательные и очень важные для верующих и для широкого круга читателей.

Продавались его газета и журнал дешево по сравнению с другими светскими изданиями, отдавались почти за бесценок – Махмуд не собирался на них наживаться. Но даже при этом не были востребованы – почти не расходились и не покрывали даже издательские расходы, не говоря уже о прибыли. Не до чтения газет и журналов было тогда жителям в катящейся в пропасть Чечне. Мужчины с утра до вечера метались в поисках средств существования, а женщины – надрывались на рынке. Да и кому будет охота читать при урчащем от голода желудке и тающем от дистрофии ребенке?..

И снова пришлось Махмуду закрыть свое дело. Но на этот раз не из-за наездов рвачей, у которых хватило-таки ума понять, что тут не наживешься, а по причине убыточности таких изданий и безразличия к ним читателей.

Махмуд и тут не растерялся и не разочаровался в жизни и людях, а буквально месяц спустя после этой очередной неудачи, взялся за новое дело – он был из тех, кто не привык сидеть сложа руки, тупея от лени в ожидании манны небесной. С помощью друзей Махмуд открыл в городе филиал одного из московских банков и стал выдавать денег в краткосрочный кредит под мизерный процент – обогащаться прибыльным ростовщичеством ему запрещала его вера. Вскоре все деньги филиала были розданы кредиторам.

Но по прошествии положенного времени ни один должник не выплатил банку не только проценты, а даже сам кредит. Ни один! Что только не делал Махмуд, стараясь возвратить долги – звонил, ходил по адресам, взывая к совести людей, обращался по чеченским обычаям к старшим родственникам должников. Но все было напрасно: чтобы Махмуд не тревожил их своими просьбами о возврате долгов и не напоминал им о небесных карах, в которые они не очень-то и верили и которых не слишком-то и боялись, кредиторы меняли адреса и, пускаясь во все тяжкие, исчезали, как призраки, в никуда. Тут даже никакой хитроумный Молла-Несарт не смог бы помочь Махмуду. По всему поэтому пришлось ему закрыть свой филиал, по доброте своей влезая в большие долги.

И после этого фиаско Махмуд не образумился, а едва оклемавшись, решил взяться за новое дело, чтоб постараться рассчитаться с долгами хотя бы. Для этого он уже сам взял кредит в банке под залог своего большого, но еще недостроенного дома. Деньги сыграли с ним злую шутку и в этот раз, но уже по своей вине.

В один из осенних пасмурных и ветреных дней Махмуд забрал в банке большую сумму денег, намереваясь оплатить поставленные его торговой оптовой базе товары – автозапчасти. Несмотря на блокаду автомобилей в Ичкерии было немало – купленных, ворованных, угнанных из разных мест. На разбитых наших дорогах они, естественно, часто ломались и запчасти были нарасхват.

С несколькими толстыми пачками сильно обесцененных денег выйдя из банка, Махмуд положил их на сиденья своих старых «Жигулей» и поехал на базу. Проехав почти половину пути до офиса, находящегося в самом центре города, ему почему-то вдумалось переложить деньги в багажник, чтобы не очень бросались в глаза различным патрульным, проверяющим в те напряженные предвоенные дни все машины, особенно тщательно осматривая салоны их. И остановился он почему-то на малолюдной улице, где и машины-то проезжали очень редко.

Положив деньги на крышку багажника, Махмуд двинулся к передней дверце, чтоб взять в салоне ключ от него. Не успел он сделать этих двух коротких шагов, как рядом, скрипнув тормозами, затормозил знакомый. Обрадованные встречей, они поговорили минуты две и, договорившись, что Махмуд обязательно заедет к нему вечером, приятель уехал.

Махнув ему рукой, Махмуд быстро сел в машину и тоже поехал, забыв о деньгах. Подъехав к базе, он решил забрать деньги, открыл багажник и, не увидев пачки, сначала удивился, а затем – растерялся. И только тут Махмуд с ужасом вспомнил, что, разговорившись с приятелем, он забыл положить деньги в багажник и тронулся в путь, оставив их на крышке его. И естественно, их сдуло ветром и разметало по улице.

Махмуд быстро помчался на место своей остановки, но, конечно же денег и след простыл. Он ждал, что человек, нашедший их, откликнется на его объявление по телевидению и в газетах с просьбой вернуть деньги за вознаграждение. Но не нашлось в те окаянные дни честных и благородных людей, чтобы вернуть ему деньги, как в добрые старые времена, когда земляки сами объявляли по телевидению, радио, в газетах и даже на базарах о находке крупных сумм денег, драгоценностей, документов и всегда

безвозмездно возвращали все объявившемуся хозяину – просто за «спасибо». Новые были времена и иными - понятия о благородстве, чести и достоинстве.

Пришлось Махмуду закрыть и это предприятие. На этот раз по своей глупости.

А вскоре грянула первая чеченская война. Махмуд уехал в соседнюю республику, где надеялся поправить свои дела с помощью многочисленных знакомых успешных бизнесменов и предпринимателей. Помочь же они могли – дела их процветали в краю, жители которого, однажды обжегшись о пламя войны, теперь, угомонясь, мирно трудились...

Сказаано же: обжегшись о кипятик, дуешь на холодную воду...

Находчивость

Не знаю, кому и как, а мне нравится острый ум и рассудительность наших чеченских девушек. Не знаю, кого и как, а меня восхищает их находчивость и продуманность действий. Не знаю, кто и как, но я завидую белой завистью девушкам-чеченкам за свойственную только им смекалку и умение найти мудрый выход из любого, даже безвыходного на первый взгляд, положения. Тонкий, убедительный, простой. Упорство, решимость, настойчивость их в достижении цели безграничны, фантазия – неиссякаема. Они непревзойденные мастерицы на всякие выдумки. Их действия вызывают восторг, особенно, если чеченские девушки влюблены по уши. Доказано же, что мужчины любят глазами, а женщины – ушами. В истории мы находим тьму примеров находчивости, сообразительности и мудрости чеченской девушки.

I

Юноша Ваха и девушка Яха давно любили друг друга так сильно, что каждая встреча у родника становилась для них незабываемым праздником. Да и как забудешь его, если они встречались каждый день? Дело дошло до такого предела, когда Яха отдала Вахе традиционный платочек в знак верности только ему одному и назначила день, когда она войдет в его дом невестой в белоснежной габали.

Ваха-то с Яхой только и мечтали об этом, но отец и, особенно – братья Яхи, которых, как и бывает в легенде, было ни много, ни мало, а ровно семеро, не хотели иметь родства с Вахой: и беден он, мол, и род его незнатен, и гар – слабый, что девушку, не в пример им, мало заботило. Сказано ведь, что любовь – слепа.

В назначенный день, Яха с утра занималась разными домашними делами. Братья все разошлись по своим делам, а отец в прохладной комнате возлежал на паднаре деревянном, неизменном атрибуте каждого чеченского дома в давние годы, в думках о разном. Он то забывался коротким сном, то просыпался от жужжания надоедливых бесстрашно-наглых мух. И матери не было – гостила у сестры в дальнем конце села. Одним словом, условия сложились идеальные для осуществления задуманного – побега из отчего дома.

«Хорошая у меня растет дочь, – размышлял отец, сквозь дремоту слыша шум, производимый ею, подметая двор. - Умная, тихая, работящая, послушная. Ни шагу не сделает, не спросив решения у матери или у меня».

В ожидании назначенного времени Яха с особым усердием подметала и чистила двор, чтоб не вызвать вдруг никаких подозрений отца. И делала все, часто поглядывая на улицу, чтобы не упустить момента появления друзей любимого.

И они показали в условленное время и один из них сделал знак – куда идти. При этом он не сказал ни слова, а только махнул рукой, убедившись, что улица пуста и что его никто не видит.

Девушка зашла к отцу и спросила с равнодушным видом и спокойным голосом:

– Дада, а что, если я самое неотложное дело сделаю первым?

– Будет очень даже хорошо. Делай, как считаешь нужным, – ответил отец, ничего не подозревая. – Только не очень шуми...

Постараюсь совсем не шуметь, – заверила дочь отца, который тут же снова спокойно задремал в прохладе комнаты.

Проснувшись в очередной раз и удивившись странному затишью во дворе, отец вышел из комнаты и увидел, что двор пуст – ни души. Осмотрел все – дочери и след простыл. Отец понял, что дочь провела его вокруг пальца.

Вечером, когда все братья собрались дома, не увидев нигде сестру, они спросили у отца:

– Что-то Яхи не видно. Где она?

– Замуж вышла, – спокойно сказал отец.

– Как, без нашего согласия? Как она посмела? – начали бесноваться братья. – Да мы немедленно разберемся с этим бедным, безродным Вахой! Он пожалеет о том, что вообще появился на свет Божий. И ее накажем за глупое своеволие.

– Остыньте и не шумите понапрасну – остудил их горячие головы отец. – Никому, ничего вы не сделаете. Во всем виноват я – ваш отец. Она ушла, испросив у меня разрешение, с моего согласия и одобрения. Ваша сестра оказалась умнее и хитрее нас всех, несмотря на свою молодость. Вот уж поистине правы мудрые люди, сказавшие когда-то: «Не всякий старец – мудр, не каждый юноша – глуп».

– Как же она перехитрила тебя?

– Очень просто. Убираясь во дворе, она вошла в комнату, где я подремывал и спросила с невинным видом: «Дада, дада, а можно я самое неотложное дело сделаю первым?» Я же, не чувствуя никакого подвоха, ответил просто, что она умница и что она поступит правильно, сделав самое спешное первым. А что для девушки самое неотложное? Правильно, во время выйти замуж за любимого. Не будем теперь омрачать ее счастье, а лучше подождем сватов. Мое слово – твердое, мужское. И я только рад уму и находчивости своей дочери и верю, что они помогут ей в жизни...

– Так что же выходит неправы были наши предки, которые утверждали, что женский ум меньше хвоста лягушки? А так как хвоста у лягушки, как все знают, вообще нет, получается, что и у женщины не должно быть ума? – спросил старший сын.

– Выходит, что ошибались они, – ответил отец. – И наша дочь доказала это.

И были сваты. И была свадьба. И жили Ваха с Яхой долго в мире и согласии, воспитывая детей и внуков, доказывая, что счастье не в богатстве и не в знатности рода или гара\ человека, а в любви. Недаром же они носили такие жизнеутверждающие имена, которые есть только у чеченцев – Ваха и Яха...

II

Жили-были в одном горном селе Нохчиймохка, окруженном поодаль невысокими горами, парень с чудным именем База и девушка с прелестным именем Петамат. Назвали их так за красоту и стать: Базу – по имени дерева, которого чеченцы из века почитают, как самое ценное и красивое среди всех других, Петамат – по имени цветка, которого горцы издавна считают самым ярким украшением лугов и склонов гор. Были они молодыми, стройными, видными. И были они, как все молодые люди во все времена влюбленными друг в друга так, что даже минутная разлука казалась им вечностью. Они любили друг друга так сильно, что не мыслили жизни врозь. Они так мечтали создать семью, что однажды при встрече у родника Петамат положила в дрожащую от радости и волнения руку Базы золотое колечко – подарок матери. В знак верности ему и согласия стать его женой.

После этого База не решался какое-то время подойти к отцу Петамат просить ее руки. Но раз зимним холодным вечером он преодолел-таки свое стеснение, пришел, для уверенности взяв с собой товарища, к отцу любимой и сказал робко:

– Отдайте за меня замуж свою дочь. Я ее люблю больше своей души, а она – меня.
– Хорошо, – согласился отец. – Так и быть отдам за тебя дочь, обещаю при этом свидетеле, если ты выдержишь одно испытание – хочу проверить, как сильно ты любишь мою дочь и насколько ты будешь верен ей после женитьбы.

– Что за испытание, которое я должен выдержать? – спросил База.

– Очень простое, – ответил отец девушки. – Ты должен сегодня провести эту холодную ночь в горах. Если ты утром вернешься живым, будет Петамат твоей.

– Хорошо, – сказал парень и, попрощавшись с товарищем, шагнул в наступившую рано холодную, темную ночь. Что не сделаешь ради любви и любимой? На конец света пойдешь, ярчайшую звезду с неба принесешь, огонь и воду пройдешь.

Утром замерзший и дрожащий от холода, но живой, База предстал перед отцом любимой. Отец удивился его живучести и стал искать причину для отказа влюбленному – уж очень не хотелось ему отдавать за него дочь.

– Вот хорошо, что ты вернулся, – притворно радуясь сказал отец девушки и на ходу придумал причину для отказа:

– А не видел ли ты какого-нибудь света?

– Видел я свет лампы, тускло горящей в окне одного из домов нашего села, – честно признался простодушный молодой человек.

– Этот свет согревал тебя всю ночь, потому ты и не замерз, – злорадно сказал отец его любимой. – Не выдержал ты испытания. Не видать тебе моей дочери. Прочь из глаз моих! – изгнал он со двора молодого человека.

И побрел База уныло домой, безжалостно обманутый в своих светлых чувствах и в вере в людей. Ушел убитый несправедливым отказом отца любимой. Но не впал в отчаяние, а решил искать другие пути к счастью своему.

Узнав об отказе отца любимому, стала искать свои пути и Петамат. И заработал ее острый женский ум. А наши горянки, не только красивые, но и очень умные, смекалистые и изобретательные.

Вскоре к отцу девушки пришли гости из соседнего села. Отец дал распоряжение дочери быстро приготовить еду, и разлеглись они на паднарах, подоткнув под бока мягкие подушки, и затаили они тягучие, неторопливые чеченские разговоры, внимательно слушая друг друга. Они не виделись почти полгода – один был на заработках в городе на Сунже, другой – на отгонных пастбищах далеко в горах, третий – на пасеке в степях Притеречья. Впечатлений и новостей у каждого было много и приятелям было о чем говорить.

Так в спокойных разговорах проходит час, второй, третий... Гости уже выговорились, переговорили обо всем, а еды все нет и нет. Былая беседа по инерции продолжилась еще немного, гости уже стали поглядывать на часы, когда оскорбленный и разгневанный отец выскочил, извинившись перед гостями, вон из комнаты и набросился на дочь:

– Да заберет тебя Бог! Где твоя еда?

– Скоро будет, – невозмутимо ответила дочь. – Сейчас котел закипит...

– А где ты готовишь-то ее? Покажи-ка мне...

– Как мама готовит иногда, в нашей летней кухне за домом, – сказала Петамат.

Шагнул отец за дом и увиденная картина бросила его в шок – он впервые видел такое: на ветке высокого дерева висела кастрюля с водой, а под ней на земле едва тлел огонь. Печь же была пуста и холодна. Изумленный и еще больше разгневанный отец, снова набросился на дочь:

– Ты что свихнулась совсем? Как может от этого огня согреться и вскипеть вода в кастрюле, подвешенной так высоко? Ты же опозоришь меня перед гостями, если они уйдут без угощения. А пересудов сколько будет о нашем негостеприимстве...

– Ва, дада, – сказала спокойно дочь. – Почему этот огонь не согреет и не вскипятит воду в этой кастрюле, если человека далеко в горах в зимнюю ночь согрел тусклый свет в окне одного из домов нашего села?

Отец был поражен и сражен умом, смекалкой и логикой дочери. Он понял свою неправоту и заверил дочь:

– Я плохо поступил с этим парнем. Обещаю отдать тебя замуж за избранника. Только не позорь меня перед гостями. Не могу же я отправить их несолоно хлебавшими. Что они будут думать обо мне?..

– И не надо делать этого. Еда у меня давно готова – любимые тобой жижиг-галнаш с сушеным мясом и копченными колбасками. Она стоит теплая на печке, и ее я мигом поставлю перед вами, – сказала Петамат и, светясь от радости и счастья, быстро и ловко накрыла обильный стол.

Отец и гости остались довольными едой.

Чего не сделаешь ради любви и любимого. И братьев слушаешься. И отца перехитришь. И на край света пойдешь. И рай устроишь даже в шалаше. Главное – быть с любимым человеком...

Смерть на чужбине

Памяти моих младших братьев
Султана и Эдди, в раннем
детстве умерших в Киргизии

Они, мои младшие братишки, умирали мучительно и долго. Они умирали вдали от родной земли, любви к которой не успели еще ни прочувствовать, ни узнать. Они умирали на чужбине, в далекой Киргизии, на самой окраине ее, маленькие «враги народа», сосланные туда на вечные времена, без права возвращения на родную землю. Наказанные двух и четырех лет от роду за преступления, о которых ни сном ни духом не ведали, и отлученные от родины, как тысячи и тысячи их сверстников разных национальностей.

Они умирали от голода, хотя на шестом году депортации и на пятом году после окончания Великой Губительной войны недостатка в еде спецпереселенцы ощущали не так уж и остро. Правда, разнообразием она не отличалась в далеком киргизском селе в предгорьях Тянь-Шаня. Основными продуктами выживания оставались черный хлеб и чай с сахаром. О таких деликатесах, как масло, сыр, молоко, сметана, колбаса в те после военные трудные годы и представления не имели, потому что попросту не знали об их существовании.

Подтачивала моих младших братишек неизвестная нам болезнь, лечением которой не занимался никто – ни отец, который почти никогда не ласкал нас и мало интересовался нами, ни мать, тихая, неграмотная и безропотная женщина. Их так и не отвели в большую по тем послевоенным временам больницу, которая была в селе – в районном центре, и не показали врачам. Сделай родители это, может быть, мои братья, в восемь-десять лет покинувшие этот плохой иллюзорный мир, продолжали бы жить и сейчас – на радость мне: была бы опора в жизни мне, оставшемуся на старости лет без дядей, родителей, братьев.

Они умирали от истощения, – видимо, не могли кушать. Отчего? Почему? Никто не знал и они сами не понимали. Когда их начинали кормить, они крепко сжимали зубы и губы и отворачивали голову. Когда им давали хлеб, сахар или яблоко, они держали их в

руке, жалобно смотрели на них и беззвучно плакали – только слезы стекали на жесткую подушку. И слюни текли по уголкам рта, смешиваясь со слезами. Лежа на полу на жестких соломенных матрацах под одним ватным одеялом, они исхудали до того, что не могли уже ни двигаться, ни говорить, ни стонать.

Их мучительная смерть тоже – малюсенькая песчинка в барканах и дюнах смертей, множившихся в те страшные годы в подвалах и на секретных полигонах НКВД, спровоцированных голодом, холодом, болезнями в гулаговских лагерях и местах поселения раскулаченных и безвинно депортированных в необжитые края. Малюсенькая капля в тех бескрайних и бездонных морях преступлений «отца народов и великого вождя мирового пролетариата», который «в час лихой, закон презрев, мог на целые народы обрушить свой державный гнев». Незаметная пылинка в громадных и жутких холмах горя, сотворенного страной, о которой мы всегда гордо и заученно, но убежденно пели в детстве: «Мы – держава мировая, всей земли одна шестая!» Страной, оказавшейся в конце концов жестокой мачехой для многих своих народов.

Только много лет спустя после похорон братьев на чужбине, я, благодаря случаю, узнал примерно, что за болезнь свела их в праведный мир – в истинный мир. Я завел семью поздно; еще в детстве я был предоставлен самому – ни в школе, ни после никто мне не помогал, никто не наставлял, не подсказывал – до всего я старался дойти сам. И семью я решил заводить только после того, как стану на ноги и смогу обеспечить ее, не ожидая помощи ни от кого и ниоткуда. Да и не спешил никто мне оказывать ее. Поэтому я женился довольно поздно по чеченским меркам.

Первой у нас родилась дочь. Мы были на седьмом небе от радости и счастья и души не чаяли в ней. А друзья наши подшучивали над нами: «Ну нянька у вас уже есть, теперь нужны ляльки».

Мы заботились о ней, как умели – молодые были, неопытные. Мы совершенно, как оказалось, не знали, как обращаться с малышами. Дышать на доченьку боялись – как бы чего не вышло. Даже в жаркий летний день, укладывая малышку спать в детской ванночке пластмассовой – коляска и кроватка были в те годы редкостью, тем более мы со своими зарплатами не могли себе позволить купить их. Закутывали ее в теплые вещи – боялись, что замерзнет. Тело бедняжки покрывалось от жары пупырышками. Мы поняли, что так делать нельзя. Это был первый урок для нас.

Боясь, как бы она не проголодалась, каждые пятнадцать-двадцать минут мать кормила ее грудью, едва она пискнет, хотя не всегда это происходило от голода. И малышка снова засыпала с сосочком во рту. Или инстинктивно отворачивала головку. И мать понимала, что она сыта, что так делать нельзя. Это был второй урок нашей родительской учебы.

Но ничему почти они, эти уроки, нас не научили. Это проявилось и тогда, когда мать, отнимая дочечку от груди, на нашу беду приучила ее пить сок из бутылочки с соской, как только она заплачет, даже ночью. Это изводило нас, но приходилось мириться – сами были виноваты. Тогда я понял впервые, как права пословица: маленькие дети спать не дают, большие дети жить не дают.

Так, совершая одну ошибку за другой, мы и растили свою ненаглядную «няньку».

О детских же болезнях мы не знали вообще ничего. После каждого ее чиха мы в панике просто спешили в поликлинику. Благо она была недалеко, в трех-четырёх кварталах от нас, в десяти минутах пешего хода. Трамвая, чтобы проехать две остановки, приходилось ждать намного дольше. И благо, что были там очень умные, опытные, чуткие и терпеливые педиатры, хорошие знатоки детской психологии. Ведь это были годы, когда люди жили по принципу: все лучшее – детям. В то чудное время этот лозунг наполнялся делами...

Из-за своей неопытности в воспитании детей и абсолютным незнанием болезней мы однажды едва не свели в могилу свою дочь. Было это на втором году жизни ее. Говорить она еще не умела, а первые шажки уже делала. Однажды ни с того ни с сего она вдруг перестала есть. Когда ее начинали кормить, она отворачивала головку. Когда ей в руки давали конфету, яблоко или еще что, она молча глядела на него, но не ела. И слюни текли. И тихо плакала. А мы никак не могли понять, в чем дело. И были в этот раз на удивление спокойными – не паниковали, как обычно, хотя малышка наша худела с каждым днем. Надеялись, что все пройдет само собой.

Продолжалось ее голодание около недели и неизвестно, чем бы все кончилось, если бы мы однажды не поехали в далекое горное село на свадьбу – женился сын моей сестры - матери–героини.. Она жительница небольшого села, почти хутора в несколько домов, оказалась намного опытнее нас в деле воспитания детей!

Вечером, когда веселая свадьба закончилась, когда люди разошлись, мы наконец-то остались в своем узком родственном кругу и сели, усталые, ужинать. Сестра моя увидела, что наша доченька не притрагивается к еде, заметила слюни ее, голодный взгляд и грустные глаза в слезах и спросила:

– Что это с ней?

– Не знаю, – простодушно ответил я. – Она уже почти неделю ничего не ест.

– А вы рот ее осмотрели?

– Нет. А зачем? .

– Да ведь она – больна. Уже язык и небо разбиты. Ей больно. Поэтому она и не ест. Завтра – домой и сразу же к врачу. Или вы хотите убить ее?..

Я, запаниковав, всю ночь молил Всевышнего, чтоб с дочерью ничего худого не случилось ночью. Я еле дождался утра и первым же рейсом автобуса тронулся со своей маленькой семейкой в путь. Мне казалось, что с дочерью, спокойно спавшей на руках матери, вот-вот что-нибудь случится. Мне казалось, что автобус плетется медленнее черепахи по разбитым горным дорогам, то петляя по серпантину дороги вверх в гору, то шустро катя вниз по очередному склону. Мне казалось, что дорога никогда не кончится, что мы приедем в город слишком поздно...

Сразу же с дороги мы поспешили в поликлинику. Осмотрев малышку педиатр сказала просто:

– У вашей дочери стоматит. Вы едва не запустили болезнь.

– А что это такое? – спросил я в тревоге. – Это не смертельно?

– Это – воспаление полости рта, - сказала врач. Что-нибудь грязное взяла в рот и вот – страшный результат. – Взгляните сами. Видите – язык и небо кроваво красные и покрылись маленькими волдырями. Еда вызывает поэтому боль, почему дети не едят и у них текут слюни.

– Она будет жить?

– Еще как! Болезнь легко излечима. Сейчас же купите мед и зеленку. И три раза в день давайте малышке по чайной ложке меда и смазывайте всю полость рта зеленкой. Так, сегодня – понедельник, ко мне придете в среду. И не переживайте так сильно – все будет хорошо...

И, действительно, дочь выздоровела. В свое время пошла в детский сад. Окончила школу. Отучилась в университете. Жива, она, на наше счастье, и сегодня и воспитывает уже своих детей. Но таких ошибок, какие делали мы, не совершает, потому что умнее нас.

При болезни дочери, я неожиданно вспомнил своих братьев и, сопоставив их поведение и симптомы, с болью в сердце понял, от чего они умерли. Голод, сведший их в могилу, был, видимо, вызван стоматитом. Знай мы в те годы об этом, отведи мы их в

поликлинику, может быть они бы жили до сих пор на зло власти, невинно осудившей их, как сотни тысяч других детей многих народов. Но я понял это слишком поздно, когда ничего уже нельзя было изменить и оставалось только верить мудрым людям, говорившим всегда в таких случаях: «На все воля Всемилостивого. На свете ни один голоса не упадет без Его ведома. Значит, твоим братьям уже при рождении было определено умереть в раннем детстве – ангельском безгрешном возрасте».

... Мои младшие братья умерли в один день и в один час. И похоронены на чужбине в одной могиле, от которой не осталось, наверно, уже давно и следа. Прошло ведь уже шестидесяти пяти лет со дня их смерти...

Я очень верю, что Всеслышай поселит их в раю за страдания и муки, перенесенные ими в этом иллюзорном, несправедливом мире, и они забудут о пережитом в сказочных райских кущах. Они заслужили это.

... Враг мой

Хозяйка моего друга Сайд-Бека, человека спокойного, терпеливого, но при раздражении – решительного, волевого и не бросающего слов на ветер, была очень болтливой невыдержанной женщиной. Звали ее Балсет. Когда она заговаривала, язык ее мел, как помелом, рот не закрывался ни на минуту. Хорошо бы еще если она говорила нормально – о веселом, приятном, обыденном. Тогда еще можно было бы слушать ее непрерывную болтовню. Нет же, она все время ругала, упрекала, даже оскорбляла всех, особенно своего покладистого хозяина дома, по всякому поводу и без никакого повода. Тараторила же она так быстро и без малейших пауз, что пытаться вставить хотя бы слово в ее раздраженную, возбужденный монолог не было никакой возможности.

Непрерывно ругала, донимала своими упреками Балсет хозяина дома и в тот день, когда у него гостили товарища из соседнего села. Она не смолкала ни на минуту даже при этих посторонних людях. Ругалась, когда накрывала на стол. Бранилась, когда убирала посуду. Распекала мужа, когда приносила чай. Словом – все время была чем-то недовольной, раздраженной, злой. Гости, храня приличие, только удивленно, недоуменно покачивали головами. А муж смущенно молчал и выносил поток ее обидных и оскорбительных слов до поры до времени, стиснув зубы, чтоб не затевать скандала при гостях, и виновато поводит плечами: «Что поделаешь, мол такая она у меня сварливая и неутомонная».

Своим слово извержением, жена наконец-то допекла мужа так, что вывела его из терпения и разозлила. Он в конце концов не выдержал и сказал:

– Или ты замолчишь, глупая женщина, или же я, клянусь при этих двух свидетелях, отсеку кончик от твоего длинного языка, чтобы ты меньше болтала или умолкла совсем...

Но не тут-то было: эта угроза только еще сильнее раздражила и подогрела Балсет – она и не думала замолчать, не веря, что муж решится на такое. Его слова не произвели на нее никакого впечатления – она не очень-то и считалась с мужем.

– Женщина, ты умолкнешь, или я отхвачу кончик твоего погаиноного языка, - второй раз предупредил жену Сайд-Бек все еще довольно-таки спокойно, не выходя из себя.

Но и это строгое предупреждение только раззадорило болтушку, затараторившую еще быстрее и злее. Она и ухом не повела на угрозы мужа, показывая, что ни во что не ставит ни его самого, ни его клятвы.

И в третий раз повторил Сайд-Бек:

- Я просил тебя, женщина, замолчать?

– Просил. И что? – усмехнулась Балсет.

– А то, что я, верный своей клятве...

– На, отрезай! – крикнула мужу Балсет и, бесцеремонно пренебрегая правилами приличия и не стесняясь гостей, нагло высунув весь свой язык, наклонилась к сидящему за столом мужу так близко, что едва не касалась его лица. Она все еще не верила, что угроза мужа – не пустой звук и не желание показаться мужчиной перед гостями. А Сайд-Бек, проявив характер, мгновенно выхватил из чехла подкинжальный ножик, острый, как бритва, и резко взмахнул им. Не успела жена в ужасе втянуть в рот язык, поняв, что на этот раз муж не шутит, как маленький кончик Балсет упал на земляной пол.

– От боли она закричала благим матом, проклиная мужа, и из глаз ее ручьем полились слезы. Зажав обеими руками крепко сжатый рот, быстро наполняющийся кровью, и забыв про частичку своего языка, на которую Сайд-Бек к тому же нарочно наступил ногой, чтобы женщина не смогла найти, разгневанная Балсет быстро выскочила на улицу и побежала в сторону дома родителей, куда она вбежала вся в слезах и в каплях крови.

На крик Балсет, как обычно бывает в селе в таких случаях, вскорости сбежались встревоженные родственники – благо живут они кучно и любая новость разносится тут мгновенно. Выслушав сбивчивый рассказ Балсет, говорившей больше жестами, во всех смертных грехах обвиняющий мужа, мнения родственников об его виновности разделились.

- Сама виновата. Язык был уж слишком болтливой...

- Давно она напрашивалась на это...

- Допекла она таки человека. Кто долго может выдержать такое?.. – говорили одни

- Нам нанесено страшное оскорбление и что прощать такое виновному Сайд-Беку ни в коем случае нельзя, - говорили другие. Особенно бушевал старший брат обиженной – Маца.

– Я отомщу ему – отсеку тоже столько же от его дрянного языка! Кровь за кровь! И немедленно!

– В этом деле нельзя горячиться и спешить, – спокойно сказал самый старший из родственников Балсет – дядя Маца. – Мы ведь не знаем, как все происходило. Мы также не знаем, кто прав, кто виноват. Пусть степень вины каждого установит суд старейшин села и тогда решим, что делать.

С этим согласились все и дело передали на суд старейшин села. В назначенный день на его заседание пришли Сайд-Бек и его гостя, отец Балсет, ее дядя и старший брат Маца – женщины на совет не допускались. Старики терпеливо выслушали рассказ Сайд-

Бека о поведении жены Он сказал о том, что три раза предупреждал ее не донимать его непрерывной руганью и упреками, унижая в присутствии гостей, что он вынужден был выполнить свою клятву, тем более, что Балсет сама напросилась на наказание.

– Так ли это? – спросили судьи у бывших в тот день гостей у Сайд-Бека мужчин.

– Во истину так, - подтвердили свидетели.

Услышав правду о случившемся и убедившись в правоте зятя, дядя Балсет воскликнул, не дожидаясь решения судей:

– Валлахи-биллахи, на его месте я сделал бы тоже самое! Я прощаю Сайд-Бека за вынужденное наказание жены – дочери моего брата. Он поступил, как мужчина, а она, как всякая женщина, - глупо .

С ним согласился и Маца, но сказал, что не прощает зятю другое оскорбление, нанесенное тем, что, наступив на кончик языка ногой, не дал Балсет забрать его. «Я буду искать случай, чтобы отомстить зятю, теперь уже, наверно, бывшему», - сказал он.

Правда, вскоре Маце пришлось простить Сайд-Беку и это прегрешение. Как говорится, не было счастья, да несчастье помогло.

По случаю наступления нового года по лунному календарю в селе решено было объявлено о проведении конных скачек по узким дорогам, петляющим по склонам гор. Попытать счастья в них вместе с наездниками из соседних сел решили и Маца, старший брат Балсет, и Эми, брат Сайд-Бека.

Участников скачки было много, а дороги – трудными и поэтому решено было сделать два заезда. Двое, прискакавшие первыми, должны были определить победителя в третьем заезде. Условие при этом ставилось такое, что победивший получал не только приз, но и коня побежденного.

В первом заезде победителем вышел Маца, брат Балсет. Во втором, Эми, брат Сайд-Бека. И они помчались быстрее ветра в решительный заезд. Долгое время их кони шли, как принято говорить, ноздря в ноздю, не уступая друг другу ни в чем. Но вдруг случилось так, что на одном из спусков прямо перед конем Мацы упал камень на дорогу с крутого склона и он на секунду отпрянул испуганно назад, сбившись с темпа бега. Этого мгновения хватило для Эми, чтоб вырваться вперед и прийти к финишу первым.

Когда его стали объявлять победителем, Эми неожиданно проявил благородство, достойное настоящего мужчины. Он сказал:

– Уважаемые судьи, не я являюсь победителем этой скачки, а Маца – если бы его конь не потерял на миг темп бега, отпрянув от камня, упавшего с крутого склона горы прямо перед ним на дорогу, он пришел бы первым. Его конь ни в чем не уступал моему, если не превосходил. Поэтому я считаю победителем Мацу и, как было условлено, отдаю ему своего коня, как проигравший. И считаю, что так будет справедливо и честно.

– Эти слова настоящего мужчины, - решили старики.

– Это поступок достойный джигита, - раздался голоса болельщиков.

И судьи согласились с ними – объявили победителем скачек Мацу.

Растроганный словами Эми и проявленным им благородством, Маца сказал во всеуслышание:

– Эй, люди! До этого момента я держал злобу на брата этого человека Сайд-Бека, своего зятя, за вынужденное наказание моей сестры Балсет. Я искал случая отомстить ему. Но с этого момента я прощаю ему свою обиду. Брат такого благородного мужчины, как Эми, не может быть плохим человеком. – И, обратившись к Сайд-Беку, стоявшему в группе односельчан, сказал: - Дай руку, Сайд-Бек, и обнимемся в знак примирения...

С тех пор односельчане стали называть Сайд-Бека укротителем строптивых женщин, Эми – самым благородным из мужчин, Балсет – молчуньей. Ей навсегда отбили

охоту болтать без умолку и она на всю оставшуюся жизнь запомнила мудрую поговорку: «Язык мой – враг мой».

Цветы

Руман всю жизнь укорял себя за свою выходку в тот злополучный день, когда он жестоко наказал двух девочек четырех-пяти лет за проступок, который, как выяснилось немного позже, они вовсе и не совершали. Вина их, как оказалось, заключалась только в том, что они жили в одном доме и были подругами юной проказницы, сорвавшей цветы в палисаднике Румана и шустро сбежавшей раньше всех. Он каждый день собирался пойти к этим девочкам, чтоб извиниться, попросить прощения у них. Но проходили дни, месяцы, а он все не решался сделать первый шаг – стыдился этих двух невинных созданий, боялся увидеть укор в их больших глазах...

По природе своей и характеру своему Руман был человек скорее очень добрый, чем очень злой. Он много хорошего сделал людям, встречавшимся ему на его долгом жизненном пути. Да, бывал иногда вспыльчивым и раздражительным, потому что был человеком, и ничто человеческое ему не было чуждо. Но при этом быстро отходил и не помнил зла. Да, ссорился порой, но никогда ни с кем не цапался, а искал пути примирения и находил компромисс. Никого не ругал и не бил, как и отец его, который никогда не повысил даже голоса на своих детей, тем более что никогда никого из них и пальцем не тронул. Поэтому люди всегда отмечали миролюбивый, открытый и добродетельный нрав Румана...

Он снова и снова вспоминает свое странное поведение в тот проклятый день и никак не может понять, какой бес вселился в него тогда, помутив разум, лишив его рассудка, возбудив в нем непривычный для него гнев, который он сорвал на этих двух беззащитных и легкоранимых существах. И с каждым днем винит и казнит себя все строже и беспощадней. Каждый день собирается пойти к ним с извинениями. И никак не решается на это – он боится их упрекающих взглядов и обвинительных слов: «Эх, вы! Вон какой большой выросли, а обижаете маленьких. И все из-за каких-то трех-четырех цветочков, которых мы даже не срывали. Не стыдно вам?..»

Руману было около шестидесяти лет. В эти годы вместились много незабываемого – беспечные дни, пролетевшие в родном селе в раннем детстве, тринадцать полугодных трудных бесправных лет существования, проведенные в ссылке на чужбине. Эти годы вобрали в себя учебы. Эти годы были заполнены работой, бесконечными командировками, поездками, успехами и неудачами, радостями и горестями, как у всех людей во все времена.

Все эти годы Руман жил в шумных студенческих и рабочих общежитиях. Даже заведя семью, он продолжал скитаться по чужим углам, покуда с великим трудом не получил маленькую квартиру в так называемых хрущевских пятиэтажках, которые, как грибы после дождя, во множестве вырастали в те годы в городе. Только вокруг их двора таких многоэтажных домов было пять-шесть, почему он оказался очень шумным – с утра до поздней ночи гудел от игр детворы, от гитарных посиделок подростков, от стука домино и громких дискуссий пенсионеров, от веселых голосов женщин. Сюда стекались почти все жители от мала до велика не только из соседних пятиэтажек, но и частных домов, которых немало было вокруг.

Совсем невыносимо стало жить в их дворе в жуткие девяностые революционные годы, когда Чечня объявила себя независимой и многие люди, особенно – молодые люди, поняли провозглашенную свободу как вседозволенность и безнаказанность. Они могли дни и ночи гонять по двору на редких в те годы машинах на бешенных скоростях, включив для куража, своего удовольствия и форса сирену на всю мощь и пошлую музыку на всю ивановскую. Они могли въехать во двор среди ночи или на рассвете и вызывать товарища или собутыльника, живущего на пятом этаже, стрельбой из автомата, громким сигналом или диким криком. Им лень было выходить из машины, подниматься на этаж, постучать в дверь. Им было наплевать на то, что пробуждали целый квартал, поздно забывшийся тяжелым, тревожным сном. Они не обращали никакого внимания на гневные выговоры и проклятия людей, с негодованием выбегавших на балконы и возмущавшихся бестактностью и выходками молодых хулиганов. По своей невоспитанности, распушенности и наглости они даже не находили нужным извиняться перед растревоженными ими людьми. Они возомнили себя хозяевами жизни и жили по принципу: после нас – хоть потоп.

Особенно страшила и тревожила людей стрельба этих нахалов в предвоенные дни и ночи, когда в городе буйным цветом цвел бандитизм. Когда временами возникали бои

между национальными гвардейцами и противниками навязываемого силой нового режима. Когда все чаще случались кровавые теракты и диверсии. Когда участились устрашающие бомбардировки городов и сел «неизвестно чьей» авиацией. Когда по ночам в дома врываются «неустановленные лица» в масках и издевались над жителями, требуя денег и драгоценностей, которых у них, конечно же, не было в годы безработицы, невыплат пенсий и заработанных денег. Когда похищение людей и захват заложников стали доходным бизнесом. Когда текло время бесшабашных распушенных людишек без Бога в голове...

Все это очень злило и раздражало Румана. Выведенный из себя выходками этих необузданных балбесов, он часто ругался с ними. Стыдил их. Читал им нравоучения. Взывал к их совести. Но все было напрасно: он больше сам страдал от всего этого – терял покой, повышалось давление, ныло от бессилия и переживаний сердце. И роман в конце концов махал на все рукой, все сильнее убеждаясь в том, что горбатого только могила исправит.

Все эти годы Руман мечтал о своем доме – тихом оазисе в клочковатом городе. Его мечта начала было осуществляться, когда неожиданно ему удалось купить клочок земли с небольшим саманным домиком, однако начавшаяся вскоре война перечеркнула все его планы и похоронила все его надежды...

В дни войны, отсидев месяц-другой беженцем у родственников в селе, Руман вернулся при первом же затишье в боевых действиях в город. Он нашел свой домик почти полностью разрушенным, как и многие другие вокруг. Видимо, боевики превратили его в свою очередную огневую точку при отступлении – окна были заложены кирпичами с узкими раструбами – бойницами между ними. И, конечно же, выкуривая боевиков, его разрушили ударами ракет с вертолетов...

Думая о своем будущем доме, который он все-таки выстроит, в дни войны от нечего делать, Руман, вооружившись железным топориком и тесаком, начал в минуты затишья между бомбардировками, обстрелами и перестрелками собирать кирпичи на руинах разрушенных домов. И собирать было где – почти весь город лежал в развалинах, что твой Сталинград в Великую Отечественную...

Когда завершилась война и начали выдавать нищенские компенсации за разрушенное жилье и утраченное имущество, Руман с превеликим трудом получил эту подачку. Каких унижений, оскорблений, споров, мытарств и нервов стоили ему эти хождения по мукам – он не любит вспоминать. Но он никак не может и забыть, какие издевательства терпеть, какие препятствия преодолевать, сколько слез проливать и нервов тратить, на какие ухищрения идти приходилось людям, чтобы получить эти мизерные выплаты. Не сравнимые со всем тем, что им пришлось вынести, пережить и утратить в дни военного лихолетья...

Руман был человеком упрямым. Кирпич к кирпичу, ряд за рядом – возвел он таки дом. Сделал в нем все необходимое и вселился. Ни наглядеться на него, ни нарадоваться им не мог он долго-долго. Главным же его приобретением была тишина, Он будто очутился в селе: деревья заглядывают в окна, лужайки зеленеют, птички трели слышатся по утрам... Это было именно то, что он искал, чего ему не хватало всегда, о чем мечтал многие годы...

Старшая дочь Румана, любительница разводить цветы, вместе с матерью привели в порядок небольшой палисадник перед домом, высадив в нем различные саженцы, кусты роз разных расцветок, множество раннего и позднего цветения цветов. И первыми из них ранней весной расцвели ярко-красные тюльпаны, которые особенно нравились дочери и матери. Еще сильнее они полюбили тюльпаны, когда услышали легенду о рождении этих красавиц природой, написанную мной, другом Румана, по народным мотивам.

...Было это в давние времена, еще до вторжения монголов на Кавказ. Жил в одном из горных сел Нохчмохка - земли чеченской юноша. И был он единственным сыном вдовы. И был он стройным и статным, ловким и храбрым. И был у него конь, понимающий душу хозяина. И был он подарен ему в детстве отцом, погибшем в бою с врагами. И звали этого парня Зами.

Жила в том же селе девушка. И была она стройна, как молодой тополек, гибка, как верба, легка, как косуля, красива, как цветок. Таких немало рождается в Нохчмохке - земле чеченской. И звали ее чудно Алцена. Именем этим нарек ее отец - народный сказитель.

И любили они друг друга. Да так крепко, что дня не могли прожить без встречи у родника, где часто одни взгляды говорят о любви, а слова оказываются не нужными.

И поженились они, и жили счастливо, растя двух сыновей. Жили до того дня, когда на землю Нохчмохка не вторглись орды монголов. Вместе со всеми мужчинами пошел защищать горы и долины Нохчмохка - земли чеченской и Зами. И сказала мать единственному сыну: «Я вырастила тебя для народа чеченского. И отдаю ему. И прокляну свою грудь, которым вскормила тебя, если ты струсил в бою».

И пошла с любимым на войну верная Алцена, одевшись во все мужское, как древние воительницы-амазонки, о которых много слышала от отца - народного сказителя. Сказала она мужу: «Я дала клятву, что буду всегда идти за тобой, как нитка за иголкой. Потому что так люблю тебя что даже минутная разлука с тобой невыносима для меня!»

Храбро сражался Зами, много врагов уложил он на поле брани. Но и сам пал, не успев заслониться щитом от тучи стрел. Увидела это Алцена и еще яростнее стала разить врагов своим мечом. Но и она не убереглась от губительских стрел. И упала замертво рядом с мужем - самым любимым и дорогим ей человеком. И струйки крови их стекали, смешиваясь, на Землю. Они образовали вокруг их тел пять маленьких лужиц.

Новой весной проросли на этом месте цветы с красивыми бутонами из пяти лепестков на крепких зеленых стеблях с красными выпуклыми, невиданные ранее в Нохчмохке - земле чеченской. И называли люди этот цветок, недолго думая, Алцензамом - тюльпаном - по имени Алцены и Зами. И стал он считаться символом красоты, любви и верности.

...Дети и подростки, проходящие по улице мимо, то ли назло хозяевам, то ли из зависти, то ли из озорства, всегда грубо срывали эти цветы, особенно - ранние тюльпаны, не давая даже им полностью раскрыться. И тут же, безжалостно сорвав лепестки, разломав стебли, выбрасывали, убивая невинную красоту. Эти лепестки потом долго адели в грязи или в пыли, как сгустки крови, а из стеблей стекал сок, как светлые слезы. Все это очень огорчало и злило всегда дочь Румана. Да и его самого тоже.

Так же случилось и в тот злополучный день. У Румана по работе неожиданно выдался отгул и он находился дома. Один. Потому, раздевшись до пояса, расслабившись, он лежал на диване, читая книгу. Вдруг он услышал какую-то возню в палисаднике. Выглянув в окно, увидел идущих мимо девчушек, которые свернув, стали рвать только что распустившиеся тюльпаны. Руман, постучав по стеклу, спугнул их, быстро оделся и, выскочив на улицу, успел увидеть побежавших в разные стороны девочек - малышек. И зло на всех маленьких сорванцов, копившееся долгое время, словно прорвало вдруг плотину терпения его и будто какой-то дьявол гнева вселился в него. Он вышел на перекресток и стал бросать камешки вслед убегающим озорницам. Правда, так, чтобы они не долетали до них, а только пугали их. Потом, науськиваемый иблисом, он побежал за девчушками. Одна из них, видимо, не в силах бежать дальше, забежала за высокую траву и присела, по детской наивности думая, что спряталась от преследователя. Но он все видел. Руман взял в руки камень и, угрожая им, пошел в ее сторону и она сама вышла к

нему, загипнотизированная страхом, словно кролик под взглядом удава. Руман, выбросив камень, взял плачущую девочку за руку, чтоб не вырвалась, и сказал:

– Пошли к вам домой. Я хочу, чтобы ваши родители наказали вас за уничтоженные цветы...

– Мы не рвали ваши цветы. Это сделала наша подружка, живущая с нами в одном доме, – пролепетала девчушка сквозь слезы. – Она убежала в другую сторону...

– Ну, тогда веди меня к ней...

Другая девушка, остававшаяся чуть поодаль от них, подбежала к ним, истерично рыдая, стала умолять:

– Отпустите мою сестру! Мы не виноваты!

Но Руман не слушал ее. Бес, вселившийся в него, лишил его разума на какое-то время. И он сам не мог понять, как он, человек, всегда любивший детей, опустился до несообразного с их поступком наказания этих созданий. Не задумывался над этим. Не слышал самого себя. Не контролировал себя. Был глух к слезам и мольбам сестер. Он вышел из себя, что с ним бывало очень редко. В одно мгновение из него вырвалось наружу все плохое, злое, что, оказывается, копилось в нем годами подспудно, в противовес его доброте, чтобы в один миг перечеркнуть все хорошее, что он сотворил за долгую жизнь. И получалось, что вся его доброта – это не более, чем маска, притворство, показуха. Иначе не мог же он измениться быстро, в одночасье так основательно...

Так с плачем под недоуменными взглядами встречных людей они прошли несколько кварталов и дошли до дома, в котором жили девчушки. Так же, не выпуская руку девочки, они поднялись на этаж, на котором жила ее подружка, виновница всего. На стук в дверь вышла постаревшая раньше времени от пережитого в годы войны женщина – мать юной проказницы, спрятавшейся где-то. Руман высказал ей все свое возмущение поступком ее дочери и пригрозил, что взыщет с нее через мировых судей за нанесенный ущерб. Сказал для острастки, хотя вовсе и не собирался делать этого.

Только после этого Руман отпустил руку девчушки и с чувством исполненного долга спокойно вернулся домой и снова улегся на свой диван. Но не прошло и двадцати минут, как его покой был нарушен требовательным стуком в калитку. Он по привычке быстро вышел и, открыв калитку, увидел женщину невысокого роста, в простом, но опрятном платье, с проседью в волосах и с усталостью в глазах. За руку она держала заплаканную девочку, которую так жестоко наказывал Руман, – свою дочурку. Женщина окинула Румана презрительным взглядом и сказала с глубоким укором:

– Не стыдно вам, старому человеку, так грубо пугать маленьких детей из-за каких-то цветов, которых они даже не срывали? Да и не могли они сделать плохое. Я всегда учу их доброте, запрещаю им трогать чужое, хотя одна воспитываю дочерей без отца, погибшего при взрыве снаряда в нашем дворе. Но они еще маленькие и забываются, поддаются чужому влиянию.

Руман молчал, хотя чувство своей правоты не покидало все еще его.

– Ваше счастье, что с девочкой не случилось беды - у нее большое сердце и ей скоро предстоит поездка в Москву на операцию. Если же до этого, не дай Аллах, случится что-нибудь, я подам на вас в суд, - продолжала женщина. – Молите Бога...

– Ну и подавайте в суд. Хоть в Страсбургский, – оборвал Руман женщину на полуслове и быстро закрыл калитку, чтобы не видеть заплаканное лицо девчушки и укоряющее покачивание головы матери. Он все еще не осознал всей жестокости своего поступка, не раскаялся в нем и не извинился перед ними.

Раскаяние же и осознание всей тяжести, глупости и бессмысленности содеянного им пришло к Руману вдруг, неожиданно, много дней спустя, И он подумал вдруг с ужасом: «А что, если бы своей жестокостью он убил эту девчушку, не зная, что у нее

больное сердце, и его действительно судили бы за непредумышленное убийство? Как бы он после этого смотрел в глаза друзьям, товарищам, родным людям, своим детям, наконец? С каким удовольствием и страстным пафосом прокурор рисовал бы его портрет - душегуба и детоненавистника, убийцы невинных ангелов, маскировавшегося под саму доброту и благородство.

Но никакой приговор суда не был бы для Румана суровее, чем тот, который он вынес себе сам – вечное презрение к себе, угрызения совести, ежедневный поиск оправдания, чтоб иметь право открыто глядеть в глаза людям, особенно – в прощающие глаза той усталой и скромной женщины -матери девочек. Руман казнил и презирал себя. Он подспудно, сам того не осознавая, все время думал о своем минутном помещательстве, ежедневно судил себя за свою дурь и искал оправдание своему непонятному поступку. Он боялся смотреть в глаза людям, как будто все они знали о содеянном им и осуждали его.

С того момента он, очень любящий детей добрейшей души человек, в каждой молитве своей просил Аллаха уберечь этих девчушек от бед. Молил о даровании им здоровья и благополучия. И каждый день собирался пойти к ним извиниться и попросить прощения. И каждый раз не решался сделать первый шаг, боясь их укоряющих взглядов...

...А с девочками этими, к счастью, ничего плохого не случилось. Они подросли, пошли в школу и учатся хорошо. Они превратились из неуклюжих золушек в стройных юных принцесс. Красивых, как тюльпаны, которых они возненавидели на всю жизнь.

На радость Роману.

И назло ему.

Священник

Удивительные встречи, в правдивость которых трудно поверить и которые круто порой меняют судьбу, случаются с людьми на жизненном пути. В самом непредвиденном месте, в самое неожиданное время, с самым необычным человеком, чаще всего незнакомым. Об одной такой встрече, перевернувшей всю его жизнь, мне рассказал недавно седой, но крепкий еще старик-чеченец Мухадди из Шуна-юрта, когда я собирал материалы для очерка о нем – знатном труженике села.

«Наше село, расположенное на берегах маленькой речушки, было небольшое, но очень красивое. Аккуратно побеленные невысокие дома, ухоженные дворики, огороженные плетеными изгородями, огороды с высокими стеблями кукурузы. Сапетки с золотистыми початками прошлогоднего урожая, уже полупустые. Длинные, толстые плети тыкв с ярко-желтыми цветами и огромными зелеными листьями. Сады, бурно цветущие весной и обильно плодоносящие осенью. Стадо, по утрам уходящее к недалекому лесу и возвращающееся вечером – каждое животное безошибочно именно в свое подворье, как бы далеко оно не располагалось. Я не помню ни одного случая, чтобы какая-нибудь из буренок или овец ошиблись и завернули в чужой двор. Да и другие вряд ли помнят – не было такого в нашем селе.

Улицы наши были обсажены деревьями и кустарниками и зеленели от самой ранней весны до поздней осени, когда листья желтели и опадали полностью только с первым снегом. Они покрывались грязью весной и осенью, пылью – летом, снегом – зимой. По ним мы, дети, скакали летом на прутиках-лошадках, поднимая пыль столбом босыми ногами, зимой катались на диковинных чеченских салазках и деревянных саньках, полозья которых были обиты жостью. На этих же улочках играли в лапту, в альчики и прятки. А ночами, собираясь вместе, испытывали друг друга на храбрость: один уходил в полной темноте на недалекое кладбище, оставлял там у какой-нибудь условленной могилы шапку, а другой должен был пойти туда и принести. Это испытание должны были пройти все. Отказываться не позволяла гордость – каждый знал, что его назовут трусом и оскорбительная кличка эта будет преследовать его всю жизнь, какие бы подвиги он не совершил позже. Одним словом, время проводили, как все чеченские сельские дети в те далекие годы, – как умели, насколько хватало нашей фантазии.

Мне было шесть лет, когда началась война с Гитлером, как тогда говорили. Я узнал об этом, когда отец засобирался на фронт. От него услышал я впервые и слово «доброволец», хотя и не понял его смысла. Узнал я так же, что это опасно по плачу матери и словам отца, которые он сказал без патетики героев из народных преданий и героических илли, а просто:

– На войну добровольцами идут сегодня все мои товарищи, и мне стыдно одному оставаться дома. Что они могут подумать обо мне?

– А как же мы? – сквозь слезы спросила мать. – Что будет со мной и с твоим единственным сыном, в случае чего?

– Вас я отдаю в руки Аллаха с уверенностью, что Он не оставит в беде и позаботится о вас.

И он ушел на войну по зову сердца вместе с десятью товарищами своих детских игр. С фронта он писал нам письма каждый месяц – родители мои были грамотными людьми. Они познакомились на занятиях в пункте по ликвидации безграмотности и умели

читать и писать по-чеченски и по-русски. Научили их этому чеченские и русские учителя, приехавшие к нам в село из города на Сунже по программе «Долой неграмотность». По его письмам мы судили, что Аллах бережет отца на войне. Очередное письмо мы получили в феврале сорок четвертого – за несколько дней до жестокого выселения чеченцев из родных мест – земли отцов.

Случилось так, что моя мама, не ожидая ничего плохого, в один из февральских дней поехала в районный центр на базар продавать фасоль и тыквы, выращенные ею в нашем огороде. И я увязался за ней – хотел увидеть новые места, узнать, что такое базар. Любопытным был я, как и все дети.

Пока мы продавали свой незатейливый товар, наступил вечер. О возвращении домой не могло быть речи – в дороге нас застала бы ночь, особенно темная и ранняя в горах. Мы заночевали у маминой знакомой, ее подруги по ликпункту, нашей односельчанки, вышедшей замуж за жителя райцентра. Я, уставший за день, поужинав, быстро заснул.

Разбудили нас солдаты, ворвавшиеся утром, еще затемна, в дом. Они грубо вытолкали нас на улицу. Было еще темно, холодно, сыро – падал снег, смешанный с дождем. Под ногами – грязь и лужи. Плакали дети. Стонали больные, которых даже неходячих, тоже бесцеремонно и грубо выбрасывали на улицу. Сустились, собирая узелки, женщины. Беспомощно молчали мужчины. Солдаты говорили ничего не понимающим людям:

– Вы выселяетесь как враги народа и пособники бандитов! На сборы дается всем полчаса! Поторапливайтесь – время идет быстро! Транспорт ждать не будет!

– Нам надо домой. Мы живем там. Нам надо...– говорила мама солдатам, показывая рукой в сторону нашего села и пытаясь объяснить, что мы случайно оказались здесь. Но солдаты не обращали на нее никакого внимания. Только один из них сердобольно сказал:

– Теперь вы будете жить в другом селе, если вас доведут. Теперь у вас будет другой дом, если доедете живыми. А сейчас живее – к машинам.

Нас погрузили со всем нашим скудным скарбом знакомой матери на высокие большие машины, которые я видел впервые, подвезли к шумному месту, где стояли длинные ряды деревянных домиков на больших колесах. Там столпилось огромное количество людей. Их без разбору стали сажать в эти деревянные домики, которых знающие люди называли вагонами и эшелонами. В суматохе посадки мы разминулись с семьей нашей односельчанки и попали в вагон с совершенно незнакомыми людьми из разных сел.

Теснота была ужасная. И в этой тесноте мы ехали, часто и надолго останавливаясь в пути, почти месяц до далеких неведомых мест. Кормили в дороге плохо, редко и несытно. Все время хотелось есть. Видя наше положение, людей, оторванных от родных и близких, незнакомые сердобольные пассажиры выделяли и нам кусочки из своей скромной, нехитрой, бедной пищи. В центре вагона стояла железная печка. Вокруг нее на полу сидели старики и больные. Молодые люди и дети размещались на деревянных нарах в два яруса. Ночью одни, лежа в повалку, другие, сидя притулившись к соседу или к стене, забывались тяжелым, чутким и коротким сном. Они просыпались каждый раз, когда, трогаясь, грубо дергался поезд, и каждый раз, когда он резко тормозил, скрежеща колесами. Все люди падали то назад, то вперед, больно давя на соседей, а с нар – на сидящих внизу, чудом не нанося увечья друг другу.

После многочисленных мытарств нас наконец-то довели до какого-то хуторка в десять-пятнадцать дворов в продуваемой ветрами голой степи – ни деревца, ни кустика, ни травы. Нас с матерью поселили с двумя другими семьями в небольшом глинобитном

доме с плоской глиняной крышей – в трех маленьких комнатках. Больше в доме и не было. И в других домах – тоже. На второй день мы узнали, что это киргизский аул – центральная усадьба колхоза со странным именем «Сыгызынчи март». Позже мы узнали, что это – «Восьмое марта» по- киргизски. Недалеко виднелись незнакомые горы.

Там жить нам стало совсем худо – ни работы, ни помощи. Запасы, взятые из дома, как ни экономили их, закончились и люди, чтоб не умереть с голода меняли свои немногие драгоценности и ковры на еду: ковры – на четверть пуда зерна, золотые серьги – на три-четыре килограмма муки, кольца – на буханку-другую черного хлеба. Но на много ли могло их хватить? От недоедания моя мама вскоре слегла, но помочь ей было некому – на хуторе не было ни медпункта, ни врача. Старики-киргизы сказали, что у нее болезнь живота. Она мучилась недолго и умерла тихо, как и жила. Ее похоронили быстро, чтоб не успели заразиться другие жители.

И остался я один, и не было никому до меня никакого дела. И было мне одиннадцать лет от роду. И пошел я, не удерживаемый никем, куда глаза глядят, став беспризорником и бродягой. И испил я чашу сиротства до дна за время скитаний. А отец мой в это время воевал за свободу страны, которая так жестоко обошлась с его маленькой семьей.

Ходил я от хутора к хутору, от села к селу. Где-то попрошайничал, стараясь не попадаться на глаза людям в синей одежде и с фуражками с красным кругом над козырьком – милиционерам. Где-то воровал по мелочи, чтобы не умереть с голоду. Ночевал где придется – стояло теплое лето. Не даром же говорится: летом каждый кустик ночевать пустит. Был я чумазым, неухоженным, оборванным, босым, неприкаянным. Одно слово – бродяга.

Как не берегся, я все же однажды попался на глаза милиционеру – он, оказывается, незаметно подошел ко мне ранним утром, когда я спал на скамейке в каком-то садике в центре большого села. Он сначала привел меня к дому, на котором было написано «милиция» – до выселения я окончил два класса и умел складывать из букв слова, а сносно говорить по-русски я научился в своих скитаниях. Там милиционер что-то долго писал в обычной ученической тетради, спрашивая меня – кто, откуда, куда. После этого он отвел меня, крепко держа за руку, чтоб не сбежал, в самый большой дом села.. Там было очень много детей моего возраста, младше и старше меня.

– Это – детский дом, - объяснил мне милиционер – теперь ты будешь в нем жить среди этих детей.

Потом, все так же держа за руку, он завел меня в комнату, на двери которой я прочитал одно слово – «Директор». В ней за столом сидела седая, как моя бабушка, женщина, очень строгая на вид.

– Вот. Привел к вам беспризорника. Нашел его в нашем сельском саду, где он ночевал на скамейке, - сказал милиционер, обращаясь к женщине.– Говорит, что чеченец, что мать умерла, что отец – был на фронте, что не знает, где родственники, – их выселяли из разных мест.

– Ах, беда то какая. Как много развелось этих горемык-сирот после войны, которая длилась так долго и жестоко, и переселения народов, - сказала женщина со вздохом. – Ах, война, война... - повторила она и продолжила: - Подождите минутку, я – мигом, - и вышла. Вернулась, ведя с собой пожилую женщину с добрым, как у моей другой бабушки, лицом, представила нам ее и сказала ей. – Вот, Галина Ивановна, еще один сиротинушка. Возьмите его в свою вторую группу, приведите в божеский вид и замените ему мать.

Галина Ивановна отвела меня в большую комнату, в которой стояли детские деревянные топчаны на невысоких ножках крест-накрест. В эту ночь, хотя и кровать была

жесткой, и матрац с подушкой, набитые соломой, были грубыми, и байковое одеяльце было тонким, я впервые заснул в нормальной постели – сразу после войны не до шика еще было: трудная была жизнь, нищенская, полуголодная. Плохо было всем, но особенно нам - детям...

В детском доме прожил я полгода. Там познакомился я с ровесниками своими – с немецким мальчиком Дитрихом, русским – Женькой, калмыком – Эрднеем, курдом – Мамедом. Стал учиться в школе.

Я бы пожил в детском доме еще, если бы не издевательства ребят из старших групп над маленькими бедолагами. Они не давали нам нормально спать по ночам, придумывая разные пытки. Только заснешь, бывало, они отбрасывали с наших ног одеяльца, вставляли между пальцев кусочки бумаги и поджигали. От боли, еще не проснувшись, ты начинал бешено сучить ногами, а просыпаясь, садился в постели, обхватив болящую ногу обеими ногами. На обожженных пальцах вздувались волдыри и трудно становилось ходить. Это называлось прокатить на велосипеде. Или во время сна озорники пинками подламывали стойки наших деревянных топчанов со стороны изголовья. Она падала с громким стуком и очередная жертва, соскальзывая вниз, больно ударялась головой об деревянный пол. Мальчик вскакивал, спросонья ничего не понимая, и его тут же валили с ног ударом по голове жесткой соломенной подушкой. Кому – слезы, кому – развлечение и смех. Выдумкам их не было конца, сказано ведь – голь на выдумки хитра. Жаловаться было себе же хуже: жалобщиков награждали уничижительной кличкой – ябеда или доносчик и делали ночью темную: незаметно подкравшись сзади, набрасывали на голову одеяло или ватную фуфайку, чтоб ты не мог видеть, валили с ног и избивали группой, не разбираясь, куда бьют.

Но это было детской шалостью по сравнению с издевательствами над беззащитными детьми старшей воспитательницей детского дома Людмилы Васильевны. Никогда не забуду ее имени-отчества, хотя даже произносить их мне и сегодня противно. Она была очень грубой и жестокой женщиной - садисткой. За каждую, даже небольшую провинность, непослушание, проявление характера, нарушение строжайшей дисциплины она избивала детей без разбору своей не по-женски твердой и сильной рукой или толстым прутиком, который всегда носила с собой. Унижала и оскорбляла всех. Особенно почему-то она возненавидела нас, сирот спецпереселенцев, как называли людей, изгнанных из родных мест. Знала, что мы бесправны, что защитить нас некому. Доставалось от нее и нашим воспитательницам за человеческое отношение к нам.

– Что вы нянчитесь с этим бандитским отродьем - с отпрысками предателей? Их отцы дома ударами в спину убивали наших красноармейцев, не на живот, а на смерть сражавшихся с ненавистными фашистами. Они убили предательски и моего брата! – кричала она часто на воспитательниц, в основном, - пожилых женщин. Их вопросы:

– А дети тут причем?

– Дети-то в чем виноваты? – Людмилу Васильевну только еще сильнее выводили из себя. Ее голос срывался на крик:

– Их надо не ласкать, а драть, как сидоровых коз! Другого языка они не понимают! Если вы не знаете, как это делается, я научу вас! Если не хотите делать это, я заставлю вас! Или уволю всех к чертовой матери!

И это все говорилось так, чтобы слышали все маленькие детдомовцы, выстроенные по пионерским и октябрятским отрядам и дружинам на нашей большой площади, где по утрам мы все делали физзарядку, а днем затевали разные игры – ручеек, лапта, пятнашки, бег на перегонки. И не было на эту женщину никакой управы. Даже директор побаивалась ее – Людмила Васильевна была женой коменданта района.

Однажды нашему терпению пришел конец и мы, пятеро друзей, решили бежать из детского дома. Бежать в никуда – ни у кого из нас не было ни кола, ни двора, ни родителей, а родственники находились неизвестно где. С нами бежал и наш русский друг Женька. Он был умным, самостоятельным, шаловливым и гордым мальчиком – мы не по годам быстро выросли в то время послевоенного лихолетья. И даже русскому Женьке доставалось частенько на орехи от Людмилы Васильевны за его безобидные проделки и шалости.

Мы бежали ночью, когда все вокруг уснуло крепким сном, когда утихомирились, насладившись страданиями маленьких, даже старшие изверги. Шли мы быстро, чтобы утром, когда хватятся нас, быть как можно дальше от села и на время спрятаться в горах. Там на отгонных пастбищах, называемых джайляу, круглый год жили киргизы-пастухи с семьями. Они были бесхитростными, добродушными, спокойными, гостеприимными. Они радостно принимали нас всегда, когда мы совершали летом походы в горы и угощали щедро домашними лепешками, овечьим сыром, поили молоком и вкусным айраном, давали нам в дорогу круглые комочки курта – сушеного овечьего сыра. Их можно было долго сосать и облизывать в пути, утоляя голод – они были очень вкусными и питательными.

Мы провели в юртах этих добрых людей два-три дня, и двинулись дальше. Шли мы, в основном ночами, днем прячась в зарослях арчи (*), бурно росшей тут на склонах гор и в саях (**) рек.

Вскоре мы вышли на огни первого хутора. Там, попрошайничая, мы собрали кусочки лепешек, сыра, сахара. А фрукты, с опасностью быть жестоко наказанными, воровали в колхозных садах. Так, идя от села к селу, мы в конце концов добрались до большого города, где проходили поезда – мы слышали их гудки и свистки.

В этом городе Женька сказал нам:

– Мои родители были учителями, направленными в село, откуда мы бежали, после окончания педагогического училища в Астрахани. Они были тут в округе единственными русскими, Я родился уже здесь. Мне было три года, когда ночью выстрелом в окно в спину убили моего отца, сидевшего за столом, проверяя тетради киргизских детей. «Его убил сын бывшего басмача, мстя за отца, расстрелянного красноармейцами-русскими. Ему все равно было, кого убивать, лишь бы он был русский», – говорила мне мама, которая тоже умерла через год после отца в больнице – в ней не нашлось нужных лекарств.

– В Астрахани у тебя есть дяди и тети – братья и сестры мои и твоего отца, – говорила мне мама. – Там же в городке Ахтуба живут твои дедушки и бабушки – родители мои и твоего отца. Они знают о тебе – мы им писали. Подрастешь – найди их. Обязательно. Теперь я знаю, где эти города и хочу добраться до них. Может, вместе поедem? Там вам будет лучше, чем тут...

– Нет, – сказали мы в один голос, – у нас же там нет родственников, как у тебя, Женька. Кому мы там будем нужны? Наш дом теперь там, где застанет ночь и где остановится поезд.

– Ладно. Тогда прощайте. Помните меня. И я вас буду помнить, – сказал Женька и в ту же ночь уехал, напросившись жалостливым голосом в помощники к старому машинисту грузового поезда. Уехал в ту сторону, где по его предположению должны были находиться Астрахань и Ахтуба. Мы же, спрятавшись заранее среди тюков и ящиков в грузовом вагоне, поехали в другую сторону. И сами не знали куда – просто мы не жили долго в одном месте и чтобы не примелькаться, часто попадая в глаза милиции...

На этот раз ехали долго. Хорошо, что было лето и мы не замерзали даже в открытых вагонах, садясь или ложась впритык к первой по движению стенке их или

закрывая щели, чем попало. После остановки поезда мы, озираясь по сторонам, осторожно вылезали из укрытия и по одному шли в город попрошайничать, договорившись, где встретимся вечером. Но вечером в условленное место в этот раз пришел из моей компании только Эрдней – мальчик осторожный, сметливый и находчивый. Дитриха и Мамеда мы так и не дождались. «Наверно, они задержаны милиционерами», – решили мы – уж очень заметны были они в этом сибирском городе: Дитрих с белесыми, как у всех немцев, волосами, светло-голубыми глазами и грубоватыми чертами лица и Мамед – с темной шевелюрой, густыми черными бровями, большими карими глазами и смуглым цветом лица. Задержание их означало, что они будут возвращены в тот же детский дом и очень сурово наказаны за побег. Так всегда делали в те безжалостные годы. Я сам видел такое не раз.

В ту же ночь мы с Эрднеем двинулись дальше, спрятавшись в пустом вагоне, и доехали до другого сибирского города. Там тоже мы пошли просить милостыню. Вечером, возвращаясь к месту встречи, у одного из магазинов я вдруг услышал крики «Держите вору!» и увидел Эрднея, окруженного пьяными, обросшими, озлобленными людьми, жаждущими крови. «Он украл круг колбасы, вору!» Да и ненашенский он – пришлый! Бей его!» - кричала толпа и стали яростно избивать мальчишку, сбив его с ног. Никто и слышать не хотел его недетский крик: «Не воровал я! Я только посмотреть хотел, что это такое, так вкусно пахнущее». Голос его звучал все тише и вскоре он затих совсем. И тогда только разошлись люди, довольные тем, что сделали – слишком жестокими, злыми и бездушными все они были в те послевоенные годы...

Я остался снова один-одинешенек. Продолжая свое путешествие я в конце концов попал в город Находка. Что он так называется, я прочел на одноэтажном здании вокзала. Поезда дальше не шли. Почему, я узнал позже, когда обошел почти весь город, прося милостыню – дальше ни ехать, ни идти было некуда: здесь кончалась земля и до самого горизонта разливалась вода. И, главное, тут никто не обращал на меня никакого внимания – не до меня людям было.

Я был очень голоден и, до полудня собрав около трех рублей мелочью, зашел в маленькую столовую и, сев за стол, отдал женщине, разносящей еду, все свои с трудом собранные деньги. Она, жалостливо посмотрев на меня, чумазого, растрепанного, одетого в обноски, принесла три ломтика черного хлеба и стакан сладкого чая.

Едва я откусил кусочек от черного хлеба и сделал маленький глоток чая, как в столовую зашел высокого роста мужчина с редкими для этих мест черными волосами, ниспадающими на плечи, с темно коричневой с проседью бородой, с густыми бровями в длинной, до самого пола, черной одежде, какую носили попы или монахи в кино, которое нам показывали раз или два в неделю в детском доме. Оглядев весь зал, он выбрал почему-то стол, за которым сидел я, хотя других, пустых, было несколько в столовой. Он сел напротив меня, подозвал женщину, разносящую еду, тихо поговорил с ней и она принесла попу, как я сразу прозвал его, такую еду, которую я не видел никогда в жизни. От одного вида ее и запахов у меня закружилась голова и потекли предательские слюни.

Увидев мои жалкие ломтики и стакан чая, поп подвинул ко мне тарелку с кусочками мяса и картофельной кашей и сказал просто:

- Кушай, отрок. Ишь, оголодал-то как, - кожа да кости. И тонкий, аки тростинка. Ветерок дунет – унесет, как пушинку. В чем душа только держится, прости Господи...

Кушая, он все время исподлобья поглядывал на меня. И в конце обеда, попивая чай, он вдруг сказал на чеченском языке:

– По характерным чертам лица вижу, что ты с Кавказа. И, по-моему, чеченец. Я не ошибаюсь?

От неожиданности и удивления я растерялся и потерял дар речи – здесь, на краю земли, за десятки тысяч километров от Кавказа, у черта на куличках и вдруг – чеченская речь. «Не сон ли мне снится? – подумал я. – Не призрак ли сидит передо мной? Откуда этот русский поп знает чеченский язык? – Роились мы в моей голове. – Может, я ослышался?»

Но, когда он по-чеченски повторил свой вопрос, я, с трудом придя в себя, ответил:

– Нет, не ошибаетесь. Да, я – с Кавказа. Да, я – чеченец.

– Сюда-то как попал? – по-чеченски он говорил хорошо, хотя некоторые слова и буквы произносил, как русский, и с акцентом.

Я торопливо рассказал ему историю своей короткой сиротской жизни, о своих мытарствах и скитаниях, спеша высказаться и излить ему свою горемычную душу.

Он внимательно выслушал меня и сказал:

– О выселении чеченцев и других народов я слышал, но никогда не представлял себе, что проводилось оно такими варварскими, жестокими и бесчеловечными методами. – Он долго молчал, потупив взгляд, что-то шептал и крестился. Я разобрал только слова: «Спаси, Господи, невинные души...»

Понемногу я пришел в себя, поверил в правдивость происходящего и спросил.

– Ваши, (***) ты настоящий чеченец? Или выучил чеченский язык?

– Конечно, настоящий чеченец. Дурень, кто бы меня тут научил чеченскому языку, когда на тысячи километров вокруг и духом чеченским не пахнет.

– А как же ты – чеченец, и вдруг – русский поп?

– Ну, это – длинная история. Ее я расскажу тебе дома, вечером. А сейчас мы поедем ко мне домой. Я живу в городке Большой Камень под Владивостоком в часе езды отсюда. А здесь у меня приход, где я провожу службу. Отдохнешь в моей семье денек-другой, отойдешь немного, а там решим, что делать дальше. Вставай и ступай за мной, агнец Божий, – перешел он снова на русский язык. – Как зовут-то тебя?

– Мухади.

– А мое чеченское имя – Минкаил. После крещения мне дали имя отец Михаил. Так меня и зовут мои прихожане и местные жители. Но ты меня так величать все равно не будешь. Так что зови меня Минкаилом.

Жена Минкаила – добродушная и приветливая русская женщина и дети – сын, чуть старше меня, и дочь, еще старше, встретили меня хорошо. Они перво-наперво выкупали меня, одели в чуть ношенное, обули, подстригли – и стал я похож на нормального человека. Вечером всей семьей поехали в Находку на службу Минкаила.

По возвращении домой, перед сном Минкаил рассказал мне удивительную историю своей жизни:

– Мои отец и мать, только-только поженившиеся, были высланы сюда в Сибирь вместе с десятью другими семьями из чеченского горного села в самом начале нашего века «за укрывательство разбойника-абрека Зелимхана Гушмазукаева». Так было написано в решении Начальника Терской области, выписку из которого я нашел, повзрослев, в архиве местного отделения царской охранки, надзиравшей за ссыльными. Все семьи были расселены в отдаленных друг от друга деревнях по одной в каждой, чтобы они не могли общаться между собой. Мои родители попали сюда, в поселок Большой Камень – в самое дальнее место Сибири. Здесь и родился я на второй год выселения родителей.

Из-за сырого климата, плохого питания и тоски по родине мать и отец мой – оба сразу – заболели болезнью кашлей.(****) Они были очень одиноки – местные люди чурались их. И только отец Никифор – священник церкви в соседнем поселке Находка, помогал им, чем мог, выделяя крохи из взносов немногочисленных прихожан-верующих.

Он был очень преданным делу, добрым и милосердным человеком и поступал всегда так, как велела ему совесть и его религия, которая учит: «Помоги страждущему и Господь воздаст тебе сторицей добром за добро».

Мне было три года, когда умер отец, и четыре – когда ушла в Праведный мир мама... Бездетный отец Никифор взял меня в свою семью, усыновил, дал мне свою фамилию, такую же, как и у чеченцев, – Исаев и отчество. Он научил меня азбуке, чтению Библии. Я закончил вместе со светской школой церковно-приходскую во Владивостоке, куда определил меня отец Никифор, готовя замену себе. Я практиковался в ведении службы и усвоил все тонкости богослужения – этого таинства общения с Богом. Память у меня была хорошая – цепкая, хваткая.

Чтобы совсем не забыть родной язык, которому учили меня родители в детстве, всегда разговаривая дома по-чеченски – русского языка они и не знали, – я все время повторял свой небогатый набор наших слов. Помог мне расширить его отец Никифор. Однажды, заболев, он поехал в санаторий в Пятигорск. На обратном пути, проезжая по Кавказу, он попал в Грозный, где на станции его поезд стоял более двух часов, ожидая встречный. Он вышел на привокзальную площадь, решив хотя бы мельком, увидеть город. Прогуливаясь по ней, он зашел в небольшой книжный магазин и купил для меня только что изданные латинской графикой русско-чеченский и чеченско-русский словари и разговорник. Пусть они были краткими, но для меня стали бесценным богатством. И мне легко было их читать, потому что латынь я знал хорошо – его мы изучали в церковно-приходской школе. По-чеченски я разговаривал сам с собой. Ты – первый чеченец, увиденный мной за сорок восемь лет жизни здесь, на краю земли...

Мне было уже около тридцати лет и я был женат на прихожанке – доброй, заботливой, хозяйственной русской сибирячке, когда умер отец Никифор. По его завещанию и по решению митрополита Владивостокского и архиепископа Владивостокской епархии я был назначен иереем Находкинской церкви, по-твоему – попом. И вот уже двадцать лет веду службу там. Сейчас я уже – протоиерей, а значит священник высшего чина. Ну, этого всего тебе не понять – маленький еще.

Как будто услышав мой немой вопрос, Минкаил добавил: «Нет, не тянуло меня на Кавказ, в Чечню – моя родина тут. Нет, не искал я родных – я не знаю о них ничего и не ведаю, кого и где искать. Может быть, родители и говорили мне о них, но что запомнишь в три-четыре года? А сейчас – уже поздно. Да и невозможно найти кого-нибудь среди людей, сосланных с родных мест и разбросанных на больших территориях. А если, паче чаяния, я и нашел бы кого из родных, то кому я был бы нужен – русский поп? Да и семью я не оставил бы и край, который стал мне родным. Да и чеченец я только по рождению, а воспитанию – я, считай, - русский.

Тебе же я желаю другой судьбы – возвращайся к чеченцам, ищи родных. Может быть, и отец вернулся с войны живым – Господь наш милостив к страдающим безвинно. Может, и он ищет тебя денно и нощно. Ты должен вырасти чеченцем. Тебе еще не поздно. Запомни – находит тот, кто ищет. А я помогу тебе в этом.

Я пожил в семье Минкаила несколько дней, а потом он подготовил меня в путь-дорогу. Приготовил еду на дорогу, одел меня тепло, зашил в подкладочку моего нового ватника большую пачку денег и вручил мне вот эту записку, которую я бережно храню до сих пор: «Всех добрых людей прошу от имени Господа Нашего помогать этому бедному сиротинушке в поисках родственников, которых он потерял при выселении чеченцев. Оба родителя его умерли уже на чужбине. Всемогущий Бог Наш воздаст вам за участие в беде этого страдальца. Настоятель Находкинского прихода Владивостокского храма отец Михаил».

Потом отвез меня в большой город. На шумном вокзале перед посадкой на поезд, на вагонах которого было большими буквами написано «Владивосток-Москва», Минкаил долго говорил с проводником, кивая на меня головой, посадил меня в вагон и сказал:

- Я договорился с проводником, что он будет оберегать тебя в дороге и помогать тебе покупать еду. Он обещал мне, что в целости довезет тебя до Алма-Аты, столицы Казахстана, через которую проходит этот поезд. Там проводник сменяется. В городе он отдаст тебя своему знакомому чеченцу, работающему там на станции, с просьбой помочь тебе. Слушайся его во всем – дорога долгая и всякое может случиться. Счастливого тебе пути, отрок, - сказал он по-русски и добавил по-чеченски:

- Некъ дика хуьлда хьан, жима къонах - нохчо! Везчу Дала г1о дойла хьуна гергарниш каро. Виц ма велахь со!..»

* Арча – туя по-киргизски

** Сай – долина по-киргизски

*** Воши – обращение чеченцев к старшим

«Ошибка вышла...»

Солдаты ворвались в квартиру в девятом часу хмурого пасмурного осеннего утра неожиданно, громко стуча тяжелыми армейскими ботинками. Они бесцеремонно вбежали в комнату, уставленную книжными полками от пола до потолка. Там в это время за письменным столом сидел, читая книгу, мой младший сын Марат. Он был студентом английского отделения факультета романно-германской филологии местного университета и готовился к предстоящим занятиям - они шли, невзирая на тревожное и беспокойное военное время. Хотя военных действий в городе уже не было, но мир еще прочно не установился и люди продолжали гибнуть от частых губительных обстрелов даже учебных заведений, в которых днем собиралось много юношей и девушек, тянущихся к знаниям. Занятия проходили в не отапливаемых холодных, полуразрушенных помещениях без дверей, с окнами, затянутыми полиэтиленовой пленкой. Студенты и школьники сидели на уроках и лекциях, зябко кутаясь в теплые плотные зимние одежды.

Влетев комнату, оттолкнув грубо нас, родителей, вышедших, услышав непонятный шум, навстречу солдатам, старший группы захвата рывкнул требовательно и грозно, обращаясь к Марату, сдабривая изощренным русским матом каждое слово:

- На пол! Лицом вниз! Руки - на затылок! Ноги - врозь! - ускорив падение растерянного, ничего не понимающего, удивленного происходящим подростка сильным тычком

приклада автомата в спину. Один из косынконосителей придавал Марата к полу, поставив на него свою тяжелую ногу. И - никакого объяснения своим действиям.

Мы, родители, стоя в коридорчике, вначале онемели от этого натиска и тревоги за сына, но через минуту я пришел в себя и сказал солдатам:

- Я отец этого мальчика. Он студент. Во время войны нас вообще не было в городе - мы находились беженцами вне республики. Вот-вот только вернулись. И я хочу знать, в чем дело?

Но мой вопрос остался гласом вопиющего в пустыне. Меня никто не слышал и не слушал, будто это говорил не сидящий мужчина, а жужжала назойливая муха.

Только некоторое время спустя, командир группы захвата, приподняв за волосы голову лежащего в неудобной позе, тяжело дыша, Марата, грубо спросил:

- Фамилия?

Марат назвал свою фамилию.

- Имя?

Сын назвал свое имя.

- Адрес?

Марат назвал свой адрес.

Получив ответы, командир группы захвата, заглянув в какую-то бумагу, процедил разочарованно и зло:

- Пошли, ребята! Оставьте его - ошибка вышла! Нам нужен другой!

Выбегая во двор квартала многоэтажных домов, старший группы захвата на бегу спросил у плачущей и тихо шепчущей молитвы матери подростка:

- Где живет такой-то?

И назвал фамилию юноши, живущего в соседнем доме, ровесника и товарища Марата. Женщина неопределенно мотнула без слов головой в сторону других домов, еще не придя в себя от растерянности и тревоги.

- Быстрее в другой дом, в другую квартиру, пока тот, кто нам нужен, не успел скрыться, увидев наше движение! – крикнул старший группы захвата.

- А что делать с тем волчком, которого мы остановили, идя сюда, и поставили к стенке гаража, лицом к ней с поднятыми руками и разведенными ногами, как всегда? – спросил командира один из косыночников.

- Ты, подойдя к нему, спроси имя, фамилию, адрес и, если они не совпадают с нашим списком, отпусти п-о-к-а. Скажи:

- Ошибка вышла...

Уходя, вояки не посчитали даже нужным ни объясниться, ни извиниться перед нами за ошибку.

- А если бы не «ошибка вышла...» - с ужасом подумал Адаш.

Паспорт

На блок- посту солдат долго смотрит то в паспорт, то на Зовр-Макана, солидного мужчину лет шестидесяти, сидящего в машине рядом с водителем.

Это было время, когда в Чечне, то усиливаясь, то затихая, гремели бои первой чеченской войны, прозванной во властных верхах операцией по восстановлению конституционного строя в мятежной республике.

Это было время, когда на каждом перекрестке стояли блок-посты, выраставшие, как грибы после дождя.

Это было время, когда переезд из села в село, из города в город, даже переход с улицы на улицу был затруднен ежеминутными придирчивыми, унижительными, грубыми, а временами и провоцирующими проверками на блок- постах. Бесцеремонным солдатам будто была поставлена задача любой ценой задерживать возможно большее число граждан, особенно - молодых людей. Даже при наличии паспорта и прописки всех

подозревали всегда в принадлежности к боевикам или в пособничестве им. При малейшем сомнении могли задержать без объяснения причины.

Придирались к любой мелочи. Подозрение вызывало даже то, что человек, особенно - юноша или подросток, приезжал в город с сельской пропиской или в село – с городской. На блок-постах или при зачистках терзали такого человека вопросами:

- Почему приехал в город? Что ты тут делаешь?»

Или:

- Почему находишься в селе? С какой целью?

Объяснить солдату, что приехал к родственникам, что ты беженец или что в городе находишься потому-то и потому-то, было очень трудно. Убедить же - еще сложнее. Если постовой не находил никаких причин придрачиться, он начинал при всех людях, особенно при девушках или друзьях-товарищах, задирать молодых чеченцев, всячески унижали и оскорбляли их, вызывая ответную реакцию. зная о горячем характере и обостренным чувстве достоинства и чести парней. И если они, хотя бы словом или жестом, проявляя недовольство, таких задерживали. Дальнейшую судьбу задержанных не взялся бы предсказать никто. Даже так называемые экстрасенсы и ясновидцы, которых во множество развелось повсюду после бесславной и скоропостижной кончины великой державы по имени Союз Советских Социалистических Республик.

Солдаты в Чечне только на словах и на блок-постах, с бетонными стенами и бронетехникой, казались такими бесстрашными суперменами. А на деле они были трусоваты, пугались всего и вся и в ночное время носа не высовывали за пределы толстых стен своих блок-постов. Они были, как пуганные вороны, которые даже кустов боятся.

Я не раз убеждался в этом. Вот только один курьезный случай, который произошел со мной однажды на дороге в соседнюю республику, куда я ехал к родственникам. Была пасмурная погода поздней осени. Небо покрывали низкие, тяжелые, угнетающие безысходностью черные тучи, набухшие влагой. Сырой воздух затруднял дыхание даже в салоне микроавтобуса. Вот-вот, казалось, хлынет дождь, тем более, что редкие крупные капли его уже постукивали шумно по крыше микроавтобуса. Поэтому я взял с собой в дорогу зонтик. и держал его завернутым в газету.

Как всегда, на мощном блок-посту на границе, целом бетонном военном городке шла долгая, нудная, раздражающая проверка транспорта и людей, паспорта которых пропускались через компьютер. Выстояв длинную двигающуюся черепаший шаг очередь, наша машина, наконец-то, подъехала к постовому вагончику и остановилась перед грозно закрытым тяжелым, черно-бело-полосатым шлагбаумом. Я сидел на первом сиденье прямо у двери, которую грубо открыл солдат и повелительным тоном бросил в салон зло:

- Паспорта на проверку!

Ни тебе - «здравствуйте»! Ни тебе – «пожалуйста!» Ничего не поделаешь – это они не проходили. это – им не задавали.

Я протянул ему паспорт. Солдат, забирая его, вдруг увидел в моих руках сверток, а в нем - кончик моего черного зонта, завернутого в белую газету. Вояка побелел от страха и, молниеносно отскочив от машины, спросил испуганно:

- Что это у тебя?

- Зонтик,- спокойно ответил я. - Дождь ведь собирается,

- А ну-ка, дай его сюда! - протянул он руку издали.

Я отдал ему сверток. Солдат, убедившись, что это действительно зонтик, облегченно вздохнул и сказал:

- Тебе он ни к чему, а мне пригодится.

Завладев трофеем и успокоившись, солдат смело и решительно шагнул снова к машине и продолжил проверку документов и ручной клади. Делал он это теперь особенно дотошно и тщательно.

Да трусоваты были эти напоказ brave вояки, о которых как будто сказано в мудрой пословице: молодец среди овец, а против молодца - сам овца

Это было время, когда без паспорта в стране нельзя было и шагу ступить. Никакой другой документ не принимался во внимание ни постовыми на блок-постах, ни патрулями.

Это было время, когда в ходу была пословица, рожденная жестокой войной: дома лучше забыть голову, чем паспорт.

Это было время, когда на каждое село в Чечне спускалась разрядка на задержание боевиков, как в тридцать седьмом-восьмом годах на арест и ликвидацию «врагов народа». А значит надо было задерживать людей, особенно молодых, любой ценой, не разбираясь-«боевик-небоевик». И командиры выполняли эти указания. Правда, не все.

У одного из горных сел длительное время стояло подразделение федеральных войск. Дислоцировалось оно в заброшенном полевом стане бывшего некогда колхоза недалеко от окраины села. Командир его, убедившись в миролюбивом и добродушном характере горцев, подружился с главой администрации села, часто бывал в гостях у него, принимал у себя сельчан, нередко раздавал им продукты, видя их тяжелое положение. И во всем советовался с Мехти – главой администрации.

Солдаты должны были через каждый день вечером выпускать по селу или по его окраинам энное количество снарядов. «Для остротки жителей», как говорило начальство. Командир подразделения майор Алексей Сахнов всячески старался уберечь село от разрушений, а жителей - от гибели. И всегда бил из артиллерии по дальним окраинам села, имитируя обстрел его. И людям не чинил особых препятствий на блок-посту. И в лес разрешал им ходить по своим делам.

Однажды после ночного обстрела утром к Сахнову пришли старики во главе с Мехти.
- Вы никогда не делали нам зла и мы любим и уважаем вас за это, - обиженно сказал от имени всех Мехти. - Но вчера вы все-таки ударили по селу, разрушив один дом, который, к счастью, еще не успели хозяева заселить....

- Но мы и вчера били по лесу далеко за окраиной села, - удивился майор. - Вот смотрите - куда, - показал он на карте лесной массив.

- Когда выпущены ваши карты?

- В тысяча девятьсот восьмидесятом.

-Э-э, майор, устарели ваши карты. Этого леса давно нет. За прошедшие пятнадцать лет наше село разрослось и на этом месте новая улица уже выросла.

- Но мы не знали этого. Приношу свои извинения перед вами, отцы. И обещаю силами своих солдат восстановить разрушенный дом. В моем подразделении есть мастера не только разрушать, но и строить.

После этого перед каждым стрельбищем Алексей Сахнов советовался с Мехти, куда стрелять, чтобы не слишком беспокоить, пугать и тревожить людей.

И не только в этом проявлялась человечность русского офицера, майора Сахнова. Раз поздно вечером, после отбоя, он неожиданно ввалился в дом друга. Мехти, всегда готовый к его поздним визитам, выставил на стол все самое лучшее съестное, что было у него в доме, но майор сказал торопливо:

- Спасибо, Мехти, но мне некогда засиживаться у тебя. У нас с тобой очень мало времени...

- Но у нас не положено...

- Знаю, знаю. У нас с тобой еще, надеюсь, будет время посидеть за дружеским столом. А сейчас слушай меня внимательно. Командующим объединенной группировкой войск всем подразделениям спущена разрядка на задержание такого-то количества боевиков в каждом горном населенном пункте Чечни. В вашем селе завтра во время «зачистки» я должен задержать двадцать человек. Боевики они, вернувшиеся к мирной жизни, или ни в чем не повинные молодые люди - все равно. Если же их задержать, то они автоматически становятся виновными и в фильтрационном пункте под пытками они признаются во всех преступлениях, которых и совершить-то не могли. Задержать их я буду обязан, потому что контролировать выполнение приказа будет офицер из Главного управления объединенных штабов. Чтоб я не взял лишний грех на душу, сделай так, чтобы завтра в селе не было ни одного молодого человека.. Пусть они на время в лес что ли уйдут, уедут в город, в равнинные села - куда угодно.

- Спасибо тебе, Алексей. Наши жители по гроб жизни будут помнить твою доброту. Они детям и внукам будут рассказывать о тебе и о твоём человеческом отношении к нам, чеченцам.

- Смотри, никому ни слова об этом, даже знакомым главам администраций соседних сел. И торопись - времени очень мало. Только половина ночи, - сказал Сахнов

-Успею, - заверил его Мехти.

Крепко пожав его руку, Алексей шагнул за плетенную калитку и исчез в темноте.

При «зачистке», прошедший в селе, не был задержан ни один человек.

Были и такие офицеры в федеральных войсках...

...Солдат еще раз глянул в паспорт, на Зовр-Макана и недоуменно пожал плечами.

- Что случилось? Что-нибудь не так в моем паспорте? - встревожился Зовр-Макан, потеряв всегдашнее терпение и выдержку.

- А это действительно ваш паспорт? - спросил, в свою очередь, солдат с улыбкой.

- Мой, мой, - ответил Зовр-Макан. - Чей же паспорт может быть в моем кармане, как не мой? Пожалуйста, не задерживайте меня. Я спешу на похороны родственника.

-Почему же в нем тогда фотография женщины?

- Как - женщины? Какой еще женщины?

- А вот так. Посмотрите сами, - постовой с усмешкой протянул паспорт Зовр-Макану. Тот, глянув в паспорт, сразу понял свою ошибку и сказал виновато:

- Да, действительно женщина. Второпях вместо своего я взял паспорт жены.

- Это ваша жена? А почему у нее фамилия другая?

- У чеченцев часто бывает так, что, создавая семью, супруги сохраняют свои фамилии. Да и у вас, у русских, такие случаи тоже иногда бывают, по-моему. У вас принято, а у нас нельзя носить двойные фамилии.

- Понятно, - сказал солдат.

- И что мне теперь делать? Не возвращаться же?.. - начал было Зовр-Макан.

- Что делать? Что делать? Ехать дальше, тем более, что спешите на похороны, - добродушно проворчал солдат. - Только впредь будьте по внимательней с паспортом.

- Буду впредь очень внимательным. Очень внимательным буду. Торжественно обещаю, как бывший пионер, комсомолец, затем коммунист, - шутивно сказал успокоенный Зовр-Макан и добавил:

- Спасибо тебе, солдат.

- Счастливого пути и вам, отец.

И такие солдаты были среди федералов...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ПОВЕСТИ

СКОЛЬКО ВЕРЕВОЧКЕ НИ ВИТЬСЯ... (ПОВЕСТЬ)

Сколько веревочку ни вить,
а концу быть.

Пословица

Глава первая. Никто не хотел умирать...

1

Когда их компания изрядно захмелела при очередной пьянке в минуты затишья между боями, молодому, но уже спивающемуся на чеченской войне старшему лейтенанту Никите Трусову вдруг страшно надоели консервы из сухого пайка и захотелось свежего мяса. Откинув голову назад, он шумно втянул в себя воздух, будто явно почувствовал запах свежего, еще шипящего от жары шашлыка, сладостно, до хруста костей, потянулся, закрыв глаза, перетряхнул плечами и стал размышлять вслух:

- А почему я должен только мечтать о шашлыке, а не есть его? Почему я должен отказывать себе в чем-то, не зная, что будет со мной сегодня, завтра, послезавтра на этой проклятой войне? Вон сколько скота пасется у чеченов по ложбинам и холмам Терского хребта, несмотря на военные действия. Богато они живут, как буржуи недобитые, не то что русские в нищих своих российских городках и селах. Одной коровой, овцой, теленком станет меньше у этих бандюг разве убудет? Другие солдаты разве мало скотинок в Чечне убивают и съедают их разве мало? А мы, что – лысые? Или не заслужили? Заслужили - и еще как!

Поразмыслив так, Трусов решительно встал и приказал одному из водителей бронетранспортера своего взвода:

- Заведи-ка свой драндулет, Лексей. Прокачусь поеду. Машину поведу сам. В помощь себе возьму рядового Грязнова. Он парень крепкий, сильный, как раз тот, кто нужен. Свежее мясо не лишним будет в нашем рационе: шашлык – там, бульо, барбикю...

Подразделение Трусова стояло на вершине одного гор – отрогов Терского хребта в старом и дряхлом поселке нефтяников. Ветхие его домишки из саманки и хибарки-временки из толстых досок, покосившиеся от времени и изуродованные оползнями, были разбросаны по склонам и оврагам. Многие из них были покинуты давно после постройки для рабочих нефтепромысла нового поселка на ровном месте ниже по дороге в город нефтяников. Единственными прочными строениями в этом умирающем поселке были кирпичные здания бывшего управления нефтепромысла и магазина, стоявшего на дороге из города в районный центр. Их-то и занимали военные. Выбрана ими эта точка была потому, что оттуда открывался далекий вид вокруг и ни одна живая душа, даже птичка ни могла подлетать, ни подойти к ним незаметно – боевики ли мирные, свои ли чужие...

Да и места там были в дни войны довольно-таки малолюдные, если не сказать безлюдные: фермы колхозов и совхозов, разбросанные некогда по безлесным холмам и буеракам и маленькие хуторки – станы бригад, были разорены в годы развала «Союза нерушимого республик свободных». Уже давно в них ничто не мукало, не мекало, не кудахтало, не гагакало. Промыслы и скважины разрушены, качалки перестали бить неустанные поклоны, как еврей-ортодоксы у Стены плача. Люди разъехались кто – куда: одни – к родственникам в горные села («среди своих и умереть не страшно – похорнят хоть по-людски»), другие стали беженцами в соседних республиках («береженного и Бог бережет»), третьи – еще дальше по Европе разбрелись («на миру и смерть красна»). Тихо,

пусто, дико. Только ветер бесприютно и сиротливо гудел временами в развалинах, будто плакал по былому...

Стадо же, увиденное Трусовым со своей высоты внизу на склонах холмов, было из большого села, расположенного в трех – четырех километрах от поселка. Жителей в нем было еще много: видимо, им или некуда было ехать, или они не захотели покидать насиженные места...

Бронетранспортер на скорости подъехал к стаду, распугав все, кроме спокойных, неторопливых и равнодушных ко всему коров, которые не обратили никакого внимания на урчащее чудище и, как ни в чем ни бывало, продолжали щипать траву. Трусов бесцеремонно изрешетил автоматной очередью одну из коров и вместе с Грязновым стал свежевать ее, когда, неожиданно выехав из-за холма, спешившись, к ним подошел, ведя коня под уздцы, пастух – инвалид.

- Что вы делаете? – спросил он наивно, увидев убитую корову. - Это же чужое... - продолжить он уже не успел...

По выработанному веками своему природному инстинкту, утром чуть свет, уходил на пастбище и до захода солнца точно в назначенный час и точно в знакомый двор возвращаться на ночь домой, и эти вечером скотина возвратилась в село, но без пастуха, а лошадь – без своего постоянного седока - человека, у которого с детства не работали изуродованные пальцы рук и поэтому не способного ни на какую другую работу, кроме как пасти скотину. Это был безобидный, добродушный и спокойный мужчина – отец семейства. Каждое утро уводил стадо по буеракам и холмам километра за три – четыре из села, хотя шла война и было опасно: всюду свирепствовали полуголодные, грязные, озлобленные на все и вся солдаты. Но люди надеялись, что пронесет, что отощавшие солдаты уж убогого инвалида-то не тронут.

Стояли длинные августовские дни. Хотя животные, действуя ко своим рефлексным часам, вернулись в село, до наступления темноты и начала комендантского часа было еще немного времени. Не увидев на коне, как всегда, усталого, но довольного отца, взрослые сыновья встревожились, почуяв неладное. Понимая, что одним им опасно идти на поиски, старший из сыновей, Алхазур, пошел к главе администрации села. Тот пригласил кадия – седобородого старца, и они втроем, подняв над головой испытанный не раз спасительный белый флаг, отправились на поиски пастуха. Они обошли многие овраги и заброшенные остатки ферм, куда гонял обычно стадо Селимсолта, но нигде – ни следа, ни слуха, ни духа. Оставалось одно – идти к солдатам. С надеждой, что они могли что-нибудь знать: ведь с их высоты все эти места – как на ладони. Они не могли не видеть и наверняка видели, что произошло. Но постовые солдаты, не моргнув глазами, как всегда, соврали этим надоевшим чеченам. Не видели, не слышали, не знаем...

Алхазур не мог успокоиться и искал отца еще дня три четыре. И никакого утешительного результата – отец словно сквозь землю провалился, исчез бесследно. Алхазур еще несколько раз подходил к стану федералов, и хотя каждый раз слышал заученное и безразличное: «Ничего не знаем». И все же он интуитивно стал подозревать солдат в убийстве отца.

«В тот злополучный день в село не вернулись и одна корова, - рассуждал он. – значит ее убили солдаты, а отца убрали – как свидетеля преступления. Правда, он не нашел и следа коровы – крови там, шкуры, головы и поэтому доказательств у него никаких не было, кроме убеждения, что боевики даже в крайней нужде не пошли бы на воровство, не позарились бы на чужое, не взяли бы греха на душу, боясь Божьего наказания. Тем более

не убили бы слабого безоружного и безобидного человека, свято придерживаясь Божьего закона, что жизни лишать правоверного имеет право лишь Аллах, породивший его. В случае надобности боевики всегда приходили к хозяину скотины и оплачивали покупку полноценно.»

По всему поэтому Алхазур был уверен, что без федералов дело не обошлось, но пререкаться с ними было опасно, а надоедать им своими вопросами – себе же хуже. Поэтому он стал жить надеждой, когда-нибудь узнать правду, найти убийцу и свершить возмездие.

Он и предположить не мог, как скоро осуществиться его мечта...

111

...Летней августовской ночью боевики неожиданно при полном вооружении вошли в город, с ходу или захватили или окружили стратегически важные пункты в центре столицы – Территориальное управление, пресловутое Главное управления объединенных штабов войск, участвовавших в войне, где бездарно заседало российское офицерье, слетавшее, как воронье на падаль, в Чечню из разных концов России «на ловлю счастья и чинов», Федеральную службу безопасности, здание, которое занимало бесправное правительство республики. Правда не все: некоторые высшие руководители республики и войск накануне вечером укрылись в аэропорту «Северный» под крылышками федералов со всеми своими награбленными богатствами, семьями, друзьями-прихлебателями, будто заранее знали о предстоящем вторжении боевиков, парализовавших жизнь города на Сунже. Утром начались бои и федералы сразу же понесли большие потери.

Тогда командующий объединенной группировкой войск в республике недалекий офицер и никудышный стратег генерал Пуликовский в отчаянии и бессилии перед боевиками не мог придумать ничего лучшего и умного, как предъявить ультиматум мирным жителям, которых было не мало еще в городе, всем покинуть его в течение сорока восьми часов, объявив, что все оставшиеся будут считаться или боевиками-бандитами или пособниками их. А комедийный актер и балабол-пустобрех Владимир Вольфович поспешил со всем своим семитским злорадством заявить, что в Грозном остались только женщины легкого поведения и боевики.

По истечению срока ультиматума взбешенный генерал собирался сравнять город с землей бомбардировкой и ударами всех видов тяжелого вооружения, имевшегося в его распоряжении. Его же было больше, чем достаточно. И уже в чистом поле задумал горе-генерал уничтожить боевиков, которым негде будет укрываться. А небезызвестный пустозвон и комедиант-прорицатель Владимир Вольфович убеждал всех, выступая по телевидению, что на месте Грозного - гнезда бандитов - надо выкопать огромный котлован, запустить в него воду и превратить город в озеро, чтоб навсегда уничтожить это осиное гнездо и память о нем.

Начался великий исход жителей из города по дорогам, превращенным озлобленными поражениями федералами в ад. Кто видел, что творилось на дорогах и блок-постах в те роковые дни, мог смело утверждать, что побывал в аду, пострашнее описанного Данте.

Когда катастрофа казалась уже неминуемой, нашлись-таки в России трезвые люди, приструнившие безумца-командующего группировкой войск в Чечне: на Кавказ прилетел прославившийся в свое время в Приднестровье, Секретарем совета безопасности России генерал Александр Лебедь. Он провел трудные переговоры с Асланом Масхадовым, закончившиеся подписанием в городе Хасав-Юрте Соглашения о мире и о принципах взаимоотношения между Россией и Чечней. В первых числах сентября начался и вывод федеральных войск из республики.

Рота, в которую входил и взвод старшего лейтенанта Никиты Трусова, походным маршем двинулась в сторону недалекой железной дороги. Когда колонна проходила между густо разросшимися по обе стороны дороги и близко подступающими к ней лесополосами и кустарниками, перед нею внезапно, словно призраки из-под земли, появились трое боевиков, обвешанных оружием и нацеленными на головную машину гранатометами. Столько же встало позади колонны, которая невольно, резко и удивленно остановилась, едва не утыкаясь в землю длинными стволами тяжелых танков. Все молчали, растерявшись от неожиданности.

- Колонна окружена ополченцами. Вас видят хорошо, а вы их - нет. Если сделаете еще хотя бы один шаг или произведете хотя бы один выстрел, предупреждаю, он станет последним в вашей жизни, - сказал один из боевиков, сделав шаг вперед. – Вы поняли меня?

Колонна угрюма молчала. Даже офицеры онемели в бессильной ярости. Умирать не хотел никто. Уже по дороге домой...

- Ну, что ж, вижу, что поняли, - снова заговорил боевик. – Мы не желаем вам зла, а хотим только одного: выдайте нам того, кто убил пастуха – инвалида. А то, что ваши люди убили его, мы знаем точно. Пусть преступник покажет нам место, где спрятан труп, чтобы мы могли забрать его и похоронить по-человечески. В противном случае мы расстреляем всю вашу колонну, - сказал Алхазур, а это был он. Давая понять, что не шутит, он подал знак и над ротой засвистели, завизжали разнокалиберные пули...

- Вы не имеете права! У нас же перемирие.- насали возмущаться пришедшие в себя офицеры.

- Пригласите наших и ваших руководителей. Надо же разобраться во всем... - неуверенно добавил командир роты, но Алхазур в нетерпении прервал офицера:

- Никаких переговоров. Они бесполезны. Выдайте нам виновника или...

Считаю до пяти...

Умирать не хотел никто. Тем более уже в дороге домой.

- Рядовой Грязнов, выслушайте их требования? Марш к ним! – грубо приказал одному из солдат командир батальона.

Откуда ни возьмись, появились, как по волшебному мановению, кони и еще два ополченца. Алхазур и один из его товарищей посадили на третьего коня побелевшего от страха и мелко дрожавшего, как от озноба, Грязнова и, трогаясь в путь, он сказал солдату:

- Показывай дорогу к месту убийства. Колонна будет стоять здесь, пока мы не вернемся. Дергаться не советую. Слышите гул? Это подошли новые силы моих друзей-товарищей с пушкой и минометами.

Пятнадцать минут спустя, Алхазур и его спутники были на месте убийства - колонна не успела, как оказалось, далеко отъехать от поселка нефтяников, где дислоцировалась. Грязнов сразу показал место, где закопан труп. Оно ничем не выделялось на местности. Можно было сотни раз пройти по нему и не догадаться, что под грунтом могло что-то находиться.

- Как же ты спрятал его так искусно? - удивился Алхазур.

- Очень просто.- объяснил Грязнов трясущимися губами.- Мы аккуратно вырезали покров земли с травой, выкопали неглубокую круглую ямку, посадили в нее труп, засыпали и снова уложили верхний слой грунта без шва, прокатили по нему несколько раз бронетранспортер, чтобы место даже при очень внимательном осмотре было незаметным.

Ну ладно. Обещаю тебе, что тебе мы выроем точно такую же яму, - обещал Алхазур и решительно передернул затвор автомата.

- Но я не убивал! Не убивал я! – вскричал Грязнов, дико вращая глазами. Он обреченно заплакал, как ребенок, и умоляюще упал на колени.

- Почему ты всегда говоришь «мы»? Сколько же вас было? - спросил Алхазур.

- Нас было двое: я и мой командир старший лейтенант Трусов.

- И кто же из вас убийца?

- Трусов, мой командир...

- Ладно, живи тогда. К тебе я ничего не имею. Поехали к колонне...

Колонна стояла там же, в окружении.

- Ну все? Мы можем следовать дальше? - спросил командир роты, недовольный непредвиденной задержкой. - Убийцу мы вам выдали. Делайте с ним, что хотите...

- Нет, не все. Теперь я хочу видеть настоящего убийцу, старшего лейтенанта Трусова, - сказал Алхазур. - Рядовой Грязнов не убивал пастуха...

- Да как ты смеешь задерживать колонну российских войск? - возмущенно крикнул командир роты. - Да еще требовать выдачи офицера. Я сейчас свяжусь со своим командованием и потребую прислать вертолеты, чтобы стереть вас всех в порошок. Прочь с дороги!

- Свяжитесь. Потребуйте. Но знайте, что вертолеты вам не понадобятся, потому что до их прилета из вас никого не будет уже в живых. Так что выбирайте одно: смерть или Трусов?

Но умирать не хотел никто. Тем более по пути домой. И командир роты крикнул в бессильной ярости:

- Идите, старший лейтенант. Пришел час платить за вкусный шашлык, горячий бульон и шипящее с пылу с жару барбекю. Я не имею право из-за тебя одного положить всю роту.

Алхазур посадил офицера на того же коня, привязал его к седлу, надев наручники, чтобы ненароком не вздумал бежать, и на поводу повел седока к месту преступления. Трусов был вначале спокоен, хотя и сильно напуган.

На месте Алхазур помог Трусову спешиться, снял наручники, дал ему в руки лопату и сказал:

- Выкапывай труп.

- Какой труп? О чем вы говорите? - спросил тот, все еще бодрясь и улыбаясь, думая, что с ним шутят, берут на испуг.

- Труп пастуха, убитого тобой тут. Быстрее, у нас мало времени. Пошевеливайся, гадина! - разозлился Алхазур и дал очередь под ноги Трусову для убедительности.

Когда труп был выкопан и положен перед Алхазуром, он сказал:

- А теперь показывай, как ты его убивал.

- Как убивал? Убил - и все. На войне - как на войне, - хмуро проговорил Трусов. Он все еще хорохорился уверенный, как всегда, в своей безнаказанности. «Ничего эти чехи со мной не сделают, со мной, офицером великой России, могучей ее армии», - успокаивал он себя.

- И все же покажи, как ты его убивал, - настаивал Алхазур.

- Рассказывай, сволочь! - больно ткнул автоматом в спину Трусову один из товарищей Алхазура. И до него наконец-то дошло, что все всерьез, что с ним не шутят. С него, оказавшегося трусоватым по характеру слетала маска бесстрашия, пропала бравада и выветрилась спесь. В страхе он упал на колени и стал бессвязно лепетать что-то сквозь слезы, как напроказивший ребенок:

- Простите... я не хотел его убивать... это получилось случайно... пьян был...

- Встать! - крикнул Алхазур и снова дал очередь под ноги Трусову. - Показывай, как убивал, куда стрелял? Ты, гад ползучий, умрешь так же мучительно...

- Он появился из-за холма неожиданно, когда мы неумело, но быстро стали разделять тушу убитой коровы. Он спешился и, ведя коня подошел к нам... Трусов замолк, глотая слезы.

- Дальше. Дальше... - нетерпеливо проговорил Алхазур.

- Подойдя, он сразу же стал кричать на нас. Уходи подобра – поздорову, сказал я пастуху, но он обещал рассказать о нашем беспределе журналистам, представителям международных организаций и пожаловаться коменданту. Тогда я разозлился и выстрелил ему под ноги, чтобы напугать его. Но не рассчитал и попал в правое колено... Пьян был...

- Вот так? – спросил Алхазур, выстрелив офицеру в правое колено.

Трусов взвыл от дикой боли. Схватил обоими руками раздробленное колено, покатился по земле и на мгновение потерял сознание.

Когда он очнулся, стоявший над ним Алхазур спросил:

- Как ты думаешь, подонок, пастуху было тогда больно?

Трусов промолчал, громко стоная. А Алхазур продолжал:

- Говори, куда ты еще стрелял?

- Думая, что... никто ничего... не узнает, если... я уберу свидетелей, я сделал второй выстрел в пах ему... Но он оказался живучим... и я добил его выстрелом в голову... - делая большие паузы, проговорил заплетающимся языком Трусов.

- Вот так? – снова спросил Алхазур и всадил ему пулю в пах.

Трусов не мог уже ничего ни говорить, ни стонать, а только дико... озирался по сторонам, когда до него донесся последний вопрос:

- И вот так? - Раздался выстрел, голова его будто треснула, и убийца пастуха, отца Алхазура, затих навсегда.

Передав труп отца подъехавшим, услышав выстрелы, односельчанам, Алхазур привязал тело Трусова к седлу лошади и поехал с товарищами к колонне.

Уже начало темнеть, когда они подъехали к ней. Алхазур передал тело офицера-убийцы командиру роты, сказав:

- Нам наша вера запрещает издеваться над мертвым и торговать трупами, как это делаете вы. Теперь, когда возмездие свершилось, можете продолжать свой путь. И предупреждаю, мы будем сопровождать вас до самого пункта назначения оберегая вас: как бы чего не случилось. Вы ведь не мало натворили тут, а чеченцы не прощают обид, особенно смерть близких...

В дороге же ничего не случилось.

Умирать не хотел никто.

Тем более по пути домой.

Глава вторая.

Возмездие

I

Нелегкой сложилась судьба Мухтара, убившего в конце первой чеченской компании офицера, неисправимого садиста-чеченофоба Борзлова, мстя за многих замученных или убитых в бесчеловечных пытках молодых горских парней, за истерзанного им брата и отца своего. Закон срока давности преступлений и неизбежности наказания в годы установившегося зыбкого мира начал действовать почему-то только в отношении Мухтара – в одностороннем порядке.

II

Майор Владислав Борзов вырос в карельском городке Конпога – в краю изумительно красивой природы. Недаром в недалеком прошлом о нем писали в книгах, пели в песнях:

Долго будет Карелия сниться,
Будут сниться с этих пор
Остроконечных елей ресницы
Над голубыми глазами озер.

Но это было до гибели страны развитого социализма, а после все изменилось под жесточайшим прессом, вернувшего капитализма. Люди обнищали, им стало не до красот природы теперь. Безработица. Безденежье. Всеобщая прихватизация. Тотальное воровство. Всенародное озлобление. Всесжигающая черная зависть. Жителей раздражало все, особенно - успешные люди. Повсеместно всколыхнулась ненависть к вездесущим и хватким кавказцам. Особую, лютую неприязнь вызывали у карельчан, как и повсюду в России, деловитые, работающие, хозяйственные чеченцы. Местные считали кавказцев виновниками всех своих бед. Их провоцировали, на них нападали, арестовывали беспричинно, судили предвзято. Одним словом, не мытьем, так катаньем выживали их из Карелии...

Вот в такой обстановке ненависти к чеченцам и вырос рядовой милиционер Борзов до звания майора. Вырос наглым и сильным извергом. По любому поводу задира кавказцев, лезь в драку, избивал, но всегда выходил сухим из воды - виноватыми всегда оказывались чеченцы. В такой обстановке правового беззакония и жил Владислав в последние годы – зверюга с воспаленным самомнением.

Когда в Чечне началась война, Владислав в первые же дни пришел в военкомат и напросился воевать. Он явно представил себе, какие огромные возможности предоставляться убивать ненавистных чеченцев и издеваться над ними, утоляя свои амбиции.

Идя на войну, как и все русские офицеры, он взял себе псевдоним. Зная, что чеченцы называют себя волками - борзами, и, представляя себя их ловчим, Владислав придумал себе новую фамилию Борзлов, что означало – волколов. Благо и думать долго не пришлось, добавил только в свою настоящую только одну букровку и всего делов-то! А сколько это одна букровка меняла!

Уж здесь-то, в Чечне, он сполна использовал свои садистские наклонности и наслаждался издевательством над безоружными и беспомощными молодыми людьми, попавшими в плен, задержанными «для установления личности» на блокпостах и при «зачистках», взятыми из дома по наводкам. Уж тут то, на войне, он с избытком удовлетворил свою жажду и ненависть к чеченцам, пытая, калеча, убивая их. Он придумывал все новые и новые виды и формы пыток и издевательств, особенно - над молодыми людьми. Были у него и любимые методы издевательств.

Так, поставив со связанными сзади руками в плотный ряд шесть-восемь юношей лицом – к лицу, спиной – к спине, он с размаху наносил сильнейший удар кулаком в лоб первому. И несчастные люди падали друг на друга, как костяшки домино. Последний больно бился о бетонный пол пыточной камеры или лицом или затылком, другие валялись на него, усиливая боль и страдания. В кровь –лицо. Сломанные ребра. Трещины черепа. Травмированный позвоночник. Первый и последний или становились калеками или умирали в муках. И в том и в другом случае Борзлов выгодно продавал их родственникам. Иногда свой тяжелый кулак он заменял ногой, обутой в тяжелый армейский ботинок. Садист, разбегаюсь, бил ею в прыжке в живот первого в ряду. И опять результат - смерть одного или двоих. Это называлось у Борзлова – «Принцип долино».

Или пленнику надевали на голову черный пакет. Владислав с одной стороны, солдат- с другой брали несчастного за руки и вели его якобы на допрос. Шли, с каждым шагом ускоряя движение, и неожиданно с разбега били несчастного лбом о столб. Тот падал с разбитым лбом и с расквашенным лицом, истекая кровью. Борзлов же, громко хохоча, притворно накидывался на гогочущего солдата:

Ты, что, раззява, делаешь? Не видишь разве, что столб стоит?

- Да как, его увидишь, серого, на фоне этой хмурой осенней природы? – оправдывался солдат, подыгрывая командиру. Это называлось у Борзлова – «Приятная встреча».

В камере пыток в низкий потолок были вбиты кольца, а в стены – арматурные стержни. На кольцах подвешивали, пытаемого и Борзлов избивал его кулаками, как боксер грушу на тренировке. Внутренности человека превращались в кровавое месиво, изо рта и носа его шла кровь и он принимал мучительную смерть. Это называлось у садиста– «Трясти грушу».

Вырыв глубокую яму, людей неделями держали в них в тесноте в жару, в мороз, в дождь и в снег. Чтобы сильнее унижить их и усилить страдания, Борзлов приказывал обрызгивать их зимой холодной водой, летом – горячей. Зимой одежда пытаемых в одну минуту превращалась в ледяной панцирь, а люди - в ледяные глыбы, летом – она обжигала тела, превращая кожу в кровавое месиво. Временами в те ямы прямо под ноги людей выливали помой и отбросы. Дышать становилось трудно – вонь пропитывала воздух. Это называлась у Борзлова- «Очищение».

Владислав часто любил наказывать задержанных «для установления личности» летом нефтяными ваннами. Он опускал жертвы в полунаполненную нефтью большую черную цистерну и плотно закрывал крышки наливных люков. Люди, едва соблюдая устойчивость на скользком полукруглом дне цистерны, стояли по горло в маслянистой, жирной нефти. От жары емкость накалялась, нефть испарялась, и через час–другой дышать становилось невозможным и некоторые люди задохнулись, теряли сознание и тонули в ней. Когда через некоторое время солдаты открывали крышки наливных горловин, они не досчитывались почти половины истязаемых. Живых вытаскивали и, обдав горячей водой или бензином, уводили на допрос, а утонувших так и оставляли в цистерне. Это называлось у Владислава «Купание в летний день».

Одним из любимых видов пыток у Борзлова был и такой. Он защелкивал на руках задержанных тесные наручники и содержал их в таком положении несколько дней. Руки людей опухали так, что едва не охватывали наручники, как кора дерева тесно обвязавший его ствол предмет. Пытаемый не чувствовал свои руки, не мог ими ни есть, ни пить. Страшные боли чуть не сводили человека с ума. Через два-три дня, демонстрируя фальшивое милосердие, при очередном допросе Борзлов с напускным удивлением журил солдат:

- Вы что совсем озверели? Почему до сих пор не сняли наручники?

- Да мы ключи потеряли от них, - с невинным видом наигранно отвечали солдаты.

- И что других ключей не нашлось в этой проклятой Чечне? Или других способов снятия наручников не знаете? Их же сотни. Вот простейший, – поучал офицер-изверг подчиненных. – Принесите-ка мне молоток и зубило. Я покажу, вам как это делается, Борзлов ставил руки человека на железный стол и начинал рубить стальные, закаленные наручники зубилом. При этом кромсая опухшие руки, разрывая кроваво кожу, вызывая нечеловеческую боль, от которой неподпытный на долго терял сознание после страшных душераздирающих криков. Часто терял память. Еще чаще становился инвалидом, лишаясь кистей рук. Борзлов же говорил с фальшивой жалостью, усмехаясь:

- Смотри-ка, и не разрубишь. На совесть, видимо, делали этот браслеты заводские мастера. Не по делу ...

Этот вид пытки назывался у него – «Кандальный звон».

Борзлов сотоварищи пьянели ежедневно не только от обильно, до белых чертиков, выпиваемого спиртного, но еще сильнее от физических и моральных страданий задержанных, от криков и стонов их при пытках, от унижений и оскорблений человеческого достоинства, наносимых им, от вида крови, от сознания своей силы, власти, безнаказанности. «Недаром же меня зовут Владиславом, что значит – владетель славы», – любил он гордо повторять при всяком случае. Это своей жестокостью и ненавистью к «чехам» садист прославился за год службы на всю Чечню. Но, как говорится, сколько веревочке ни виться...

III

Подразделение садиста-офицера Владисла Борзлова, которому чужды были такие понятия, как доброта, человечность, милосердие, особенно - по отношению к чеченцам, дислоцировалась на небольшой железнодорожной станции в полукилометре от чеченского села Кари-юрта, в котором родился и вырос Мухтар. Жили его родители небогато, но и не бедно. Отец работал в местном совхозе трактористом, мать - дояркой на ферме. Мухтар, как и сестра его, закончил восьмилетку, железнодорожно-техническое училище в районном центре и стал работать на соседней станции.

Все шло хорошо до начала парада суверенитетов в девяностых годах двадцатого века, когда на глазах начала разваливаться годами налаженная жизнь, пусть не легкая, но спокойная за сегодняшний и за завтрашний день. Особенно невмоготу стало не только работать, но и существовать в последнюю пору, когда обнищавшие люди начали грабить товарные поезда. Они, не боясь никого и ничего, налетали, что тебе саранча, на составы и уносили на себе и увозили на машинах все, что попадется под руки. С ними не могли справиться ни охрана поезда, ни летучие отряды милиции и национальной гвардии. Этим несунув не пугала ни стрельба, ни аресты. На все у них был один ответ: «Нам все равно от чего умирать – от голода или от пули». И в этом ответе был свой резон: колхозы, совхозы, предприятия разорены, присвоены, разграблены. Вся живность многочисленных ферм, кошар съедена участниками бессрочного митинга, жителями Дуки-юрта множась, как кровожадный гнус по весне, и армией, прожорливой и ненасытной, как прорва. Ни работы. Ни зарплаты. Не пенсий. Ни дохода. Оставалось только одно - брать все то, что плохо лежит, воровать или вставать в ряды защитников свободы. Так и сделал Мухтар, не умеющий ни вязать шерстяные носки, ни заготавливать мушмулу, ни торговать, ни лгать, как некоторые руководители свободной и голодной Ичкерии, обещая народу верблюжье молоко из золотых краников и молочные реки в кисельных берегах в будущем. Не верил он и в сказки ярких идеологов ее, которые утверждали, что скоро чеченцы будут жить так богато и в таком достатке, что от гордости им будет лень наклониться, чтобы поднять кусочек золота, лежащего на дороге прямо под ногами.

Воевал Мухтар в юго-восточном направлении в батальоне полевого командира бригадного генерала Висамы. Командующим направления был дивизионный генерал Курба из далекого, затерянного в горах и лесах Ичкерии села.

Мухтар тоже слышал о «героических подвигах в войне с безоружными, бесправными и беззащитными «чеченскими преступниками» Владислава Борзлова. Он даже встречался с ним раз - два. Не в боях, конечно, которых офицер старательно избегал, командуя подразделением издалека, из своего закрепленного, постоянно меняющего место дислокации кунга. Видел его в первый раз Мухтар мельком, когда договаривался о

выкупе за изувеченного им брата, и когда забирал брата, – во второй. Как и многие другие чеченские мстители, Мухтар тоже мечтал расправиться с Борзловым. Но тот был очень осторожным и, если выходил куда-нибудь, – то только с усиленной охраной, как важная армейская персона: четыре солдата впереди, столько же позади.

Осуществилась мечта Мухтара о возмездии неожиданно.

Раз осенним вечером, устав от многодневных скитаний по полям военных действий, Мухтар тайком вернулся домой, чтобы искупаться, поменять белье и переночевать в нормальной обстановке. Дом их располагался на окраине села. В нем было много комнат, веранд, пристроек, навесов, ходов и выходов, как в каждом чеченском сельском доме. Позади него был традиционный огород с высоким плетеным забором и с лазом на участок соседа, а через него – выходом к глубокому каналу, высохшему уже давно, и к широкой лесополосе, заросшей густым кустарником.

Дом пустовал – родители и сестры уехали от войны в соседнюю республику. Только одна из них осталась присматривать за домом, да и она ночевала у старых, бездетных соседей, не захотевших никуда уезжать.

Уже начинало темнеть, когда, едва переводя дыхание от бега, вбежала сестра, ходившая в магазин за хлебом, и выдохнула:

- Уходи быстрее. По улице солдаты идут. Мне кажется, они – за тобой. Видимо, кто-то успел сообщить...

Мухтар быстро вбежал по узенькой лестнице в свою небольшую мансарду с маленьким окошком на улицу. Выглянув, он сразу узнал Борзлова. «Вот и сам зверь спешит на ловца», – весело подумал он и, сбегав вниз, сказал сестре:

- Сюда идет сам Борзлов, с которым у меня давние счеты. И я буду проклинать себя всю жизнь, если не воспользуюсь случаем и не избавлю чеченцев от этого изверга и садиста. Момент удобный и я не упущу его. А ты уходи быстро через огороды в лесополосу. Туда солдаты не сунутся. Там и встретимся...

Мухтар вытолкнул плачущую сестру в заднюю дверь. Сам же, выйдя во двор, укрылся за различной рухлядью в темном углу навеса с выходом в огород.

Борзлова, как всегда, сопровождала охрана – четыре солдата впереди, столько же позади. Мухтар подождал, пока первые четверо, осторожно ступая, «чтоб не спугнуть ополченца», вошли в дом, стремительно закрыл за ними на засов входную дверь и, как только Владислав вступил во двор, в упор расстрелял его из пистолета с глушителем. Пока солдаты не поняли, в чем дело, Мухтар быстро закрыл высокие железные ворота, заложил ломом вход во двор и через заднюю дверь в навесе шмыгнул в сгущающуюся темноту.

Солдаты в доме так увлеклись поискам Мухтара, обыском и прикарманиванием ценных вещей, без слов, жестами переговариваясь друг с другом, что не услышали выстрела и ничего подозрительного не заметили. А те, что шли следом за командором, удивились и растерялись, когда перед самым носом у них захлопнулись ворота. Они застыли на месте, ничего не понимая. Через минуту они пришли в себя, заподозрив не ладное, но не в силах открыть ворота, стали громко стучать. Этот стук услышали те, что копались в доме. Они бросились к выходу, но, не сумев открыть входную дверь, разбили застекленную террасу, выскочили в тревоге во двор и увидели командира в луже крови. Открыв ворота, впустили товарищей. Все окружили мертвого Борзлова и старшина процедил зло сквозь зубы:

- Черт бы побрал эти чеченские дома-лабиринты! Ушел-таки гад, перехитрив нас всех! И командира убил, бандюга! – И добавил:

- Надо уничтожить это волчье логово.

Солдаты в бессильной ярости подожгли дом, подождали, пока пламя не охватило все постройки, забрали тело командира и ушли восвояси.

IV

...Прошло после этого немного времени, война закончилась подписанием соглашения о мире, в котором в числе других была согласована и статья о создании совместной милиции и специальных комиссий служб национальной безопасности для контроля за соблюдением мирных договоренностей. Мухтар стал командиром отряда Шариатской гвардии, дислоцированной в горном районном центре. Он, отремонтировав две комнатки в своем сожженном доме, вернул туда родителей и сестер из палаток в соседней республике.

Однажды летним утром к Мухтару, в горы, приехал его сосед-ровесник друг детских лет, и предупредил его:

- Смотри, не возвращайся домой. В наше районное отделение милиции поступил запрос из Карелии с требованием арестовать и этапировать тебя туда, как преступника, убившего русского офицера. Наши региональные служаки, быстро забывшие обо всем, что творили эти офицеры и солдаты над чеченским народом, о десятках тысячах замученных, искалеченных и убитых ими, наведывались уже к вам домой, спрашивая адрес твоего местонахождения. Хорошо, что, заподозрив недоброе, родители промолчали.

Мухтар, собрав весь свой отряд, тем же вечером приехал в указанное отделение милиции, окружил здание, разоружил милиционеров и, войдя в кабинет начальника спросил спокойно:

- Где ты был во время войны?

- Я служил в Рязани.

- Значит, ты не знаешь, сколько чеченцев, пытая и истязая, уничтожил, искалечил этот офицер, которого я убил. На войне убил. А ты послал хотя бы один запрос с просьбой арестовать того или иного офицера, творившего геноцид твоего народа, как это делает противная сторона?

- Нет, не послал.

- А почему же ты спешишь так ретиво выполнить их запрос? Где же справедливость? Выходит, мы – преступники, убийцы, а они – ангелы?

- Я выполняю приказ.

- Дешево же они купили тебя своими подачками, воспитав в тебе врага своего народа, готового безоглядно выполнять приказы свои хозяев. Ты не думаешь о последствиях, которые могут оказаться трагическими для тебя, твоей семьи, устроенной в Рязани, твоих родственников, живущих тут? Или ты обрусел совсем, забыл наши традиции, обычаи, законы?..

- Не пугай.

- Не пугаю, но предупреждаю, что, если ты сделаешь еще хотя бы одно движение с целью арестовать меня, оно будет последним в твоей жизни! И я сожгу это продажное безродное гнездо предателей. А теперь - последнее. Сожги сейчас же при мне запрос из Карелии на меня и все другие ориентировки из своего сейфа...

Видя, что начальник не спешит сделать это, Мухтар попросил товарищей связать офицера, вытащил из кармана его брюк ключи, открыл сейф и сжег все бумаги, бросив их на бетонный пол. Потом взял список сотрудников и предупредил их:

- Каждому из вас и вашим родственникам будет объявлена кровная месть, если вы арестуете хотя бы одного чеченца по запросам из России...

- Не мы, так другие все равно не оставят тебя в покое. В наших рядах много таких исполнителей, готовых сделать все, чтобы угодить Москве, хотя и говорят, что мы живем в независимой республике Ичкерии, - только и сказали милиционеры.

И их слова оказались вещими - к Мухтару несколько раз наведывались друзья, предупреждая, что его ищут. И он вынужден был скрываться у бывших товарищей, командиров ополченцев в далеких горных селах, часто тайком переезжая из одного в другое. Но, в конце концов, его обложили, как волка, так плотно, что ни охнуть, ни вздохнуть. Тогда он вспомнил о своем бывшем командующим бригадным генерале, человеке храбром и рассудительном Висаме из самого отдаленного горного района, куда остерегались соваться все – и милиционеры, и сотрудники службы безопасности, и беспредельщики из оперативно-разыскного бюро

Мухтар, двигаясь ночами по горным звериным тропам, добрался до Висами и выложил ему все, как есть.

- Здесь ты можешь жить, сколько надо. Клянусь Аллахом и нашей дружбой боевой, ни один волос не упадет с твоей головы, покуда я жив, – уверенно сказал Висам и отправил его жить к брату в небольшой хуторок, затерянный в живописном лесном массиве. Рай земной - да и только!

Мухтар прожил у брата Висама до начала второй чеченской войны, которая разрушительным смерчем прошла по Чечне. Снова распались все властные структуры. Война перечеркнула все законы – не до запросов и не до арестов стало. Мухтар снова воевал, но уже в отряде чеченских воинских подразделений, освобождавших город на Сунже районы республики от незаконных военных формирований. Был ранен в ногу и руку. Стал инвалидом. По окончании войны вернулся домой под гарантию неприкосновенности, данную новым руководством республики.

Родители Мухтара умерли, не вынеся стрессов войны. Сестры повыходили замуж. И живет он теперь в полуразрушенном доме один-одинешенек – ни семьи, ни детей, ни радости, ни здоровья. И сам не может понять: живет он или доживает отмеренные Богом дни...

Глава третья **Укрощение Волкодава.**

1

- Вы, чечены,— волки, а я - Волкодав. Это моя фамилия, чтоб вы знали, - любил повторять, обращаясь к очередным задержанным при проверке паспортного режима чеченцам, начальник одного из районных отделений милиции города Волгограда Владимир со зловещей улыбкой садиста на лице. - А имя, как вы понимаете, означает «Владей миром». Я давил и буду давить вас всегда и всюду, где бы и когда бы вы ни попали под мою руку. В отметку за брата, убитого вами. Когда попадете в мои руки, я не стану разбираться, кто прав, кто – виноват. Для меня все чечены виноваты всегда уже тем, что родились на свет. Причину придратья к вам я найду всегда. Помните, как в басне Крылова «Волк и овца» дикий разбойник находит мудрую причину: »Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». Так и у меня. Уж слишком много вас понаехало в мой город - пастухов, студентов, шабашников и просто прожигателей жизни.

Владимир Волкодав родился и вырос в одном из пригородов Волгограда. Закончил школу. Отслужил в армии. Отучился в школе милиции, получил офицерское звание и работал в одном из районных отделов милиции родного города. Получил звание майора

и должность начальника этого подразделения. Шли девяностые годы двадцатого столетия. Гласность. Перестройка. Развал великой державы. Хаос суверенитетов. Всплеск межнациональной вражды и нетерпимости.

У Владимира было два брата. Старший из них, Петр, рос бездельником. Учиться не хотел, в школу ходил только для того, чтобы похулиганить, почему и был исключен из нее. Любил выпить, повеселиться, покуражиться. Был задирой и забиякой. Связался со скинхедами. Стал лидером группы. Затеял драки по поводу и без повода. Особенно - с кавказцами. Чаще всего с чеченцами, которых почему-то люто ненавидел.

Очередную драку, изрядно приняв на грудь, Петр затеял на танцплощадке своего микрорайона. Слепленный ненавистью, он смертельно ранил парня-чеченца финкой и ответным ударом был убит сам. Зная, что козлом отпущения станут они, хотя вины их в произошедшем и не было, чеченцы, забрав тело товарища, быстро покинули в суматохе место трагедии. Пока не успела нерасторопная в те годы милиция перекрыть дороги, чеченцы в ту же ночь выехали в родные края.

С тех пор Владимир маниакально, всеми фибрами души возненавидел чеченцев и мстил им всегда и везде, когда выдавался малейший случай. С таким настроением он и приехал в Чечню воевать по контракту, когда началась вторая чеченская компания, названная издевательски «Контртеррористической операцией». И здесь открылись ему неограниченные, никем не контролируемые и никогда не наказуемые возможности для мести. Он был командиром батальона. Не просыхал от водки. Отличался особой жестокостью. Часто вечерами в минуты затишья после очередной операции он любил откровенничать в пьяном угаре: «Если за день не убью хотя бы одного чечена, мне не спится ночью». И скрежетал зубами, будто разгрызал кости чеченца.

Правда, надо сказать, что он и со своими солдатами и подчиненными офицерами бывал не менее жесток, когда Владимиру казалось, что они не точно выполняют его приказы; что они проявляют милость к мирным жителям, которых он приказывал задерживать, считая боевиками; что они не с такой охотой и не так усердно избивают, пытаются и расстреливают задержанных при зачистках. За это Владимир лишал их «боевых выплат», присваивая их себе, наказывал гауптвахтой, манипулировал зарплатами. Часто кричал на подчиненных, изрыгая матерщину, унижал и оскорблял их. Обвинял в предательстве и трусости. Доходило и до рукоприкладства. Этим он настроил против себя весь батальон. В подчиненных росло тихое недовольство. Они стали ненавидеть командира-садиста не меньше, чем чеченцы.

Возмущение действиями Владимира достигло критической массы, опасной взрывом. И все ждали только подходящего случая, который и наступил неожиданно...

«Мы сильны, как волкодавы наших сибирских охотников», хвастаетесь вы во хмелю, - говорил пьяным хулиганам и драчунам спортивного склада, доставленным в одно из отделений милиции города Омска после очередной потасовки с чужаками, как они называли всех кавказцев, его начальник капитан Сергей. - А я Укротителей. Это не кличка, а фамилия моя. Она досталась нам от прадеда, работавшего укротителем диких зверей в цирке еще в конце девятнадцатого века. Он передал дело всей своей жизни моему деду, а тот, в свою очередь, - моему отцу. Нашу династию уважительно называли - укротителивы. И это слово стало, в конце концов, нашей фамилией. И запомните - я укрощал и буду укрощать вас, волкодавов, и подобных вам, бесящихся от безделья тунеядцев.

- Да ведь мы же не с русскими цапаемся, а с кавказцами, особенно с чеченцами, которые наводнили наш город, - оправдывались задержанные.

- Мне все равно, с кем вы цапаетесь. Для меня вы – хулиганы, действующие на грани преступления. И причем здесь чеченцы? Они, что задирают вас? Нет, они не трогают никого, а живут тихо, спокойно, работают от зари до зари. Не пьют, как вы, не хулиганят, не томятся бездельем. Вы не умеете жить, как они, и поэтому, завидуя им, кипите от ненависти. А за что их гнать из города? Они такие же россияне, как вы, а может быть, даже больше вас. Да и язык общения у нас один – русский, и страна у нас одна - Россия. А ненавидите вы их потому, что во многом они лучше вас, поэтому завидуете им. Я же буду защищать справедливость. Я понятно говорю? Я - Укротителей, вам - волкодавам?

- Куда понятнее...

Сергей родился и вырос в одном из микрорайонов Омска, стоящего на слиянии рек Иртыш и Омь. В нем было особенно много чеченцев. Они служили в армии, учились в вузах, ежегодно приезжали шашничать – строили, трудились на лесозаготовках. Некоторые из них оседали навсегда: демобилизовавшись, оставались работать, отучившись, - на отработку, строители - на новых объектах. Спрос на них был всегда большой. Их уважали и ценили за трудолюбие, дисциплину, рассудительность и ответственность. Чеченцы покупали дома или строились сами. Женились на местных девушках, обзаводились семьями и хозяйством. Растили детей и уже не мыслили себя вне Омска, в другом месте. Многие ездили теперь в Чечню, как на побывку к родственникам, или в отпуск, или на зиму к семьям, ради которых они и работали вдалеке от дома.

Сергей вырос среди чеченских детей и в общении с ними. Ходил в одну школу, учился в одном классе, гонял с чеченскими сверстниками мяч на школьном стадионе, купался в Иртыше, а чаще - в Оме. затевал различные игры. Дружили. Ссорились. Мирились. Все было. Главное - жили дружно. Никому никакого дела не было до того, кто ты, откуда ты, чей ты. Никому и в кошмарном сне не снилось, что когда-нибудь между ними пробежит черная кошка и в России, как и во всем мире, все станет с ног на голову. Все белое станет черным, все черное - серым. Было: человек человеку - друг, товарищ, брат. Стало: человек человеку - волк.

Сергей после школы, отслужил в армии, пришел работать в милицию. Окончил школу милиции, стал офицером. В середине девяностых был уже капитаном, начальником отделения милиции в родном микрорайоне Омска. В страшные времена межнациональной розни и нетерпимости к инородцам, в годы, когда под шовинистическим лозунгом «Россия - для русских» в его городе стали раздаваться крики «чеченцев – в их леса!», Сергей не изменил своим принципам - защищал справедливость, не давая в обиду людей, у которых научился всему хорошему, что в нем было. И, как мог, гасил ненависть к ним, главным оружием в жизни которых была лопата, мастерок, топор, пила. Хотя некоторые знакомые и даже сослуживцы и друзья стали косо поглядывать на него, холоднее относиться к нему, обвиняя его в предательстве, он не изменил себе.

Кто бы мог подумать, что жизненные пути двух этих людей, совершенно противоположных друг другу по характеру, воспитанию и настрою, когда-нибудь пересекутся в одной точке? Кто бы мог подумать, что судьбы этих людей, живших далеко-далеко друг от друга, когда-нибудь встретятся в одном месте? Кто бы мог подумать, что дороги сведут когда-нибудь этих двух ни сном ни духом не ведавших о существовании друг друга людей в одном малюсеньком уголке земли - в Чечне? Но зигзаги судьбы не предсказуемы, как неисповедуемы пути Господни. Поэтому по их воле и хотению это случилось: В.Волкодав, приехавший в Чечню во вторую чеченскую кампанию, для участия в так называемой локальной операции по контракту, был назначен командиром батальона, а С.Укротителей, командированный сюда по ротации внутренних войск,-

командиром роты того же подразделения. Закончилась это встреча трагедией для одного и очищением от скверны - для второго.

111

...Взрыв на верхней окраине села, раскинувшегося на склоне невысокой горы, на дороге, бегущей по хребту, раздался неожиданно. Прогремел он поздним вечером короткого дня в «последних числах ноября, презренной прозой говоря», как писал великий русский поэт Пушкин. Взрыв удивил и растревожил всех немногочисленных жителей мирного села, потому что в селе уже давно не было ни отчаянных боевиков, ни безбашенных ополченцев. И, хотя дыхание войны обходило до этого его стороной, многие люди покинули свои дома, стали беженцами или переехали в равнинные города и села к родственникам, считая, что там им будет среди своих безопаснее и спокойнее. Да и выживать в тяжелых условиях революционного перестроечного хаоса и войны стало трудно: местный колхоз растащили наглые люди и сельчане жили домашним хозяйством, с трудом сводя концы с концами.

На mine, установленной неизвестно кем, подорвался, как выяснилось позже, патрульный бронетранспортер федеральных войск с солдатами на борту. Мина была, по-видимому, маломощной, взрыв - не очень сильным. Бронетранспортер едва встряхнуло, осколком ранило только одного солдата, не удержавшегося на борту и соскочившего на дорогу, но последствия этого взрыва стали трагическими. В пять часов октябрьского утра в крошечной тьме федеральная бронетехника и солдаты окружили изрезанное глубокими оврагами и разбросанное по склону горы село. Рассредоточение подразделения закончилось, и начался беспорядочный обстрел села. Разбуженные канонадой и грохотом люди вскакивали с постелей, спросонок ничего не понимая, и, хватая на руки еще спящих детей, выбегали на улицы, Уже горели некоторые, к счастью, пустые дома. Кое-где раздавался женский плач. Видимо, кое-кого ранило. Но все же женщины и дети плакали больше от страха.

Обстрел продолжался долго и прекратился только около восьми часов утра, когда наконец-то рассвело. Все это время жители села стояли на улице и во дворах своих домов, на холоде, озябшие, в тревожном ожидании. Едва взошедшее солнце исчезло за плотной завесой хмурых темно-серых туч, быстро покрывших все небо. Вот-вот польется, казалось, холодный осенний дождь или пойдет снег. С деревьев, шурша, опадали последние листья. Дороги после недавних дождей так и не просохли от грязи: прошло время, когда даже после сильного ливня они быстро превращались в пыль. Сказано же очень мудро:»Летом из лужи - капля, осенью из капли - лужа».

Все это еще более усиливало беспокойство людей от неизвестности. Однако вскоре все прояснилось - началась так называемая «зачистка». В село со всех сторон двинулись солдаты, вооруженные до зубов, в сопровождении бронетехники. Они тщательно обыскивали каждый дом и сгоняли всех людей на единственную ровную площадку в центре села, на которой стояло небольшое строение, бывшего некогда сельского клуба с библиотекой. На ней же была разбита единственная в селе маленькая волейбольная площадка для учеников школы, стоящей рядом, чуть выше по склону.

Согнанных на площадку сельчан окружили хмурые, заляпанные грязью, чумазые и злые солдаты с автоматами и пулеметами. Но вины сельчан не было в том, что солдатам не дали поспать ночью, что они не мытые, усталые, голодные. Они, видимо, и понимали это, но все же им не терпелось сорвать на ком-нибудь зло.

Вскоре к площадке подъехал один из бронетранспортеров. Он остановился за спинами солдат. На него взобрался плотного телосложения человек в камуфляже, с погонами без

знаков различия. «По-видимому, офицер, командир», - решили сельчане. – «Точно, как 23 февраля 1944 года, - тихо сказал один из стариков. - И тогда была точно такая же погода. Тогда тоже шла война, но была она далеко. Сейчас же война в нашем доме. Вот и вся разница».

- Хотя я не обязан вам ничего объяснять, но все же скажу, почему мы обстреляли ваше село и проводим «зачистку» в нем. Вчера поздно ночью на окраине вашего села подорван наш патрульный бронетранспортер, - с ненавистью глядя на толпу, зло, сквозь зубы проговорил офицер. - На ваше счастье, никто при этом не погиб, а не то мы стерли бы с лица земли все село, как бандитское гнездо. Вас же всех уничтожили бы, как боевиков или пособников их, по законам военного времени. Руководством министерства обороны нам разрешено за каждого убитого солдата, который умирает за Россию, как говорит наш министр, «с улыбкой на губах», расстреливать по десять тысяч человек чеченцев, за раненого – по пять тысяч.

- Но и во всей Чечне не хватит боевиков, чтобы даже за одного убитого расстрелять. Да и всех жителей хватит только на сотню-другую убитых. А в нашем селе, как видите, даже считая грудных младенцев, нет и дести тысячной части людей, числа потребного вам для расстрела даже за одно раненого, - подал неуверенный голос старейшина села Шуни, имам мечети, бывший учитель русского языка и литературы местной школы. К тому же в нашем селе нет ни боевиков, ни ополченцев и в этом взрыве наши сельчане не виновны...

- Вы лжете! - угрожающе повысив голос, крикнул офицер.

- Не те у меня годы, чтобы врать, - ответил старейшина. Мне, старому человеку, не подобает врать, вызывая лишний раз гнев Аллаха. – А вам не подобает оскорбительно говорить со старым человеком...

- Так кто же тогда устроил взрыв на окраине вашего села?

- Не знаю. Но что это не дело наших сельчан, знаю точно. За каждого из них я ручаюсь, потому что знаю всех с детства. Никто из них не мог...

- Хватит болтовни! - грубо прервал старейшину офицер. - Все вы никогда ни в чем не бываете виноваты. Мы сейчас проверим «мог-не мог». А мину заложить - много ума не нужно. Это может сделать и волчонок десяти лет и волчара семидесяти годов. Всем молодым людям раздеться до пояса! Быстро! У меня нет времени болтать с вами, - резко приказал он.

- Это зачем еще? Да и замерзли мы... - начал было старейшина.

- Прекратить разговоры! Делайте, что говорят! - прикрикнул офицер.- Мы с вами не играть пришли в это грязьще. Сейчас мы будем выявлять боевиков, затаившихся среди вас, потому что вы умело маскируетесь: днем все вы - мирные люди, а ночью - боевики. Будем проверять правые плечи, предплечья и указательные пальцы правой руки. Если правое плечо покраснело - это след от ремня автомата. Значит, долго носил его человек, а может и сейчас носит по ночам, днем пряча где-нибудь в укромном месте. Если правое предплечье почернело или обожгло, - это от отдачи автомата. Значит, что много стрелял человек. Если на указательном пальце мозоль, - значит, много раз нажимал на курок. Если хотя бы одну из этих примет найдем на ком-нибудь, того задержим и отвезем в комендатуру, что в соседнем селе Сесна. И там они под пытками станут завидовать мертвым. Или я застрелю на месте «при попытке к бегству» по законам военного времени. С другими же проведем разъяснительные беседы в назидание всем в палатке нашего батальонного штаба, в лесочке на окраине села. Приступайте, ребята,- гаркнул офицер на равнодушно стоящих солдат.

Молодые люди медлили, поглядывая друг на друга, с раздеванием. Они не решались снимать рубашки, куртки, так как у чеченцев не принято раздеваться при стариках,

женщинах, детях, посторонних людях. Видя их смущение, старейшина сказал им чеченски:

- Делайте, что говорят. Аллах видит все это насилие и простит вас. Отвратим этим большую беду.

После этого некоторые стали раздеваться, а с тех, кто замешкается, солдаты нехотя и беззлобно сами срывали одежду, спеша по-быстрее закончить дело. Проверили всех дотошно, но, к удивлению, гневу и разочарованию офицера, ни на ком никаких примет не нашли.

- Ладно, - недовольно приказал он, - приводите их по двое в палатку. Для разъяснительной беседы. Я с другими офицерами буду там.

Этим офицером был командир батальона, проводившего «зачистку» в селе Шуни, майор Владимир Волкодав. Он даже в Чечне, на войне, не скрыл свою фамилию под псевдонимом, как все другие офицеры федеральных войск. Он и здесь в кругу задержанных «для установки личности» и в невыносимых условиях содержащихся в фильтрационных пунктах, или плененных боевиков - в камерах пыток, или при проведении «зачисток», когда часто на за что, ни про что расстреливал невинных людей, «по законам военного времени - при попытке к бегству», с гордостью повторял: «Вы, чечены, - волки, а я - Волкодав. Мне на роду написано давить вас». Но сколько веревочке не виться...

1V

Разъяснительные беседы, которые Волкодав обещал провести в конце «зачистки» с молодыми людьми «в назидание волкам, чтоб не смотрели в сторону леса», заключались в простом избииении их до полусмерти. Их по двое приводили в палатку, укладывали «лицом на пол, руки на затылок» и три-четыре солдата по приказу комбата избивали их ногами в больших солдатских ботинках, прикладами автоматов и всем, что попадет под руку. Если комбат видел, что солдаты нерасторопны и бьют неохотно, делая вид, проявляют жалость, он набрасывался на них с кулаками и матом и кричал в ярости:

- Что, хотите, чтоб я вас самих вместо этих волчат уложил на пол? Или за неисполнение приказа по законам военного времени расстрелял, как пособников боевиков.

И солдаты были вынуждены избивать в полную силу. Некоторых били так, что они самостоятельно не могли возвращаться в село и солдаты приносили их, искалеченных на всю жизнь, на носилках и, пряча глаза от людей, с бессильным укором качавших головами, быстро уходили обратно.

Вынужденный участвовать в «зачистке», Укротителей с раздражением смотрел на избииение младенцев, не принимая в нем участия. Он в душе протестовал против произвола, но не мог ни послушаться приказа, ни опротестовать его. В нем постепенно закипал гнев. Он постоянно думал, как остановить экзекуцию. Как облегчить участь этих людей, виновных только в том, что они - чеченцы.

И решение пришло неожиданно, когда ввели очередных двоих для наказания. Это были подростки хрупкого телосложения, худенькие, тоненькие как стебельки. Почти дети. Они испуганно озирались по сторонам, жались друг к другу, и были совершенно беззащитными. Когда комбат зло процедил им:

- Ложись! Лицом к земле! Руки на затылок!

Сергея вдруг прорвало.

- Волкодав, может, хватит крови? – сказал он. – Эти-то в чем виноваты? Дети ведь еще совсем...

-Что? Бунт на корабле? - взорвался комбат. - Я давно замечал в тебе симпатию к чеченам! Ты искал всегда пути к игнорированию моих приказов! Ты всегда искал пути смягчения наказания этих бандитов! Я долго терпел твои выходки! И я расстреляю тебя сейчас, как предателя, как пособника боевиков по законам военного времени. Я - Волкодав! - В ярости шагнул он к Сергею, выхватывая пистолет из всегда расстегнутой кобуры.

- А я – Укротителей - укротитель таких диких, кровожадных зверей-людоедов, как ты,- сказал спокойно Сергей и, мгновенно вскинув автомат, сделал всего один выстрел в голову командира батальона, зная, что грудь его прикрыта бронезиловым. Все присутствующие сначала ахнули в ужасе, а, спустя минуту, облегченно вздохнули, как после исполнения желания или после взятия трудной высоты. Они заулыбались и зашептали каждый по-своему:

- Наконец-то...

- Наконец-то свершилось...

- Господь услышал-таки ты наши мольбы...

- Избавились мы наконец-то от этого изверга...

- Он погиб от руки снайпера-боевика, когда мы по лесистой долине возвращались к месту дислокации батальона после очередной «зачистки». Я понятно сказал? - спросил Сергей, глядя каждому солдату в глаза.

- Куда уж яснее. Мы все так и думали, - заявили они в один голос.

- Командование батальоном беру на себя, как положено при гибели командира и как старший по званию. До решения Главного управления объединенных штабов федеральных войск в Чечне. Каким оно будет – неизвестно. Но это для меня уже безразлично, потому что моя война кончается через неделю. Если останусь жив...

После этого Сергей собрал все имеющиеся в батальоне лекарства, пошел с несколькими солдатами в село, где на площадке все еще ждали конца «зачистки» люди. Рыдали матери над избитыми сыновьями, Плакали дети их, сестры, задавая кому-то безответные вопросы: «За что? В чем их вина?» Сурово молчали старики, без слов покачивая седыми головами...

Сергей вернул не тронутыми двух подростков, отдал местному фельдшеру Ахеду все лекарства и сказал, обращаясь к сельчанам:

- Простите нас за жестокость, если сможете. Видит Бог, мы не хотели этого. Но идет война и мы обязаны выполнять приказы, Я всегда старался смягчить их, но не всегда в моих силах было сделать это...

- Мы-то прощаем вас, как людей подневольных, - Сказал за всех старейшина, Но простит ли вас Бог и совесть ваша?

- Я буду всю жизнь молить Его об этом...

После этого, минут двадцать спустя, бронетехника и солдаты, потянувшись в сторону Сесны, к месту временной дислокации батальона. Они с жадностью проглатывали свой сухой паек, смешанный с грязью, кровью и слезами.

Со слезами радости. Такими редкими на войне...

Достойные памяти народной
(Повесть-эссе в духе научного исследования)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Династия талантов. Шериповы.

Глава первая

Табу.

Из большой и дружной семьи Шериповых Джамалдина и его супруги Арубика (1) по одной версии, и Баянат (2) – по другой, в которой выросли шесть мальчиков и одна девочка, в долгие годы Советской власти известным и прославляемым было только имя одного из сыновей их - Асланбека. И то потому, что жизнь его была отдана революции, борьбе за власть Советов, за которую он и погиб в бою в 1919 году, не дожив до двадцати двух лет ровно семь дней: родился 18 сентября в 1897 года, а пал – 11 сентября 1919-го. Но, как говорили позже знавшие героя люди, его счастья, что он умер во-время и не дожидаясь до страшных и трагических тридцатых-сороковых годов двадцатого столетия. Переживи он революционные вихри, разочаровавшись в политике страны Советов, наверняка, кончил бы жизнь свою Асланбек самоубийством в 1937 году, как его лучший друг, бывший командующий Грозненской Красной Армией, герой Гражданской войны, Николай Гикало, красные партизаны которого в марте 1920 года освободили Чечню и Грозный от деникинских полчищ. Он, будучи секретарем ЦК ВКП (б) Белоруссии, был арестован в 1937 году и, не вынеся пыток, покончил жизнь самоубийством, бросившись в лестничный пролет после очередного унижительного и кровавого допроса с пристрастием. Таких случаев сведения счетов с жизнью было в те годы, по-видимому, много и поэтому все лестничные пролеты в тюрьмах НКВД и МВД СССР были забраны или решетками, или толстыми сетками, чтобы в них не могли бросаться «враги народа».

Или бы умер Асланбек, обвиненный в национализме и троцкистском заговоре, во внутренней тюрьме под пытками, как его старший брат Денилбек, очень талантливый журналист, драматург, просветитель. Или был бы он расстрелян под шум работающих автомобильных моторов во дворе внутренней тюрьмы НКВД на берегу Сунжи, как его еще один старший брат Заурбек, бывшей боец Чеченской Красной Армии, созданной Асланбеком, и красный партизан Повстанческой армии Н.Гикало, участник разгрома деникинцев в Чечне, обвиненный в антисоветской пропаганде и борьбе за отделение Чечни от СССР. Или был бы мюрид революции уничтожен чекистами, как его младший брат Майрбек, поднявший в 1942 году в горах Шатоя восстание против страны развивающегося социализма, или участником, или руководителем которого Асланбек стал бы несомненно.

Но, повторяем, его счастье в том, что он погиб во-время и именно борьбе за Советскую власть, в бою под слободой Воздвиженской, который был некогда недалеко от села Старые Атаги, на высоком берегу р. Аргун. Только поэтому Асланбек был вознесен на вершину славы – стал народным героем, символом бесстрашия, легендой, знаменем, иконой, примером для подражания. О нем слагали песни и героические илли, писали стихи и поэмы, повести и романы, ставили спектакли и снимали кинофильмы, рисовали его портреты и ему ставили памятники. Книги, написанные об Асланбеке, могли бы заполнить многие стеллажи библиотек. Его именем называли заводы и села, улицы, театры и школы. В селе Шатой, в бывшем просторном доме Шериповых, стоявшем в самом центре его, был создан и до девяностых годов прошлого века функционировал музей их. В нем хранились и демонстрировались бесценные документы о семье Шериповых и о прошлом Чечни. Это был прекрасный памятник истории с богатейшими фондами. Говорю об этом уверенно потому, что много раз бывал в этом музее, готовил телевизионные и радиопередачи о нем, вел репортажи о торжествах, проводимых в его залах: в музее принимали детей в пионеры, вручали юношам комсомольские билеты, устраивали встречи ветеранов революции, войны и труда, детские утренники, открытые уроки истории, вечера проводов в армию новобранцев. Я не раз брал интервью у красочно оформленных стендов у многочисленных экскурсантов и у потомков братьев Шериповых. В последний я записывал в музее бывшего прокурора республики Эльзу и журналиста Супьянбека Шериповых. Было это в 1993 году.

И удивительное дело: ни в одной из многочисленных книг, спектаклей, картин, публикаций и документов музея ни слова не говорилось, о братьях Асланбека, как будто он был единственным сыном в семье, рос изоляции от всех, в вакууме каком-то. В долгие советские годы на имена родных братьев нашего «пламенного борца за власть советов» Назарбека, Денилбека, Заурбека и Майрбека, которые были ничуть не менее, если не более своего возвеличенного родственника известны и знамениты в свое время, было наложено табу: одни были преданы забвению, как бывшие царские офицеры, другие – как «гнилые буржуазные интеллигенты», а все вместе – как непримиримые националисты, а значит- враги Советской власти, враги народа.

Ни слова не сказано о братьях Асланбека ни в большой повести Н. Шапумена «Юность боевая», ни в романе М. Мамакаева «Мюрод революции», ни в романе М. Лукина «Грозненский фронт», ни в очерке А. Газдиева «Асланбек Шерипов - славный герой революции», ни в многочисленных публикациях и исследованиях Советского периода, ни художественном кинофильме «Приходи свободным», ни в спектакле театра «Асланбек Шерипов» - нигде, как будто их вообще не было рядом с ним. А в своем романе «Зелимхан» М. Мамакаев вынужден был даже Денилбека Шерипова, помогшего однажды знаменитому абреку Зелимхану Харачоевскому, которого хорошо знал и, в меру сил защищал, написать письмо к карателю Вербицкому, вывести под фамилией Шараев.

Глава вторая

Позднее прозрение.

Говорить о всю правду о братьях Асланбека стало возможным только в годы пресловутой гласности и перестройки, когда вдребезги разбился, просуществовав ровно семьдесят три года «созданный волей народов великий, могучий Советский Союз». Но,

как говорится, поезд ушел: сведения о братьях Шериповых катастрофически скудны и отрывочны. Да и как им быть, если в годы двух чеченских войн музей Шериповых в с. Шатой стерт с лица земли, фонды его или сожжены или растащены неизвестными. Потомки же их одни умерли, другие разъехались по Европе. В ходе боевых действий первой чеченской войны были полностью уничтожены фонды Архивного управления и Национального музея Чеченской республики. Они частично сегодня восстановлены и продолжают возрождаться с превеликим трудом, но в них уже нет фондов семьи Шериповых. Поэтому и мало сведений о представителях ее – не известны даже даты рождения и смерти отца Джамалдина, его сыновей Денилбека, Заурбека, Майрбека, Хайдарбека и дочери Айшат, которая впоследствии стала, женой бывшего в 1919-1920-м годах красным партизаном в армии Н.Гикало, позже ставшего выдающимся чеченским писателем, историком, этнографом Халида Ошаева. Я знал ее, говорил с ней, когда бывал в гостях у них. Эта была женщина высокого роста, стройная, даже в преклонные годы сохранившая красоту. Широко образованная. Эрудированная. Интеллигентная. Гордая. тихая, немногословная. Но и она, рассказывая по моей просьбе об Асланбеке, о своей семье, ни разу не упомянула имена других своих братьев – действовал запрет даже на нее. Не говорил о них ни Халид Ошаев, ни другие старые писатели и журналисты, которые не могли не знать братьев Шериповых, которые в 1920-1930-х годах занимали довольно-таки заметные должности в правительственных структурах Чеченской Автономной Области. Действовал обет молчания и умолчания.

По всему поэтому, задумав написать об этой семье – настоящей кузнице талантов, давшей миру целое созвездие разносторонних дарований, мне пришлось собирать данные о ней буквально по крупичкам, что я и делал много лет. Я перечитал массу книг, изданных в разные годы, восстановил свои записи, перевернул множество документов. Очень хочется мне восстановить добрые имена забытых несправедливо братьев Шериповых.

Глава третья. «Отношение плевое...»

Реабилитировать и защищать наших героев я считаю необходимым потому, что отношение к ним и к деятельности их в очень трудные и сложные для Чечни времена резко изменилось в негативную, пренебрежительную сторону. Дело дошло до крайне возмутительного оскорбительного предела, до неприкрытого, демонстративного цинизма. Какими только унижительными словами не поносят и многие взрослые и, особенно – все молодые, памятник героям Гражданской войны Н.Гикало, А.Шерипову и Г.Ахриеву на площади Дружбы народов в гор. Грозном, например.

Однажды иду я по проспекту Победы мимо так называемого «Барского дома» и слышу переговоры молодого человека, вышедшего из офиса какого-то движения, которых развелось в последние двадцать в республике – хоть пруд пруди, по телефону с товарищем, наверное, с таким же сегодняшним амбициозным, самодовольным недоумком. Видимо, назначая ему встречу, он определяет место:

- Встретимся у трех дураков.

Это покорило меня и я, не выдержав, спросил с наивным недоумением:

- Скажи, пожалуйста, кто эти три дурака? Я что-то о таких не слышал, хотя вот уже без малого шестьдесят лет живу в городе Грозном.

- Да не может быть. Их же знают все – это же памятник трем мужчинам на площади в конце проспекта Победы, - изумился он моему «неведению».

- Почему же ты оскорбляешь их, называя дураками, а не говоришь гордо – «встретимся у памятника нашим национальным героям».

- А что они сделали такого, чтобы я называл их героями и гордился ими?

- Эти люди в твоём возрасте командовали армиями, отважно сражались за мою, за твою, за нашу свободу. Асланбек Шерипов командовал Чеченской Красной Армией и погиб, как мужчина, в бою в двадцать два года. Русский Николай Гикало командовал обороной Грозного в знаменитых Стодневных боях. И было ему всего двадцать два года. Ингушу Гапуру Ахриеву тоже было лишь всего двадцать три года, когда он во главе ополченцев бился с деникинцами у с. Долаково и у с. Пседах. Ты разве не знаешь об этом? И неужели не думаешь о том, что, оскорбляя их, ты дискредитируешь сразу три народа – чеченский, русский, ингушский, живущие в нашей республике? И каково было бы тебе, если на месте их стояли твои родственники, которых называли бы дураками?

Манкурт недовольно хмыкнул, пренебрежительно усмехнулся, махнул рукой и, не дослушав меня, удалился. Я ни в чем не убедил его: плохое, как сорняк, утверждается быстро и запоминается надолго, к сожалению.

Или другой случай. Молодая девушка – чеченка объясняет гостю нашего города, как пройти к Дому печати:

- Пойдите прямо по этой улице, дойдете до памятника трем дуракам, свернете направо и увидите Дом печати. Оттуда до него - рукой падать.

- Кому памятник, вы сказали? - удивленно переспросил гость. – Разве дуракам ставят памятники?

- Нет, не ставят, - вмещался я, не выдержав. – Это памятник героям Гражданской войны. Просто недалекие люди, неучи, компьютерные зомби называют их так из зависти к их славе, которой им не достигнут никогда в непредсказуемое, беспамятное время наше.

Когда гость, оказавшийся русским туристом из г. Саратова, ушел, недоуменно пожав плечами, я спросил у девушки:

- Почему ты перед гостем наградила этой презрительной кличкой наших национальных героев? Ты разве не чеченка? Ты разве слышала когда-нибудь, чтоб молодые люди других народов так называли своих национальных героев? Что о нас подумают гости? Что мы действительно дикие до сих пор, как нас обозвал почти двести лет назад русский поэт? Почему ты не сказала – «дойдете до памятника трем героям?»

- Но их так все называют и люди не понимают, когда объясняешь по-другому, - ничуть не смутилась девушка.

- Во-первых, их так называют не все, а только вы, дети социальной сети и безнравственного времени, печальное будущее чеченского племени. Во-вторых, ваше поколение, не зная и не уважая прошлое своего народа и дискредитируя своих героев, в первую очередь, унижаете себя, топчете часть и достоинство чеченцев. И, в-третьих, своим «отношением плевым» к прошлому вы убиваете свое будущее, забывая простую истину, которая гласит, что если мы выстрелим в прошлое из пистолета, то будущее пальнет в нас из пушки. Это не я сказал, так мудрые люди говорили всегда.

- Не я первая, не я буду и последней, - с бесхитростной и равнодушной уверенностью в себе сказала девушка и с беззаботной улыбкой уткнулась в монитор компьютера.

- И что ты всегда так и будешь говорить о наших героях – дураки, или?..

- Не знаю, - буркнула она безразлично, уходя снова в призрачный мир социальных сетей, где она до этого переписывалась с одноклассниками...

Правда, подшучивать беззлобно над троицей, воплощенной в камне в 1973 году лучшим в те годы мастером монументального искусства Чечено-Ингушетии Иваном Дмитриевичем Бекичевым, острословы, и подпольные диссиденты, и сочинители анекдотов начали еще в советские времена – уже года два спустя после установки памятника. Это были шутки типа:

- Два горца ведут поморца.

- Гикало и два шакала.

- Два горных орла ведут пьяного хохла и так далее.

Люди изошрялись в придумывании кличек, но никогда не опускались до гнусного оскорбления этой славной троицы героев, обзывая их дураками, как нынешние беспамятные потомки их. Они, сами того не понимая, убивают прошлое своего народа. Социальные сети, пропаганда обогащения любой ценой, пороки цивилизации, компьютеры, телефоны помutilи разум сегодняшней молодежи. Забывается живое общение, утрачиваются родственные связи, пропадает интерес к чтению книг, желание изучать историю, растет безразличие к ней. Все это целенаправленно, исподволь настойчиво, ненавязчиво, но упорно убивает память наших молодых людей, будущих хозяев Чечни, превращая их в манкуртов. С какой целью это делается, и какого результата добиваются этим наши невидимые враги – хорошо всем известно.

По всему, по этому сегодня возникла насущная необходимость восстановить славные имена наших исторических личностей, реабилитировать хотя бы посмертно тех, кто в труднейших условиях жизни в конце XIX- начале XX веков положили начало развитию Чеченской науки, литературы, журналистики, просвещения, театрального искусства. Необходимо сделать это и потому, что в последнее время молодежной среде развивается пугающая тенденция охаивания прошлого, нежелания знать историю, отвержение национальных героев былого по принципу: не то делали, не тем служили, не за то боролись. Постепенно деградируя, наша молодёжь превращается в безликую толпу, без памяти и без родства.

И опасаясь я всерьез того, что умрут представители нашего и минимум двух, максимум трех поколений после нас, и чеченская нация, утратив язык (уже сегодня людей, умеющих читать, писать и говорить на родном языке, катастрофически мало и положение ухудшается), забыв вековые традиции, культуру, национальные особенности и черты, исчезнет с лица земли, растворившись, как река в море, среди других более крупных народов, как это случилось с тысячами других в продолжении столетий.

Какое уж тут национальное самосознание, почитание героев хотя бы недавнего прошлого, когда молодые люди не только не читают книги, не слышат ни гула жизни, ни голоса вокруг, но даже друг друга не могут услышать: в ушах у них наушники, в которых беспрерывно звучит пошлая музыка, их глаза – на дисплее. Они живут в своем призрачном виртуальном мире. И наплевать им на все остальное, что происходит вокруг.

Поэтому, повторяю, и возникла безотлагательная необходимость реабилитировать хотя бы посмертно былых исторических деятелей. Таких, как братья Шериповы и Троицу

героев на площади Дружбы народов, незаслуженно шельмуемых и безвинно обзываемых всеми, кому не лень, особенно – молодыми потомками их.

Я несколько не удивляюсь ни неведению, ни незнанию, ни оскорбительно-невежественному отношению молодежи к этим трем незаслуженно поносимым героям нашей истории. Я не однажды специально ходил вокруг памятника Героям и ни разу не обнаружил ни на пьедестале, ни на гранитной стеле, стоявшей рядом, ни слова о них ни имен, ни фамилий их, ни названия площади Дружбы народов, ни слова о том, кто они такие. А ведь имена и фамилии их были выбиты на стеле из светло-коричневого гранита, но кто-то сбил их и не понятно теперь, кто такие эти безымянные и безвестные мужчины и для чего стоят, глотая выхлопные газы автомобилей и пыль, поднимаемую ими. Стоят бесприютные, не ухоженные, забытые, став героями анекдотов и обидных кличек. И злословия молодежи – откуда знать, кто они такие, если имена и дела их замалчиваются. Так и хочется крикнуть иногда: уберите этот памятник с площади, уберегите героев от издевательств, чтоб не слышали люди больше о трех дураках, стоящих на безымянной площади. Уберите, чтобы ни Николай Гикало, ни Асланбек Шерипов, ни Гапур Ахриев не переворачивались в своих могилах, слыша очередное незаслуженное оскорбление. Думаю, что это будет справедливо – реабилитировать героев хотя бы восемьдесят – сто лет спустя после смерти их.

Уберите этот безымянный и никому сегодня не нужный столп. Они погибли в первый раз: Асланбек в 1919-м, Гапур – в 1927-м, Николай - в 1937-м годах. Второй раз их казнили в первую чеченскую войну российские вандалы в форме солдат, отрубив им в буквальном смысле головы, как французы своим революционерам 1789 года гильотиной. А сегодня героев убивают десятки раз на дню их беспамятные потомки, изощряясь в глупом словоблудии.

Уверен, что мы сделаем очень хорошее дело, убрав этот памятник с площади...

Глава четвертая. Дутое самомнение.

И еще одно: чеченцы, особенно люди старших поколений, - очень тщеславный народ. Наши псевдо историки и языковеды – самоучки, которых с девяностых годов двадцатого столетия в Чечне, как и в других национальных регионах, развелось видимо-невидимо, любят чрезмерно восхвалять свой народ, полагая, что своим славословием они идеализируют и возвышают его. В годы перестройки и гласности, когда можно стало о своем народе, ранее обезличенном и приниженном, говорить и писать все, что душе угодно, все, что раньше было запрещено, пошло-поехало: бесконечным потоком полились материалы, безудержно восхваляющие величие чеченского народа и чеченского языка. На местном телевидении и радио, на страницах газет, не успевая сменять друг друга, чеченцы взахлеб сами возносили себя, вместо того, чтобы своим поведением добиваться похвалы от других народов – близких и дальних. Все выражали одно мнение, что-де нет нигде в мире, (будто бывали они во всех уголках Земли, даже те, что не выезжали никогда из своего села или аула) ни одного народа гостеприимней, свободолюбивей чеченского. Все эти восторженные рассказы были ни о чем иным, как

самоуспокоением – никого, ни в чем мы не убеждали из соседей, а только сами себя старались уверить в этом.

Помню, однажды после одной телевизионной передачи я вступил в перепалку с одним из демагогов-пустозвонов:

- У меня есть друзья и по учебе, и по работе среди всех народов Кавказа, Украины, Молдавии, в разных местах России... Часто бывая у них в гостях, всегда убеждаюсь в том, что все они не менее гостеприимней, дружелюбней, верней, милосердней, чем мы, чеченцы. Но они не кричат об этом и не славословят свои нации. И разве мы становимся лучше в глазах других народов от того, что занимаемся самовосхвалением? Разве их мнение о нас меняется в хорошую сторону от того, что мы сверх меры хвалим себя?

- Конечно, меняется, - самоуверенно ответил ура-патриот. – Они же слышат нас! Они же знают нас и восхищаются нами!

- Во-первых, соседи нас не слышат, - охладил я его горячую голову. – Во-вторых, мы знаем друг друга, чаще всего, на уровне личных друзей, товарищей, приятелей. В-третьих, восхищаются нами только друзья и знакомые наши, а не все. Большинство же имеет о нас мнение кардинально противоположное. Вот, если бы мы добились того, чтобы соседние народы говорили о нас восхищенно: «Ах, какие эти чеченцы такие-сякие да этакие!», - это действительно было бы восхвалением нас. Пока же таких слов о нас слышно, к сожалению, мало - капля в море злословия. А наше самовосхваление – это пустое: мы себя знаем прекрасно - кто мы, что мы, какие мы – чеченцы.

Или на основании совпадения некоторых слов, временами в точности до одной буквы, в языках разных народов Европы и Азии не только ближних, но и дальних, названий местностей – этнонимов, топонимов, гидронимов и так далее, интерпретируя их, разбирая по слогам, препарирруя, подгоняя под свои установки, эти горе историки, языковеды, этнографы, ничуть не сомневаясь в себе, утверждают, что все народы мира произошли от чеченцев, а все языки – от чеченского. При этом берут в расчет, что эти совпадения, несомненно, являются результатом заимствования и взаимопроникновения языков друг в друга в связи с развитием торговых, экономических, политических связей, познания культуры народов. Причем, заимствовать слова друг у друга могут не только малые народы у крупных, но и крупные народы – у малых, обогащая свои языки. И это естественно.

Утверждая свои фантазии эти историки игнорируют вопрос: как из амбициозных но малюсеньких народов – чеченцев, ингушей, аварцев и других, насчитывающих даже сегодня не более полмиллиона – полтора миллиона человека могли возникнуть такие великие народы, как почти что двухмиллиардным китайских, более миллиардный – индийский, сотни миллионные русские, французы, англичане, африканцы, жители изолированных друг от друга огромными расстояниями Америки, Австралии и т.д. Это им не досуг. До этого им не дела. Только бы, возвысить свой народ. То самое о своих народах пишут и говорят и татары, и ингуши, и аварцы и другие.

В желании любыми средствами возвысить свой народ дело доходит до абсурда. Однажды в беседе с одним таким историком я наивно сказал:

- Уж арабы, народ, избранный Всемилостивым Аллахом для ниспослания ему Корана, никак не могут быть чеченцами?

- Ну, ты и недотепа, лес дремучий, непроходимый, - воскликнул он весело.

- Как не чеченцы? Да самые настоящие наши люди. Ты знаешь, что означает слова арабы?

- Не знаю, - ответил я простодушно.

- Да ведь это чеченское слово, означающее: араба бу, араба нах бу, то есть – равнинные есть, равнинные люди есть. Так что арабы – наши люди - ветвь чеченского народа. Значит, когда-то через эти места проходили протонахи и оставили след потомков чеченцев, ставших арабами, то есть равнинными людьми.

- Почему же именно им Всемогущим Аллахом ниспослан святой Коран и именно на арабском языке, а не чеченцам – на чеченском? – не унимался я. Он немного растерялся было, но быстро пришел в себя и, сделав вид, что не расслышал моего вопроса, ответить на который он явно не мог, оставил его без внимания и продолжил уверенно:

- Я тебе больше скажу. Ты знаешь, что язык, на котором общаются воскрешенные Аллахом души всех народов в раю, - чеченский?

- Откуда ты знаешь? Ты что побывал, в раю? – удивился.

- Да как ты не понимаешь? – недоумевал он от моей непонятливости. Все люди произошли ведь от Адама и Евы. А кто такие Адам и Ева? Они чеченцы. А раз так, то язык общения в раю может быть только чеченским, согласно логике. Ты что, против, того, чтобы так и было?

Возразить я не посмел, побоявшись быть обвиненным в ереси...

Глава пятая.

Не хочу быть диким...

Не знаю, кого, как, но меня, представителя народа, имеющего сегодня своих многочисленных и широко известных ученых, писателей, художников, просветителей, деятелей различных видов искусств, нации с высокоразвитой экономикой, культурой, наукой и образованием, шагающей сейчас в ногу современной цивилизацией, удивляет тот странный факт что чеченцы и поныне с пафосом и гордостью повторяют стихи М. Ю. Лермонтова, написанные более ста восьмидесяти лет назад:

И дики тех ущелий племена:

Их бог – свобода, их закон – война. (4)

Чеченцы считают эти слова лестью и восхвалением себя и относят почему-то только за свой счет, хотя написаны они обо всех горцах Северного Кавказа. Эти слова были верны, наверное, в годы написания их, когда чеченцы действительно были еще в полудиком состоянии, когда их вынуждали воевать колонизаторы, отнимающие у них свободу и землю. Да, их богом была свобода, но их законом не была война. И, утверждая так, поэт дискредитирует чеченцев, что-де они умеют только воевать. Далее поэт просто уничивает и оскорбляет мой народ, говоря, что чеченцы «растут среди разбоев тайных, жестоких дел», что у чеченцев «поразить врага не преступление», «вернее мщение», «кровь за кровь», «и ненависть безмерна...» (5) Чем не полный портрет дикаря, бандита с большой дороги, кровожадного убийцы и ненавистника рода людского. Вот уж, действительно «злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал» (6). А ведь чеченцы всегда отличались миролюбием, дружелюбием, толерантностью, как сегодня модно стало говорить. Это видел и поэт Михаил Лермонтов («Гасуб – он был кунак мой») но вояка Михаил Лермонтов, который всегда отличался яростью и беспощадностью в схватках с горцами, командуя группой жестоких охотников – головорезов. Поэтому,

характеризуя мой народ, он подбирает самые оскорбительные слова. И чеченцы, считая их за похвалу и восхищение горцами, и по сию пору почему-то с гордостью повторяют их.

А я считаю, что эти строки оскорбляют меня и достоинство моего народа, потому что в те годы, когда Михаил Лермонтов писал свои «восхищенные» стихи о дикости племен «тех ущелий», чеченцы уже имели своих военных и политических деятелей, писателей, художников, языковедов, ученых–богословов: Шейха Мансура, Бейбулата Таймиева, Умалата Лаудаева, Александра Чеченского, Николая Чеченского, Петра Захарова, Озобая Айбулата-Розена, Ивана Цискарова, Иова Цискарова и других. Да, их было мало, но они были! И были современниками Михаила Лермонтова и он не мог не знать хотя бы, о некоторых из них, скажем об Айбулате-Розане, печатавшем стихи в «Современнике» А.С. Пушкина, герое Отечественной войны 1812 года генерале Александре Чеченском, о художнике-академике Петре Захарове, который, кстати, написал лучший портрет поэта, а тот, в свою очередь, создал о чеченском таланте поэму «Мцыри». Но Лермонтову до этого не было дела, он об этом не писал, потому что он видел в чеченцах необузданных удальцов, ему интереснее было воспевать романтику их дикой удали, храбрости, воинственного диковатого характера. И делалось это под видом восхищения чеченцами.

В конце же XIX - начале XX веков чеченский народ дал миру целую плеяду выдающихся военных политических и общественных деятелей. Это - генералы Орца Чермоев и Эрисхан Алиев, политики Таштемир Эльдарханов, Ахметхан и Исмаил Мутушевы, талантливые ученые, писатели, журналисты, просветители, режиссеры Умалат Лаудаев, Ибрагим-бек Саракаев, Шериповы – Джамалдин, Назарбек, Денилбек, Заурбек, Майрбек и другие. Дальше – больше: имена одаренных людей, цвета науки, культуры, различных видов искусств, просвещения мирового уровня, выросших в двадцатом и в начале двадцать первого веков и перечислить не возможно. Вот почему я удивляюсь тому, что до сих пор чеченцы с гордостью и бездумным пафосом повторяют стихи М.Ю. Лермонтова о том, что «дики тех ущелий племена, их бог – свобода, их закон – война», принимая их за чистую монету, восхищаясь ими. Я же принимаю их – как оскорбление, потому что не считаю себя дикарем и разбойником и не хочу, чтоб мой народ называли диким племенем.

И то, что мой народ не только древней, но и один из самых культурных, образованных и цивилизованно-развитых я хочу показать на примере одной семьи – семьи Шериповых, представители которой внесли большой, неоценимый вклад в общественную и художественную мысль Чечни 1910-1930-х годов прошлого столетия..

Глава шестая

Джамалдин Шерипов - отец.

Родился Джамалдин Шерипов, по нашим примерным подсчетам, в 1855-1857 годах в селе Гатен-Кале, недалеко от с. Шатой Аргунского округа Терской области. Видимо, он был грамотным человеком и хорошо знал русский язык. Без этого он никак не мог бы определиться в 1875 году на военную службу в качестве переводчика. Подтверждается

этот факт несколькими источниками. Так, А.М. Газдиев пишет в очерке, что Джамалдин "происходил из крестьянской семьи, около двадцати лет проработал он переводчиком, участвовал в войнах, показывая отвагу, свойственную чеченцам, дослужился до офицерского звания подпоручик и занимал низшие административные должности в Ведено" (7).

А Асланбек Шерипов подтверждает сказанное в беседе со знакомой девушкой - грозненкой в 1918 году:

"...Лена, слушая грустную мелодию, задумалась.

- Прочти мне что-нибудь из своих стихов, Асланбек - попросила она.

- Пишу стихи об одной девушке. У нее волосы цвета луны, глаза серны.

- О Асланбек! Я чувствую, о ком эти стихи. Ты прочти что-нибудь другое.

- В горах Чечни старики поют песнь об одной абреке... Я сделал ее перевод на русский язык. Отец одобрительно отозвался. Учти, что он у меня тоже переводчик, и дед был переводчиком." (8)

И еще свидетельство о том, что офицером Джамалдин был храбрым: "С горы на гору, из аула в аул несется хабар о празднестве, которое устраивает офицер кордонной охраны подпоручик Шерипов по поводу рождения сына...

...В центре почетных гостей - Джамалдин. На нем была белая тонкого английского сукна черкеска. Поверх газырей сверкали ленты с Георгиевским крестом и медалью "За храбрость". "Его фамилия выбита на мемориальной плите музейного комплекса на Щипке в Болгарии". (10)

Не только эти две награды имел Джамалдин, но и другие. Историк Константин Владимирович пишет в интернете, дискутируя, с Vovik 459: "Отец и братья Шериповы... являются примером высшей степени интеллигентности, мужества и порядочности. Отец братья Шериповых, Джамалдин Шерипов, был не просто русским офицером, он герой русско-турецкой войны, его имя вы найдете на мемориальном комплексе на Щипке. Он полный георгиевский кавалер и получил орден Святого Станислава из рук императора Александра II (11)

И, наконец, еще одна версия о должности Джамалдина в конце XXI и XX веков: «Джамалдин Шерипов родился маленьком ауле близ Шатой (6 Гатен-Кале – А. К.) Будучи офицером царской армии, он был назначен приставом аулов, расположенных вокруг Шали. Он перевез семью в село Сержень – Юрт и осел там. Но его сыновья..., получившие светское образование, жили в Грозном». (11)

Правда, написать об этом стало возможным только после развала СССР. В советские годы ну никак не мог отец славного мюрида революции, героя Гражданской войны, пламенного борца за Советы, отдавшего жизнь за новую жизнь, быть приставом, ненавистного всем. Такие герои должны были происходить из пролетарской, бедной семьи или быть сыновьями чиновников, занимавших «низшие административные должности». Писать об их нищенском существовании в царской империи – «тюрьме народов» - пожалуйста, сколько угодно.

«Отставной подпоручик Джамалдин Шерипов имел в городе (Грозном – А.К.) небольшой домик. Пенсия у него была мизерная, и жили они очень скромно. На лето семья уезжала в Шатой к родственникам». (13)

Правда остается не понятным одно: если семья Джамалдина Шерипова была такой нищей, то, как же он умудрился дать всем своим сыновьям лучшее по тем временам образование – в кадетских корпусах и реальных училищах?

В последние годы дотошные ученые-историки открыли еще одну черту жизни Джамалдина Шерипова: они, например, кандидат философских наук М. Магамадов, доказывают, что подпоручик, уйдя в отставку, стал заниматься публицистической и просветительской деятельностью, покровительствовал абреку Зелимхану. Ученый пишет, что эта деятельность в конце XIX – начале XX веков «принимает все более четко выраженную социальную направленность, а их (просветителей - А.К.) произведения – революционно – публицистический характер. В это время в самых разных российских периодических изданиях опубликовано большое количество статей братьев Ахметхана и Исмаила Мутушевых, Джамалдина Шерипов, Ибрагим-Бека Саракаева. Братья Мутушевы происходили из офицерской семьи, Д. Шерипов сам был офицером. (История Чечни с древнейших времен до наших дней в других томах Т. II Грозный, 2008. С. – 149)

Правда, ни один другой документ этот факт не подтверждает. Речь могла бы идти о Денилбека Шерипове, но он не был офицером. Офицерами были Назарбек и Асланбек Шериповы. Но в данном случае четко сказано, что это был офицер Джамалдин Шерипов – отец. Как бы то ни было, но эти данные добавляют новые штрихи к портрету неординарной личности Джамалдина Шерипова, оставившей яркий след в истории Чечни, положившей начало плеяде талантов.

Дата смерти Джамалдина тоже не известна. Но в сентябре – октябре 1919 года он еще был жив, потому что, во-первых, сын Асланбек говорит об отце, что «он у меня переводчик» - в настоящем времени. И потому, во-вторых, что в сентябре 1919 года Джамалдин принимает в Шатое тезет по погибшему сыну – Асланбеку. И было ему примерно шестьдесят четыре года. И он мог быть доволен своей судьбой – Джамалдин оставил после себя сыновей, которыми поистине может гордиться чеченский народ.

Глава седьмая Назарбек Шерипов.

Назарбек был самым старшим из шести сыновей подпоручика Джамалдина Шерипова, даты рождения и смерти которого зафиксированы в истории. «1883 г. – В селе Гатен–Кале Аргунского округа родился Назарбек Джамалдинович Шерипов, офицер, драматург, режиссер. Умер в 1920 году».- пишет, например, Абузар Айдамиров в своей «Хронологии истории Чечено-Ингушетии» (14)

Отец, понимая значение образования в устройстве судьбы человека, отдал Назарбека, по-видимому, в горскую школу, работающую в те годы в городе в Грозном. После нее он, видимо, окончил кадетский корпус или школу прапорщиков и, следуя советам отца, стал тоже офицером царской армии. Но прослужил он недолго: в 1904 году в возрасте двадцати одного года от роду Назарбек вышел в отставку, потому что в нем проснулась таланты режиссера, драматурга и актера одновременно. Это, как известно, было результатом активного посещения им спектаклей театра Евгения Багратионовича Вахтангова из гор. Владикавказа, который ставил свои первые спектакли в Грозном, потому что они были запрещены для показа в столице Терской области, и Бакинского театра оперетты, который часто выступал на сцене Дома общественного собрания в нашем городе. Назарбек не пропускал ни одно выступление артистов и в Саду Червинского (эта концертная площадка, переименованная в 1920 году в «Сад имени 1 мая», стояла на ул.

Первомайской до двухтысячного года, когда был полностью разрушен в ходе второй чеченской войны – А.К.) - звезд немого кино России Веры Холодной, Дмитрия Максимова и многих других, часто гастролировавших в г. Грозном. Все это стало постепенно менять планы молодого офицера, и Назарбек, решительно оставив свою армейскую службу, полностью посвятил себя театру. Это круто меняло семейную традицию и в то время выглядело крайне вызывающе. Но, тем не менее, творческое начало победило. Назарбек стал играть в различных театрах, любительских спектаклях, исполнял «Песню о Соколе» Максима Горького (Пешкова). Сам написал и поставил несколько пьес, как на русском, так и на чеченском языке. В числе их «Синкъерамехъ» («На вечеринке») «Ча» («Медведь»). Назарбек также осуществил постановку в русском любительском театре пьесы по рассказу М. Гаршина «Красный цветок».

Таким образом, Назарбека Шерипова по праву можно считать не только основателем чеченского драматического театра, но и основоположником чеченской национальной драматургии.

Подчеркнуть и утвердить это тем более важно, потому что уже в конце девятнадцатого-начале двадцатого веков, вопреки утверждениям советских историков, что до Октябрьской (1917 год) революции находились чуть ли не в ликом состоянии, не имея ни письменности, ни культуры, ни искусств, первые представители чеченской национальной интеллигенции пытались, по примеру других цивилизованных народов, создавать любительские театральные коллективы. Первая такая группа и была собрана Назарбеком Шериповым в 1911 году. Она сразу вышла за жанровые рамки «народных спектаклей», впервые стала играть профессиональные пьесы на чеченском языке. (15)

Первая пьеса, написана самим Назарбеком, «На вечеринке», на чеченском языке была поставлена в Саду Червинского в 1912 году. Сам автор выступил под псевдонимом «Назар-бек Гаттен-Каменский» и как режиссер постановки и сыграл главную роль в ней.

Об этом событии грозненская газета «Терский край» писала в том году:

«...В воскресенье Назар-Беком Гаттен-Калинским была поставлена на родном ему, чеченском языке, пьеса его же сочинения «На вечеринке». В пьесе выступили, кроме автора, три местных любителя-артиста, чеченцы и целый ряд танцоров и танцорок... Вещь Гаттен-Калинского написана с большим знанием сцены... Как со стороны русских, так и чеченцев в особенности, к произведению Назар-Бека был проявлен большой интерес. Публики собралось много; пьеса шла с необыкновенным успехом, что служит залогом возможности осуществления мысли Гаттен-Калинского создать труппу из артистов - чеченцев для постановки пьес на их языке...».

Другая грозненская газета «Терский край» тоже отозвалась на это великое событие в жизни чеченского народа. Она написала:

«Тихим летним днем 1912 года со стороны Сада им. 1 Мая доносилась зажигательная музыка, и в такт ей вторил звонкий бубен, зазывая грозненцев на театрализованное представление «Вечеринка», созданное первым чеченским артистом Назарбеком Шериповым. Отставной офицер царской армии Назарбек Шерипов, с юношеских лет влюбленный в театр, ещё с 1905 года пытаюсь создать чеченский национальный театр, несколько раз обращался к модным в те времена пьесам А. Чехова, Л. Андреева. Однако не подготовленному зрителю трудно было разобраться в сложных коллизиях русской драмы, и постановки Шерипова особого успеха не имели, хотя пьесы были переведены на чеченский язык, и в главных ролях выступал сам Назарбек под псевдонимом ГАТТЕН-КАЛИНСКИЙ.»

Но «Вечеринка» имела ошеломляющий успех, и не только у вайнахского зрителя. Для русского зрителя в театральное представление был введён специальный персонаж, поясняющий действие, происходящее на сцене. Помимо самого Назарбека Шерипова и других артистов в спектакле принимали участие молодые парни и девушки, пожелавшие помочь в создании чеченского спектакля. Блестящая удача театрализованной «Вечеринке» вызвала бурю эмоций в рядах зарождающейся чеченской интеллигенции. Заметно увеличилось число сторонников создания своего национального театра.

И прав историк Х.Бакаев, когда пишет, что эти факты «красноречиво доказывают, что чеченскому драматургическому театру в 2012 году исполнилось 100 лет, а не восемьдесят один год, как утверждают историки театра, и заслуга в этом принадлежит выдающемуся чеченскому культурному деятелю Назарбеку Шерипову.» (16)

И автор приведенной цитаты, а вместе с ним я, недоумеваем, почему, в то время, когда все народы сегодня делают все, стараясь отодвинуть даты своей истории возможно дальше в глубь историю, используя даже самый незначительный факт, мы чеченцы не делаем этого. Почему мы всегда отмечаем дату рождения чеченского национального театра с 1931 года, с даты навязанной советской пропагандой, - от даты его профессионального создания? А ведь дату рождения города, здания и т.д. отмечается с момента закладки первого камня. А первый камень в создание чеченского театра был заложен Назарбеком Шериповым в 1912 году организацией чеченской театральной группы и постановкой первого спектакля. И поэтому мы должны были отмечать в 2011 году не 80-летие национального театра, а в 2012-м - столетие его. Но в нас почему-то не пробуждается национальная гордость.

Происходит это потому, как правильно пишет историк, что «в истории нашего народа очень много неизученного и неясного. В первую очередь это касается отдаленного прошлого и объясняется отсутствием достаточных сведений о том или ином периоде истории. Но, к сожалению и недавнюю нашу историю, сведения о которой имеются, мы не знаем, а порой и не хотим знать. Советская власть, не хотела видеть в нас, чеченцах, образованных, интеллигентных людей, имеющих богатую, насыщенную событиями и достижениями историю. Но еще горше сознавать, что и мы сами, предаем забвению блистательную плеяду своих выдающихся исторических и культурных деятелей, которыми гордился бы любой другой народ. Между тем, в чеченской истории всегда были такие личности - яркие, неординарно мыслящие, талантливые, мужественные. В недавней истории это были, прежде всего, Таштемир Эльдарханов, Тапа Чермоев, братья Ахметхан и Исмаил Мутушевы, братья Шериповы, Бек Саракаев и многие другие. И какие бы политические катаклизмы и связанные с ними «пересмотры» нашей истории не происходили, такие люди всегда должны оставаться в памяти чеченского народа, занимая в ней заслуженно почетное место. (17)

Назарбеку Шерипову, который по праву должен считаться основоположником чеченской драматургии, режиссуры, театрального искусства, не удалось, к великому сожалению, воплотить в явь мечту всей своей жизни – создать постоянную труппу из артистов-чеченцев для постановки пьес на родном языке». Настали трудные времена: вскоре началась первая мировая война (1914г.) Глянули вначале февральская буржуазно-демократическая, затем – Великая Октябрьская социалистическая революции (1917г.), закипела кровопролитная Гражданская война (1918-1920 годы), в ходе которой, освобождая Чечню от деникинских полчищ и сложил свою голову в 1920 году Назарбек, как годом раньше его младший брат – Асланбек Шерипов. К счастью, дело Назарбека

продолжил один из его младших братьев – Денилбек, о котором разговор – ниже. В день гибели было Назарбеку всего тридцать семь лет от роду...(18)

Глава восьмая. Денилбек Шерипов.

Дата рождения Денилбека Шерипова не известна тоже. Но проанализировав периодичность появления на свет сыновей Джамалдина в период с 1883 по 1897 годы, мы рискнули восстановить, хотя бы примерно год его рождения. Так, за эти четырнадцать лет родилось четыре сына. Периодичность их рождения - три - три с половиной года. Поэтому мы предполагаем, что Денилбек родился примерно в 1886-1887 годах. Он не пошел по следам отца и старшего брата Назарбека – не стал офицером. Видимо, Денилбек окончил Грозненское реальное училище, которое размещалось до 1912 года в трехэтажном доме Мациевых на улице Барятинской. Видимо, так же, что в городе Владикавказе закончил он юридическую школу, после которой стал одним из первых чеченских адвокатов.

Все свои силы и знания Д. Шерипов направил на защиту бедных и безграмотных горцев, в том числе и вынужденных скрываться от произвола властей абреков. В их семье хорошо был известен и знаменитый мститель Зелимхан Харачоевский: отец Джамалдин часто укрывал абрека в своем доме, Денилбек помогал ему в юридических вопросах и в переписке, младшие же сыновья Заурбек, Асланбек, и Майрбек были маленькими и преданными друзьями его. При надобности Зелимхан всегда обращался за помощью к Шериповым, особенно - к Денилбеку, как и в случае написания ответа на оскорбительное письмо командира карательного отряда Вербицкого.(19)

«...Письмо (Зелимхану – А.К.) в Государственную Думу составил Ахмет-Хан Мутушев (20). Ахметхан – знаменитый абалкан (21), его уважают в Москве и в Петербурге. В данный момент (1910г.-А.К.) его нет в Чечне. Говорят, что он в Германии...

Зелимхан же не может ждать. Надо ответить Вербицкому, как можно быстрее. Через газету. Чтоб об этом ответе узнали во всех уголках России. Ответ должен быть написан грамотно, на чистом русском языке. Написать так может не каждый...

После долгих раздумий выбор Зелимхана остановился на Денилбеке, сыне Джамалдина Шерипова. Он живет в Грозном и Зелимхан часто бывает в его доме. Братья Шериповы всегда рады ему. От них всегда можно получить мудрый совет. Они много раз помогли ему в трудную минуту...» (22)

Денилбек написал письмо и отправил его в либеральную владикавказскую газету «Терек», но сказал Зелимхану, что письмо вряд ли опубликуют в газетах. И, действительно, сделать это решилась только одна газета из всех владикавказских изданий - «Терский край», обязанности редактора которой исполнил в 1910 году один из первых чеченских журналистов и писателей Ибрагим-Бек Саракаев. (23)

Популярность Денилбека – адвоката была большой, такой, что с 1910 по 1917 год, до октябрьского большевистского переворота, он возглавлял Коллегию адвокатов в городе Грозном. Кроме того, Денилбек был блистательным публицистом, издателем и просветителем.

В 1910-1912 гг. он активно сотрудничает со многими владикавказскими и грозненскими газетами – «Терек» «Терский край», «Север Кавказа» и другими. Он

разоблачает попытки представителей официальной власти представить чеченцев в образе «поголовных преступников», строящих свое благополучие на бедствиях и горе соседних народов. Не скрывая иронии, Д. Шерипов пишет: «так, если верить начальнику одного из участков горной Чечни, то у чеченцев и хлеба много, и масла, и сыра, и птицу некуда девать, и сады служат подспорьем». (24)

В конце 1911 года в Грозном появилась частная газета под названием «Терец». Ее первый номер вышел в свет 19 декабря 1911 года. В свидетельстве за №18169 от 1 декабря 1911 года, выданном на имя владельца нового издания, грозненского дворянина Мечислава Станиславовича Лембича, изложена программа газеты. Она включает следующие главные пункты: «1) Телеграммы Петербургского телеграфного агентства; 2) Заграничная жизнь; 3) Хроника местной жизни; 4) Статьи по местным и краевым вопросам и т.д. Ответственным редактором новой газеты был назначен молодой журналист Данилбек Джамалдинович Шерипов, который проживал в городе Грозном по Графове-Евдокимовской улице в доме Ганжуева.

Газета «Терец», как указано в №1 самого издания, - «ежедневная литературно-общественная и политико-экономическая газета». Цена отдельного номера - 3 коп. Редакция и главная контора газеты располагались по адресу: Граничная улица, дом Шерстобитова. Печаталась газета в коммерческой типографии Н.С. Тюкова в г. Грозном на Муравьевской улице. (25). Денилбек Шерипов на ее страницах публикует немало своих статей по вопросам просвещения, литературы, общественной мысли, знакомит читателей с богатым духовным и культурным наследием чеченского народа, призывает к свету знаний, духовно-нравственному совершенству. На страницах «Терца», как и в газете «Терский край», часто выступали местные интеллигенты.

К сожалению, издавалась газета «Терец» недолго - всего семь с половиной месяцев - с 17 декабря (вышел первый номер) 1911 года по 1-е августа 1912-го, когда вышел последний номер. Всего было издано семнадцать номеров. В августе 1912 года по причине финансовых затруднений и гонений власть предержащих она слилась с газетой «Терский край» и перестала существовать.

После ее закрытия Денилбек Шерипов активно продолжал публицистическую и просветительскую деятельность в других грозненских газетах: «Терек», «Терский край», «Север Кавказа» и других. Только в газете «Север Кавказа» он опубликован в 1913 году более десяти статей, такие крупные, как «Надвигающееся несчастье», «Наш аул», «Открытие первой школы в Чечне», «Чечня и ее горести» и другие.

Вершиной публицистического творчества Денилбека Шерипова стал «Очерк о Чечне». Написанная еще в 1922 году книга была опубликована только в 1929 году. Книга эта состояла из следующих разделов: «Природа и природные богатства Чечни», «Нравы и обычаи», «Сельское хозяйство, промышленность, торговля» и «Культурный рост Чечни». Она скорее всего была результатом переработки, дополнения, расширения тех историко-этнографических, культурно-просветительских очерков, которые были опубликованы в местных периодических изданиях еще в досоветский период.

Книга имела сложную судьбу. После издания она получила крайне негативную партийную оценку со стороны представителей официального идеологического аппарата. С резкой критикой, осуждающей общественно-политические взгляды Д. Шерипова, выступили в печати историк А.-Х. Саламов и ответственный работник Чечоблисполкома А.Салахутдинов. Они осуждали все, что появлялось в печати в те сложные годы и что не

совсем отвечало идеологическим установкам и требованиям существующего строя, было лишено классового, партийного подхода.

Книга «Очерк о Чечне» после такой жесткой предвзятой официальной оценки была признана вредной, искажающей историю чеченского народа и изъята из продажи. самого автора спасло лишь то, что он был братом героя Гражданской войны Асланбека Шерипова. (26).

Жизненный и творческий путь Денилбека Шерипова был довольно-таки тернистым и трагическим. Как многие представители старой российской интеллигенции вообще и чеченской национальной, в частности, он вначале с большой осторожностью воспринял Октябрьскую революцию. Он считал, что для лучшего устройства жизни и быта людей не обязательно использовать революционные, насильственные методы. Он занимал центристскую позицию и не отказывался от участия в общественных и государственных делах. На состоявшемся 25-26 июня 1922 года съезде чеченского народа Д.Шерипов был даже назначен помощником комиссара Грозненского округа Т. Эльдарханова. А в годы гражданской войны он был бойцом Чеченской Красной Армии, созданной его младшим братом Асланбеком, после гибели, которого в повстанческой группе Н. Гикало воевал с деникинцами до полного установления Советской власти в Чечне. В начале тридцатых годов Денилбек Шерипов входил в состав Чеченского революционного комитета, затем – Чеченского областного исполнительного комитета (Чечоблисполкома). В 1922 -1925 годах Денилбек работал так же председателем Чеченского областного суда. В эти годы он сделал немало, внедряя в создание горцев азы законов и правил нового общежития. Это требовало от него огромного мужества и самоотверженности, потому что жившие веками вольной и свободной жизнью горцы всячески противодействовали установлению над ними строгих правил закона.

Талант Денилбека Шерипова был многогранен. Помимо всего прочего он был и литератором, и деятелем театрального искусства. Он решил продолжить дело своего брата Назарбека и воплотить в жизнь его мечты о создании чеченского театра. В 1923 году Денилбек создал один из первых любительских драматических кружков в Чечне. Артистами его были молодые люди-чеченцы, учащиеся гимназий и различных училищ гор. Грозного. В их числе были: Магомед Яндаров, который в 1931 году возглавил чеченскую профессиональную студию (именно этот год почему-то считают упорно годом рождения Чеченского государственного драматического театра, а не 1912-ый или хотя бы 1923 годы), будущий писатель Халид Ошаев, Иса Эльдарханов, впоследствии ставший драматургом, Вайдат Арсамерзаева, Халид Бейбулатов, Лайла Курумова и несколько человек учителей. Самодеятельные артисты вначале ставили скетчи, разыгрывали бытовые сцены из жизни чеченского народа, играли в живых картинках юмористические рассказы и произведения устного народного творчества. То есть, их творчество все еще было связано с жанровой спецификой чеченских народных театров, получивших особенно широкое распространение во второй половине XIX века.

В эти годы Д.Шерипов проявил себя и как драматург, переводчик и режиссер. Он написал и поставил в своем кружке пьесы на историческую тему «Алибек-Хаджи Зандакский» и «Шейх Козиб» (1924г) о героической борьбе чеченского народа за свободу (27), перевел на чеченский язык повесть Д.Фурманова «Мятеж» и знаменитый роман Даниэля Дефо «Робинзон Крузо». Его трагедия «Алибек-хаджи Зандакский» была в 1927 году издана отдельной книжкой. Кроме того Денилбек собрал и публиковал несколько

произведений чеченского устного народного творчества, был составителем первого русско-чеченского разговорника.

Жизнь Денилбека оборвалась трагически, как и жизни его братьев Назарбека и Асланбека: в 1937 году все оставшиеся в живых братья Шериповы, несмотря на их большие революционные и государственные заслуги, были арестованы как члены чеченского буржуазного националистического центра, придуманного в недрах НКВД. По одним данным Денилбек был расстрелян в год большого террора, по другим - умер от истощения в пересыльной тюрьме города НКВД в гор. Караганда в 1943 году. (28)

Глава девятая. Заурбек Шерипов.

Ни год, ни день рождения Заурбека Шерипова тоже не известны. Следуя той же периодичности рождение сыновей в семье Шериповых в период с 1883-го по 1897 годы и, учитывая, что по возрасту, он был третьим ребенком, мы определяем примерно год его рождения: 1891-1892-м. И родился он тоже, по-видимому, в с. Сержень-юрт, где в то время жили его родители.

Закончил Заурбек тоже, по-видимому, Грозненское реальное училище, в котором слушатели получали глубокие знания по всем видам науки. Судим об этом по его вкладу в публицистическую, просветительскую, литературную и общественную деятельность в двадцатые – тридцатые годы двадцатого века. Ничего не известно и о том, чем занимался Заурбек и до Великой, как его называли коммунисты, Октябрьской социалистической революции. Но известно, что вначале он встретил этот, как его теперь называют, большевистский переворот настороженно и недоверчиво.

Правда, в годы Гражданской войны входил в состав Чеченской Красной Армии, созданный в 1918 году своим младшим братом Асланбеком, участвовал в знамениях Стодневных боях в гор. Грозном и в разгроме Волгского пластунского полка белоказаков на Правом (Особом) участке фронта (район улицы Первомайской и бывшего завода Фаниева – «Красного Молота» - А.К.) После смерти Асланбека и в годы нашествия деникинских войск Заурбек стал красным партизаном в Повстанческой группе войск Н. Гикало и воевал до полного установления Советской власти в Чечне 20 марта 1920 года. (29)

После установления Советской власти на Северном Кавказе и создания в 1922 году Чеченской автономной области Заурбек входил в состав Чеченского революционного комитета – вначале, а затем – Чеченского облисполкома. С 1922 по 1925 годы он заведовал отделам образования, с 1925 по 1927 годы был заместителем председателя Чеченского областного центрального исполнительного комитета (Чечоблцика). В эти годы Заурбек очень многое сделал в организации новой системы образования в Чечне. И это требовало от него большого мужества и самоотверженности, ибо горцы всячески противодействовали нововведениям и открытие советских школ проходило в острой схватке с приверженцами религиозных школ при мечетях и медресе. (30)

В 1927 году Заурбек Шерипов был назначен директором Чеченского областного краеведческого музея, созданного в ноябре 1924 года. И, надо сказать, внес огромный вклад в развитие, в пополнение и обогащение фондов музея ценнейшими экспонатами

истории, культуры и быта чеченского народа. Они пополнялись поступлениями из разных городов России, Северного Кавказа и Закавказья, в основном, картинами русских художников, сюжетно связанных с Чечней. В их числе был и знаменитый «Автопортрет в бурке и с ружьем» нашего первого художника, академика живописи Императорской Академии художеств России, «чеченца из Дады-юрта» Петра Захарова, переданный в наш музей из Третьяковской Галереи в 1929 году по личной просьбе Заурбека Шерипова. Будучи хорошим организатором, он активизировал собирательскую и исследовательскую работу сотрудников музея и добился больших успехов и в этом деле. Он работал директором музея около семи лет. (31)

Как и старшие братья Назарбек и Денилбек и младший – Асланбек, Заурбек тоже был наделен, помимо дара администратора и блестящего организатора, талантом литератора, публициста, языковеда и исследователя. В двадцатые-тридцатые годы, а именно в 1927 году он написал первым в Советское время краткий историко-биографический очерк о первом имаме Чечни «Шейх Мансур», который был опубликован в книге «О тех, кого называли абреками» в том же году. Заурбек собирал и публиковал произведения устного народного творчества, писал учебники для школ. Особое значение для освоения населением русского языка и для переводческой деятельности начинающих писателей имело составление и издание в 1928 году Заурбеком Шериповым русско-чеченского словаря, в котором было более 4500 слов, и чеченско-русского словаря (32)

Жизнь З.Шерипова - выдающегося представителя чеченской интеллигенции начала двадцатого века из семьи Шериповых тоже оборвались трагически: в 1937 году Заурбек был арестован, его следы теряются в тюрьме НКВД. По-видимому, он был расстрелян в том же 1937 году, как член антисоветской националистической партии и как борец за отделение Чечни от Советского Союза, по пресловутой статье 58 Уголовного Кодекса РСФСР – универсальной в своем применении. (32)

Глава десятая. Асланбек Шерипов

Яркий и неизгладимый временем след оставил Асланбек Шерипов – политический, государственный и военный деятель, писатель, публицист, переводчик и исследователь устного народного творчества в истории чеченского народа

Явился в этот мир и покинул его Асланбек Шерипов в одном и том же месяце: 18 сентября 1897 года он родился, а 11 сентября 1919 года погиб, ровно неделю не дожив до своего двадцатидвухлетия. О дне рождения будущего героя в документальной повести Н. Шипулина «Юность боевая» читаем: «Из Сержень-Юрта в Шали, припав к холке коня, несся всадник. Гонец вез радостную весть офицеру Шерипову: жена Арубика родила ему сына. Есть теперь у Джемалдина еще один наследник. В горах вырастет еще один джигит. Известие обрадовало Джемалдина, гостившего у Шалинского старшины. Он тепло обнял гонца, дал ему горсть серебряных монет и заспешил домой взглянуть на наследника».

Мальчик рос смышленным, рано научился читать и писать по-русски. В 1909 году Асланбек был определен в Полтавский кадетский корпус, где готовили детей офицеров для поступления в офицерские школы.

Началась Первая мировая война, в г. Полтава резко ухудшилось отношение к инородцам. И, по просьбе сына, отец перевел его в 1915 году в пятый класс Грозненского

реального училища, которое Асланбек окончил в июле 1917 года. Свершилась Февральская буржуазно-демократическая революция, в стране (в том числе в Чечне) царили анархия и хаос, вспыхивали кровопролитные межнациональные стычки. Дело шло к Октябрьской социалистической революции.

В Грозном снова резко активизировались националистические вылазки, которые начались сразу же после Февральской буржуазно-демократической революции (9 февраля 1917 года). Бывший одноклассник А. Шерипова по реальному училищу, ставший впоследствии одним из лучших языковедов Чечни, Ахмад Мациев вспоминал: «В начале Февральской революции учащиеся реального училища собирались по национальным признакам и устраивали летучие митинги. В классах вывешивались лозунги: «Армения для армян!», «Чечня для чеченцев!», «Грузия для грузин!» и т. д. И вот однажды к нам в класс пришел Асланбек и заявил: «До тех пор, пока мы будем кричать «Армения для армян!», «Чечня для чеченцев!», у нас не будет ни Армении, ни Чечни. Задача состоит в том, чтобы всем вместе идти рука об руку!». Уже тогда он оказался мудрее и прозорливее нас, потому что убедил всех, что только вместе мы добудем свободу и для чеченцев, и для армян, и для грузин – для всех народов Кавказа».

Конечно же, Асланбек не мог остаться в стороне от бурных октябрьских событий. После окончания училища он сразу же включился в общественно-политическую деятельность. Не зная отдыха и усталости, разъезжал он по селам, аулам, хуторам Чечни, разъясняя горцам суть и смысл новой власти, цели и задачи революции (Великой октябрьской социалистической – А.К.), которые вначале были, в общем-то, привлекательными для трудового народа.

И не было предела мужеству и вере не по годам мудрого, убедительного и целеустремленного Асланбека Шерипова. Об этом говорит и то, что он был единственным чеченским делегатом Второго съезда народов Терека, состоявшегося в Пятигорске с 16 февраля по 4 марта 1918 года.

Горские и казачьи контрреволюционные верхи предприняли все, чтобы не допустить на съезд делегатов Чечни. Находившийся в то время в Чечне будущий самозванный имам Узун-Хаджи даже грозил отрубить голову Асланбеку Шерипову, если он осмелится поехать на большевистский съезд. Но для Асланбека не существовало никаких преград. С огромным риском для жизни он сквозь казачьи окопы пробрался через ингушские селения в г. Беслан и 23 февраля 1918 года прибыл в Пятигорск. Таким храбрым, отчаянным и упрямым Асланбек Шерипов оставался всю свою жизнь. И с этого дня он принимал участие во всех съездах народов Терека, по несколько раз выступая на каждом из них.

В 1918 году Асланбек Шерипов создал первую Чеченскую Красную Армию и стал ее командующим. Много ратных подвигов было на счету отважных конников. Когда в Грозном начались знаменитые Стодневные бои с белоказаками Г. Бичерахова и возникла опасность окружения города, Чеченская Красная Армия первая пришла на помощь его защитникам и, заняв линию обороны от кирпичных заводов на берегу реки Сунжа (район нынешнего моста на ул. им. Жуковского) до Ханкальского ущелья, не дала сомкнуться гибельному кольцу вокруг Грозного, обеспечила коридор, по которому рабочие отряды непрерывно снабжались всем необходимым: оружием, боеприпасами и продовольствием. Об этом комиссар военного отдела Совдепа Грозного И. Сафонов писал чрезвычайному комиссару Юга России С. Орджоникидзе: «На помощь защитникам города пришла Чеченская Красная Армия под командованием Асланбека Шерипова. Она рассредоточилась в районе городских садов (ныне район пос. им. Калинина. – А.К.) и

несколько южнее, прикрывая собой расстояние незамкнутого белоказаками кольца. Пополнение данной армии и защитников города продолжается за счет аульной чеченской бедноты».

В городских схватках Стодневных боев конница А. Шерипова появляется то тут, то там в самую критическую минуту и спасает положение. Участвовала Чеченская Красная Армия и в последних решающих боях за город Грозный в ноябре 1918 года. Город был освобожден полностью, а белоказаки были отброшены за реку Терек.

Но недолго длилась радость победы. Уже в январе 1919 года в Чечню вошли деникинские войска, очень скоро «прославившаяся» своей жестокостью. Красным пришлось оставить город, и Асланбек Шерипов размещал красноармейцев по селам и аулам Чечни. Уже в конце года в Шатое собралась сильная, хорошо вооруженная грозненская группа терских повстанческих войск под командованием Н. Гикало и начались бои за освобождение Чечни от деникинских оккупантов. В одном из них у бывшей крепости Воздвиженской (недалеко от с. Старые Атаги. – А.К.) и погиб славный сын чеченского народа Асланбек Шерипов.

М. Мамакаев в своем романе «Мюрид революции» об этом его последнем бое писал: «Перестроившись и получив подкрепление, деникинцы снова шаг за шагом стали приближаться к окопам красных. Положение партизан становилось отчаянным: патроны были на исходе. Вдруг за клубилась пыль на дороге. Это мчались всадники Шерипова с обнаженными клинками. На ветру, словно крылья, развевались полы их черкесок и разноцветные башлыки. Вся степь оглохла от протяженного и неистового «вур-р-а!». От неожиданности белогвардейцы повернули назад, оставляя на поле раненых.

И тут вперед вырвался всадник в серой папахе на горячем коне. Размахивая в воздухе высоко поднятым над головою маузером, он опередил знаменосца. «Асланбек! Асланбек!» – закричали горцы. Стремительно мчавшийся конь Шерипова внезапно вздыбился, преграждая путь отступающим белогвардейцам...

– Солдаты! – крикнул юноша, во весь рост поднимаясь на стременах. – Сдавайтесь, и вы будете свободны! Я – Асланбек!.. – и вдруг резко смолк, сраженный выстрелом из зарослей кукурузы...

С этого рокового дня остался жить Асланбек Шерипов в памяти народной как национальный герой, как политический, государственный и военный деятель.

Но, к сожалению, сегодня мало кто знает, что Асланбек Шерипов был и литературно одаренным человеком. И талант его имел много ярких граней: он был не только блестящим оратором, но и талантливым поэтом, переводчиком, публицистом, страстным исследователем истории и фольклора чеченского народа, красноречивым выразителем интересов, настроений и чаяний горской бедноты. Его выступления и статьи отличались страстностью, правдивостью, ясностью и предельной убедительностью. Свое искусство оратора, мастерство публициста, талант литератора он поставил на службу интересам трудящихся горцев.

Раскрываться его поэтический и переводческий дар начал еще в детстве, - в годы учебы в Полтавском кадетском корпусе. Один из его однокашников по корпусу, который был чуть старше Асланбека и учился на два курса выше, писал впоследствии, что Асланбек «часто общался со мной, потому что я был грузином, советовался со мной. Он производил впечатление безумно храброго человека. «Такие храбрецы долго не живут» - часто думал я про себя. Он уже тогда писал стихи, но стеснялся показывать их мне. Я, когда он был на занятиях, тайно брал тетрадку его и читал их. Они были по-детски

наивными, но по-взрослому серьезными и хорошими. Я не говорил об этом Асланбеку, чтобы не смущать его».

Особенно ярко ярко многогранный талант Асланбека-литератора засверкал в годы учебы в Грозненском реальном училище, которое он закончил в 1917 году «с отличными показателями в учебе и прилежным поведением». Будучи учеником реального училища А. Шерипов много читал, изучал и хорошо знал не только русский, но и немецкий и французский языки. Художественная литература расширяла кругозор юноши, учила его лучшему пониманию жизни. В реальном училище он увлекается также историей. Он самостоятельно изучает историю героической борьбы горцев за свободу и независимость. В 1916 году он написал реферат по истории кавказских войн. С этим рефератом Асланбек выступал в Грозном, Нальчике, Владикавказе. В 1917 году реферат был переработан в очерки по истории завоевания Кавказа и подготовлен к изданию. Эта работа Асланбека Шерипова, к сожалению, пока не найдена. Сохранились лишь предисловие и послесловие. Судя по предисловию, автор очерков стремился “дать понятие о причинах событий и характеристику их, описательную же сторону... по возможности старался оставить в стороне”».

О том, что талант Асланбека Шерипова пробудился рано, говорил и другой исследователь истории чеченской литературы, кандидат филологических наук Л. Ибрагимов. Он писал: «Еще в годы учебы в кадетском корпусе Асланбек понял важность художественного слова как средства духовного пробуждения народа. В 1916 году в газете «Терек» он поместил ряд чеченских народных песен в переводе на русский язык. О том, какие фольклорные герои были особенно интересны ему, Асланбек говорит в предисловии к книге «Из чеченских народных песен»: «Власть терроризировала мирное население, а абреки терроризировали эту власть. И, конечно, народ смотрел на абреков как на борцов против притеснений и зверств власти. Вот этот характер политического протеста и борьбы с властью придавал абрекам в глазах народа ореол национальных героев, что в свою очередь отразилось в песнях».

Слушая, записывая и обрабатывая чеченские героические песни почти с детских лет, Асланбек Шерипов имел их немало в своей объемной тетради, но перевести на русский язык и издать в 1918 году во Владикавказе успел только три из них в сборнике «Из чеченских народных песен»: «Абрек Геха», «Юсуп, сын Мусы» и «Асир-абрек», которые претерпели значительные изменения при переводе на русский язык. В основе песни «Абрек Геха» – история гибели известного в народе удальца.

Чувствуя приближение «красавицы-смерти... в последней страстной молитве к Аллаху вылил он всю свою душу и приготовился к последней абреческой игре – к веселой игре со смертью. И огнем зажег геройский Геха души людей, и огонь тот спалил и разметал всю гниль людских сердец... Ободренный женщиной, которая удесятила силу Гехи, он бился с безграничной отвагой... Он играл своим смертельным оружием последнюю лебединую песню абрека – песню о красивой смерти... И абрек Геха погиб красивой смертью, погиб победителем. Ибо победитель не тот, кто сражает врага, а тот, кто в жертву борьбе, на верную смерть без раздумий бросает душу и тело свое...».

Из этих трех песен и сюжетом, и развитием композиции, и идеей, и мятущимся характером героя особо выделяется песня «Асир-абрек». Это дает повод некоторым исследователям творчества Асланбека Шерипова говорить в данном случае об авторстве его. Своеобразие сюжета и композиции песни «Асир-абрек» позволяет утверждать, что мы имеем дело с собственным (авторским) произведением А. Шерипова, созданным по мотивам чеченских героико-исторических песен.

«Дело в том, – писал Л. Ибрагимов, – что в «Асир-абреке» Шерипова впервые в истории этого жанра чеченской литературы фиксируется герой, абсолютно оторванный от нужд и чаяний народа, живущий лишь для себя, для удовлетворения собственных страстей. Традиционная идея песни-илли, утверждающая общенародную консолидацию, единение с народом в переводе претерпевает заметное изменение. На первом плане – идейный разлад между героем-одиночкой и серой толпой».

Тут для ассоциации приходят на память подобные мятежные герои из мировой и русской литературы: Чайльд-Гарольд Дж. Байрона, Вертер И.В. Гете, Алеко А.С. Пушкина, Лойко Зобар М. Горького, произведения которых А. Шерипов, несомненно, хорошо знал. Но ему хватило ума не приравнять к ним своего героя, а сохранить его национальную особенность. В этом тоже выразилось мастерство – поэтическое мастерство! – Асланбека Шерипова.

Поэтому, если в мировой романтической литературе герой – это гордый одиночка-аристократ, потерявший цель жизни или не нашедший ее, то своеобразие и историческая достоверность идейного разлада чеченского героя-одиночки причинно обусловлены. Асир и европейский аристократ – дети разных культур и цивилизаций, разного уровня общественного сознания».

И все же доминирующей темой в песне «Асир-абрек», по мнению некоторых исследователей творчества Асланбека Шерипова, является безответная любовь. В отличие от романтических героев А.С. Пушкина и М. Горького Асир не убивает свою возлюбленную за то, что она предпочла ему другого, а приводит ее в дом любимого ею человека. Обостренное чувство благородства не дает ему поступить по-другому.

Асланбек Шерипов не только глубокий знаток устного творчества, истории и народной жизни, но и мастер слова. Возьмите любую его речь, статью, записку, письмо, переводы песен и т. д., вы сразу же увидите, как ярко, цветисто, просто и образно, с использованием всего богатства оттенков русского языка, который он прекрасно знал (как, впрочем, и чеченский), написано все. Он тщательно отделявал и шлифовал каждое свое произведение, всегда находил точное, емкое, единственное слово и ставил его там, где оно должно было стоять. Каждое сочинение Асланбека Шерипова говорит о том, что оно создано человеком большой требовательности, который четко знает, что хочет сказать и кому это говорит. И сообразно этому и слова подбирает, и произведение строит, что говорит о том, что язык его был очень богат, что изучал он его серьезно.

Вот пример, первый попавшийся отрывок из его речи: «Мы, горцы Кавказа, в течение последних столетий (написано в 1918 году. – А.К.) жили уединенно и были отрезаны от всего мира, не имели общих интересов с Россией, ибо Россия была для нас тем бронированным кулаком, который раздавил нашу свободу. Россия ради самодержавной политики награждала наших изменников и шпионов землей, для чего сносились целые аулы. Мы никогда не могли простить, что предатели и изменники народа получили благодарственную бумагу с возведением в потомственное дворянство... История нашей борьбы за свободу написана народом... собственной кровью. Знайте, товарищи и граждане, мы вместе со всеми пойдем защищать свободу... Пойдем потому, что на языках горских племен приветствие говорит: будь свободен! Приходи свободным! Пойдем потому, что империализм Турции, Германии заинтересован не в нашем освобождении, а в захвате природных богатств и нефтяных недр нашего края».

Такими жемчужинами прозы, публицистики, переводов и ораторского искусства наполнено все литературное творчество Асланбека Шерипова. Мы хотим, чтобы все об этом знали.

Глава одиннадцатая. Майрбек Шерипов.

Майрбек Шерипов родился в 1905 году в городе Грозном, где уже постоянно жила семья вышедшего на пенсию подпоручика Джамалдина Шерипова. Видимо, уже в советские годы он продолжил начатую в Грозненском реальном училище учебу в рабочем факультете при Грозненском нефтяном институте и закончил юридическую школу во Владикавказе. Предполагаем мы так потому, что он до 1938 года работая адвокатом в Коллегии адвокатов республики. Еще в юности (в 1923 году - А.К.) вступил в ВКП (б).

В 1938 году, как и другие его братья, Майрбек Шерипов был арестован по стандартному обвинению в «антисоветской пропаганде» (статья 58, п.п. 1-11 Уголовного кодекса РСФСР). В то время как другие братья были расстреляны или осуждены и умерли в тюрьме, он был в 1939 году выпущен на свободу за недоказанностью улик. До 1941 года он работал Председателем Лесного промышленного совета ЧИАССР – по одним данным, (33) или прокурором республики – по другим (34).

В 1941 году М. Шерипов переехал в родное село Шатой и, предчувствуя новый арест, перешел на нелегальное положение и начал вооруженную борьбу против Советской власти. Девизом его были слова: «Мой брат погиб, утверждая Советскую власть, а я умру, уничтожая ее». Об его освободительной деятельности в 1941-1942-м годах источники пишут, называя, естественно, все националистическое повстанческое движение контрреволюцией, а всех повстанцев – бандитами:

В начале Великой Отечественной войны на «территории ЧИАССР были отмечены яркие проявления националистического повстанческого движения», где такие группы, по данным НКВД, «в основном носили контрреволюционный характер» и имели «широкую пособническую базу». Наиболее заметными лидерами этого движения были перешедшие к середине 1941 г. на нелегальное, положение Х. Исраилов, Д. Муртазалиев и М. Шерипов, которые вели активную работу по срыву мобилизации в Красную Армию и других оборонных мероприятий». (35)

Недовольство Советской властью ополченцев и их руководителей было вызвано в том числе и бесправием, творимым ею над чеченским народом, и не допустимыми формами борьбы с «бандитизмом». Так, в начале сентября 1942 года несколько отрядов Красной Армии сожгли два невинных чеченских аула. Это было акцией возмездия за то, что бандиты-жители этих аулов участвовали в нападении на группу красноармейцев. (36).

Такие меры лишь способствовали эскалации противодействия горцев советским властям. Заместитель начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД Руденко к числу главных причин расширения повстанческого движения относил «допускаемые перегибы в проведении чекистско-войсковых операций, выражающиеся в массовых арестах и убийствах лиц, ранее не состоявших на оперативном учете и не имеющих компрометирующего материала». (37)

В ответ на все это, Майрбек Шерипов создал подпольную организацию, установил связь с религиозными и тейповыми авторитетами. Основной базой организации был Шатоевский район ЧИАССР. Для своего начавшегося складываться повстанческого

формирования М.Шерипов искал наиболее подходящие формы, несколько раз менял название организации: «Общество спасения горцев», «Союз освобожденных горцев», «Чечено-ингушский союз горских националистов» и, наконец, «Чечено-горская национал-социалистическая подпольная организация». М.Шерипов, находясь во главе Леспромсовета, мог достаточно свободно заниматься конспиративной деятельностью, потому что его должность предусматривала поездки в лесные промышленные хозяйства, в Горную Чечню. Отряд свой он собирал на территории Шатоевского, Чеберлоевского и части Итум-Калинского районов.

Программа его заключалась в том, чтобы объединить разрозненные мелкие группы чеченских повстанцев и поднять их на вооруженную борьбу против Советской несправедливой власти. Восстание, спровоцированное, по некоторым данным, сотрудниками НКВД Чечено-Ингушской АССР, началось в конце 1941 года. Чекисты раздули число его участников до фантастического количества и для подавления восстания в Чечню были стянуты подразделения Красной Армии и войск НКВД с артиллерией и авиацией. Это была тщательно подготовленная специальная войсковая операция, которая длилась более двух месяцев. В результате ее в бое столкновении под селом Итум-Кали Майрбек Шерипов был убит, а все повстанцы - расстреляны. Случилось это в 1943 году(38)

А. Авторханов писал о повстанческой деятельности М. Шерипова, которого знал с детских лет: Майрбек был только на три-четыре года старше Абдурахмана.

«В октябре 1941 года начался, второй суд надо мной... Время для меня было явно неблагоприятное. Немцы подошли к Москве, в горах Чечни бушевали два параллельных народных восстания, возглавляемых моими друзьями Майрбеком Шериповым в Шатое и Хасаном Исраиловым в Галанчоже... Поэтому я шел на суд без какой-либо надежды на вторичное освобождение...» (39)

И далее: « К началу 1942 г. Исраилов и Шерипов договорились о координации действий обоих повстанческих отрядов, что привело к полному освобождению всей горной Чечено-Ингушетии. Советское правительство узнало через своих агентов, что оба руководителя восстания планируют расширение зоны восстания за пределы горной Чечено-Ингушетии в соседнюю горную Грузию и горный Дагестан, а то и на других соседей - Осетию, Кабардино-Балкарию и Карачай. Обеспокоенное этими тревожными сообщениями и ввиду явного роста антисоветского настроения среди населения названных соседей Чечено-Ингушетии, советское правительство решило принять более крутые меры. Крутые меры сводились к тому, чтобы на место не справившихся сил войск НКВД перебросить в горы крупные армейские соединения. С закавказского и северокавказского фронтов сняли несколько дивизий и ввели в горы с обеих сторон - с юга и с севера. Заодно обком партии получил указание ЦК объявить всю чечено-ингушскую партийную организацию мобилизованной и составленные из ее членов «боевые дружины» ставить под командование армии». (40)

Так трагически закончилась жизнь и Майрбека Шерипова. Он погиб не в бою, как Назарбек и Асланбек, а пал от рук НКВД, как Денилбек и Заурбек.

Глава одиннадцатая.

Продолжение

От автора. Приемы НКВД, которые применялись чекистами для дискредитации повстанческой деятельности М. Шерипова. Источники: книги доктора исторических наук Мусы Ибрагимова «Чеченцы: выселение, выживание, возвращение» (Грозный, 2015) и Клауса Фритцше, Юлии Нестеренко «Волкодавы» Берии в Чечне...» (М., Эксмо, 2012)

11 июля 1943 года была совершена неудачная попытка покушения на Майрбека Шерипова. После этого НКВД решил дискредитировать М.Шерипова.

Было арестовано несколько членов его организации. На допросах им сообщили, что они все были выданы М.Шериповым. Затем Мачеку Байсаеву и Хамзатову были разрешены свидания с женами. Они сообщили через жен о виновнике своего ареста. В Горной Чечне распространили, что Шерипов сотрудничает с госбезопасностью. Население стало отказываться от сотрудничества с Шериповым, отказывать ему в предоставлении убежища, в снабжении продуктами. Но Шерипов в августе 1942 г., видя, что наступает благоприятный момент, развил большую активность. Несмотря на слухи, он пытался устанавливать контакты со старейшинами тейпов и религиозными авторитетами, надеясь опереться на их сторонников.

На август-октябрь 1942 г. приходятся самые крупные выступления повстанцев. Причина очевидна – это было время наибольшего продвижения вермахта вглубь СССР, когда немцы вышли на Волгу. На Кавказе наиболее южной точкой продвижения вермахта стал Малгобекский район Чечено-Ингушетии. Но он несколько раз переходил из рук в руки. 25 августа 1942 г. немецкие части ворвались в Моздок и продолжали наступление в направлении города Орджоникидзе. До Грозного оставалось менее ста километров. В ЧИАССР было объявлено военное положение. Все население Грозного и прилегающих районов было мобилизовано на строительство укреплений – все мужчины и женщины от 16 до 60 лет. Самовольный уход с работы или один прогул приравнивался к дезертирству и наказывался от 10 лет лагерей вплоть до расстрела по законам военного времени...

16 августа 1942 г. Начальник отдела по борьбе с бандитизмом УНКВД ЧИАССР И. Алиев отозвал из райцентра Шароевского района опергруппу НКВД и войсковое подразделение. На следующий день на райцентр напал отряд М. Шерипова, районные учреждения были разгромлены и подверглись грабежу. О готовящемся нападении М.Шерипова было хорошо известно Алиеву и Наркомату НКВД ЧИАССР. После этого началась оперативная разработка И.Алиева. Из показаний арестованных постепенно выяснилось, что у него имеется налаженная связь с руководителями повстанческого движения. Такие показания дал, в частности, бывший начальник Шароевского райотдела НКВД Чечено-Ингушской АССР Пашаев А.Х. Он утверждал, что слышал от М. Шерипова имена связанных с ним сотрудников НКВД. Это были имена Идриса Алиева, его сотрудника Худаева, а также Хасаева Джебраила – начальника милиции Итум-Калинского района, Межидва – начальника райотделения НКВД Итум-Калинского района ЧИАССР, Исаева – начальника Шатоевского РО НКВД и Исаева Бахо – начальника Чеберлоевского РО милиции. С Идрисом Алиевым и Худаевым существовала договоренность, что перед нападением М.Шерипова на тот или иной населенный пункт они будут отзывать из этого пункта опергруппы НКВД. Как видно из этого списка, в сговоре с повстанцами М.Шерипова было практически все руководство горной Чечни. Из-за этого Идрис Алиев летом 1943 г. был вызван в Москву и арестован там...

Масштабы «крупного восстания» М.Шерипова очень сильно преувеличены самими сотрудниками НКВД в докладных записках в Москву методом роспуска ложных слухов и

созданием лжегрупп, внедряемых в повстанческое движение его... («Чеченцы...», С.- 87-88, 96-97)

Если чекисты, дискредитируя его, рисуют образ М.Шерипова как отпетого бандита, недалекого человека и неудавшегося руководителя, то совсем другого мнения о нем герои книги «Волкодавы» Берии в Чечне», члены лжегруппы немецких диверсантов, созданной НКВД, Гроне и Нестеренко. Они рассказывают:

Через пару дней (после заброски в горы – А.К.) Петров (кадровый офицер НКВД, командир лжегруппы – А.К.) встретился и с самым Майрбеком Шериповым. Говоря словами расхожего газетного штампа, «беседа прошла в теплой, дружеской обстановке»... Мнимый оберштурмфюрер СС (его представлял кадровый офицер НКВД – А.А.) передал повстанцам горячий привет от германского командования, заверил во всесторонней поддержке и объявил о скором прилете «важного посланца из Берлина».

Однако ему удалось произвести нужное впечатление на горцев. Вот только сам Шерипов на него косится. Не хочет делить власть? А власть немаленькая: Шерипов хвастается, что у него около 15 тысяч повстанцев под ружьем. Может, врет, а может, и нет. Наверняка сам хочет стать во главе правительства Чечни, а тут приперся какой-то Осман из абвера... Заметно, что Майрбек сам себе на уме, только и смотрит, как бы нашего «засланца» вокруг пальца обвести...

Вообще М.Шерипов производит впечатление очень умного и хитрого человека, хорошего организатора и изворотливого политика. Была у него, как сейчас сказали бы, такая сильная харизма и умение увлечь за собой людей. И даже родство с братом-революционером Майрбек сумел повернуть так, что сам выглядел не предателем, а продолжателем его дела. Он говорил: «Мой брат, Шерипов Асланбек, в 1917 году предвидел свержение царя, поэтому стал бороться на стороне большевиков, я тоже знаю, что Советской власти пришел конец... Безусловно, Майрбек был талантливым конспиратором... Умелой агитацией Шерипов сумел привлечь на свою сторону даже районных партработников...

(«Волкодавы»... С.-185-186)

Глава двенадцатая. Хайдарбек Шерипов.

О Хайдарбеке Шерипове – третьем сыне Джемалдина – известно совсем немного. Да и это на уровне никакими документами не подтвержденных отрывочных рассказов потомков Шериповых, которых давно нет в живых. Эти воспоминания никогда и никем не записывались, потому что все Шериповы, кроме Асланбека, были в советские времена заклеены, как буржуазные националисты, и на имена их было наложено табу. О нем и сегодня говорится мало, потому что, во-первых, след, оставленный им в истории чеченского народа, незначительный; во-вторых, он совсем не известен и, в-третьих, - говорить и писать о нем некому. Мы же пытаемся это сделать, чтобы внести хотя бы несколько ранее неизвестных штрихов в биографию этой удивительной семьи.

По этим отрывочным сведениям выходило, что Хайдарбек был моложе Денилбека, но старше Заурбека. Тогда мы предположили, что он родился в 1890-1891 годах. Был он, по воспоминаниям родственников, тоже офицером статным мужчиной, имел отчаянно

смелый, независимый, гордый и вспыльчивый характер, который часто становился причиной его трагедий. Так, еще перед началом первой мировой войны в офицерском собрании, повздорив со старыми офицерами-монархистами, Хайдарбек, недовольный политикой царя в Чечне, демонстративно плюнул в портрет Помазанника Божьего на земле. За оскорбительное отношение к персоне Его Императорского Величества был арестован и осужден.

Известно, что Хайдарбек приветствовал Февральскую буржуазно-демократическую революцию 1917 года. Принял он и Великую Октябрьскую социалистическую революцию 1917 года, потому что ему по душе пришлись лозунги ее: «Хлеб – голодным! Землю – крестьянам! Фабрики – рабочим!». Он даже вошел в Продовольственный комитет по снабжению голодающих городов продуктами. Он был честным и неподкупным и поэтому в одной из ссор с нечистыми на руку членами комитета был убит в 1918 году.

Глава тринадцатая. Супьянбек Шерипов.

Майрбек Шерипов, нам кажется, единственный из братьев Шериповых, оставивший наследника. Асланбек Шерипов погиб двадцать два года, так и не успев жениться, а были ли женаты Назарбек, Денилбек, Заурбек и были ли у них дети никому не известно. У Майрбека же был сын – Супьянбек, которого я знал, с которым не раз общался. В последний раз я брал у него телевизионное интервью в музее Шериповых в селе Шатой 18 сентября 1992 года – в день девяноста пятилетия со дня рождения его знаменитого дяди Асланбека. Тогда он впервые рассказал правду о своем отце, о дядях и о себе. С его слов восстановлены некоторые факты и эпизоды из их жизни в этом повествовании. Это телевизионное интервью, к сожалению, было сожжено в годы первой чеченской войны вместе с моей квартирой федералами при штурме города Грозного в январе 1995 года.

Супьянбек родился 1940 году селе Шатой. Четырех лет от роду был вместе со всеми Шериповыми депортирован в Казахскую ССР, в г. Алма - Ату. Там он в 1957 году окончил школу и поступил на факультет журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. После него, до начала операции по «Наведению конституционного порядка в Чечне» работал в редакции республиканской газеты «Грозненский рабочий» (с 1990 года – «Голос Чечено-Ингушетии», с 1991-го - «Голос Чеченской республики».) В 1970 году вступил в Союз журналистов Чечено-Ингушетии.

Супьянбек был прекрасным публицистом, как свой дядя Денилбек, и литератором, как другой дядя – Асланбек. Он первым в истории Чечни написал книгу об известной поездке знаменитого французского писателя- романиста, автора «Трех мушкетеров», «Графа Монте-Кристо», Александра Дюма-отца на Кавказ «Александр Дюма-отец в Чечено-Ингушетии, или сто двадцать лет спустя». Книга была издана в 1981 году Чечено-Ингушским книжном издательством именно в этой дате.

Выход книги явился заметным событием в истории журналистики Чечни. О ней так писал член-корреспондент Академии педагогических наук, лауреат премии Ленинского комсомола, профессор М.Хамраев:

«Слава Дюма, автора популярных романов и пьес, в середине XIX века была очень велика. Демократическое направление его творчества вызвало недовольств диктаторов. Так, например, самодержец России Николай I запретил Дюма пересекать границу своей империи — не мог простить писателю симпатий к декабристам. Когда наконец, (после смерти Николая I) поездка Дюма в Россию состоялась, она стала событием в культурной жизни Петербурга, Москвы, Тифлиса и многих других городов, в которых побывал знаменитый писатель.

Как ни странно, о данном путешествии Дюма у нас написано весьма немного. Можно назвать лишь одно относительно крупное исследование «А. Дюма-отец и Россия» С. Дурылина («Литературное наследство», 1937 г.). А работ, посвященных отдельным этапам поездки, пока еще нет. Очерк Супьянбека Шерипова «Алёксандр Дюма-отец в Чечено-Ингушетии» в какой-то, мере восполняет этот пробел. Автор не претендует на лавры литературоведа-исследователя: он по писательски ярко и свободно суммирует и анализирует имеющиеся в его распоряжении данные и скудные документы, популярно рассказывает о знаменитом романисте, сто двадцать лет назад побывавшем на его родной земле – Чечено-Ингушетии.

С. Шерипов собирал материалы для своего очерка в Чечено-Ингушетии и во время поездки во Францию, повторил маршрут путешествия Дюма по России.

«Александр Дюма любил повторять: «Главное в путешествии то, что оно избавляет от предрассудков и открывает тебе новых друзей».

Очерк С. Шерипова открывает нам новые страницы и черточки биографии друга России - Александра Дюма».

После 1992 года связь моя Супьянбеком оборвалась и о дальнейшей судьбе его мне, к сожалению, ничего не известно.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Трагедия длиною в жизнь.

Хасан Исраилов

Глава первая

Об этом человеке удивительной судьбы даже мы, люди старшего поколения, знали непростительно мало, а современные молодые люди знают и того меньше. Или не знают совсем ничего. Мы находились в неведении об этом самом непримиримом враге Советской власти тридцатых-сороковых годов прошлого столетия потому, во-первых, что долгих семьдесят лет диктаторства Коммунистической партии, «ведущей и направляющей силы советского народа»(1) на его имя был наложен запрет: во-вторых, произношение его имени было преступлению подобно

Почему современная молодежь не знает о нем почти ничего, хотя с начала перестройки и гласности о нем написано немало и в интернете, и в периодике и в книгах. Правда, большинство материалов слово в слово кочуют (даже с ошибками – А.К.) из книги в книгу, из сайта в сайт, из статьи в статью и временами они противоречат друг другу и факты иногда исключают друг друга потому что чеченскую историю фальсифицировали в советское время все, кому не лень. Исправлять их и восстанавливать подлинные события,

факты, выражения, как это делают другие народы вокруг, наши ученые не собираются, трусливо находясь в плену сфальсифицированных, лживых, состряпанных по злому умыслу документов советского периода истории.

А между тем он был широко образованным и многосторонне талантливым человеком, интеллигентом: адвокат, журналист, публицист, драматург, поэт – вот далеко неполное перечисление граней его дара. Мы говорим о знаменитом создателе и руководителе «Особой партии кавказских братьев» и повстанческих отрядов в начале сороковых годов двадцатого века Хасане Исраилове (Терлоева).

Точная дата рождения Хасана Исраилова не известна: согласно одного источника, он родился в 1903 году(2), второго – в 1907-м(3), третьего – в 1910-м(4). Родился он в прародине всех чеченцев – «в селе Нашха Галанчожского района Чечни. Дед его Хациг Цоцаров был одним из наибов Шамиля, отец Исраил Садулаев – названным братом и сподвижником Зелимхана Харачоевского. Исраил погиб при нападении Зелимхана на Кизлярский банк»(5).

Мы же склонны считать датой его рождения 1903 год, сопоставив все деяния, которые ему приписывают, с его возрастными возможностями – во-первых,и, во-вторых, в абсолютном большинстве документов указывается именно эта дата. В одном из документов(6) сказано, что Хасан Исраилов получил исламское образование, а в 1929 году в городе Ростове-на-Дону закончил среднюю школу, что в те же годы, будучи уже комсомольцем, вступил в Коммунистическую партию большевиков, но «активно в политических делах не участвовал и целиком посвятил себя творческой деятельности в области художественной литературы, к которой он имел не только личную страсть, но и большое призвание». В другом документе(7) уточнено, что «Хасан восемь лет учился в арабской школе». Но нигде не сказано ни где он учился в арабской школе, ни как он в самый разгар Гражданской войны из Чечни попал в 1919 году в далекий Ростов-на-Дону, ни где он жил там. Ведь средних духовных школ в Чечне в те годы не было и в городе на Дону родственники или земляки его, наверно, не жили.

И еще. Не понятно, как подросток еще неполных семнадцати лет ученик второго класса средней школы Хасан Исраилов уже «в 1920 году сформировался как ярый враг Советской власти (которая еще и установлена-то не была полностью на всем Кавказе и еще натворить–то не успела страшных трагедий – А.К.), поддерживал связь с Узун-Хаджи(8) (где Ростов, где –Чечня? Сомневаюсь, что у них были телефоны, или радиосвязь, или телеграф; тогда как же осуществлялась эта связь? – А.К.), с имамом Гоцинским (о котором мало кто в то время знал – А.К.), с англо-турецким агентом Саид-Беком Шамилевым (описка? Должно быть – Шамиль – А.К.) – внуком Шамиля»...

Не понятно и то, как Хасан Исраилов – горец с обостренным чувством чести и достоинства – сел за парту в девятнадцать с детьми шести-семи лет в такой дали от родины? Да его быстро извели бы прозвищами и придирами, как инородца. Неизвестно, где он в двадцатом году мог получить профессию адвоката и журналиста и до первого ареста в 1931 году работать корреспондентом центральной московской(!) «Крестьянской газеты»? Ведь этих профессий, как всем известно ни в арабской, ни в светской средних школах не дают.

И, наконец, если было известно, что он сформировавшийся ярый враг Советской власти, то как ему позволяли целых два года безнаказанно печатать в московской газете статьи «сильные по аргументации и резкие по духу, которые имели только одну тему: как местные советские и партийные функционеры грабят чеченский народ»(9). Ведь за куда

более мелкие проступки в те годы арестовывали и ссылали в СЛОН –Соловецкий лагерь особого назначения (и особой жестокости – А.К.) в Белом море, в Магадан – в Колымские края или по просту расстреливали. Не значит ли это, что чекисты исподволь специально воспитывали из Х.Исраилова врага, создавая искусственно ему образ ручного, послушного непримиримого борца с Советской властью? Но он оказался крепким орешком и вышел из-под их контроля. Вопросов много, ответов – кот наплакал!

При всем при этом все более или менее сходится с возрастными возможностями Х.Исраилова, если годом его рождения считать 1903-ий. И ничто не сходится, если считать другие. Если брать годом его рождения 1907-ой, То духовную школу он должен был бы кончить в 1922-ом, в годы Гражданской войны, когда было ему всего тринадцать лет и ни с Узун-Хаджи и ни с другими встречаться и сформироваться как ярый враг Советской власти он не мог и так далее. И полный абсурд получается, если за дату его рождения брать 1910-ый год: арабскую школу он должен окончить в 1925-м, в годы Эмирата Узун-Хаджи ему всего-то девять лет, а в двадцатом, когда он сформировался как ярый враг Советской власти, Хасану всего – десять... Возможно ли это? Правда, 23 февраля 1944 года даже грудные дети чеченцев становились «врагами народа»

Многие документы (в принципе, если не все – А.К.), выработанные в большинстве своем фальсификаторами НКВД и НКГБ, стараются внушить нам, что якобы Хасан Исраилов вел двойную игру и работал под контролем чекистов и по их указанию. А что сами создавали эти мифы, ни руководство наркомата внутренних дел СССР, ни ответственные сотрудники НКВД Чечено-Ингушской АССР и не скрывали. Делалось это для еще большей дискредитации руководителя повстанцев перед сподвижниками.

Глава вторая

...Однажды в отряд Хасана Исраилова с большими предосторожностями в сгущающемся сумерках пришел его дальний родственник по матери Хасал. Весь вечер он ничем не выдавал своей тревоги и только поздно ночью, когда в просторной пещере все разошлись по своим углам и затихли, и они с Хасаном остались одни у догорающего костра, Хасал сказал озабоченно:

- Вот письмо просили передать тебе

- Кто просил?

- Не знаю. Лицо его было закутано башлыком. Сказал только, что он – абрек и что брат его арестован и его обещали осудить на меньший срок, если он поможет передать это письмо в нужные руки. Врет, наверное.

- От кого оно?

- Не знаю. И передавший не знал. Сказал только, что оно очень важное и что нужно передать тебе лично в руки.

- Поди-ка, принеси лампу, - Хасан подтянул фитиль керосинки, сделав ярче свет, - Посмотрим, что тут... Сразу же заглянув в конец письма и, увидев имя автора, удивленно вскинул брови:

- Серьезное послание. Сам нарком внутренних дел республики Султан Албогачиев пишет!

- Да ну! Не может быть, что сам... - еще больше встревожился Хасан. – Хорошо, что я им поставил условие – не следить за мной. Они, наверное, могли бы пойти за мной, чтоб узнать, где ты скрываешься.

Еще чуть высветлив лампу, Хасан стал читать письмо, мысленно делая свои комментарии. «Ты действуй, находясь в глубоком подполье, - писал нарком. – Не дай себя арестовать. Знай, что тебя будут расстреливать. Связь держи со мной только через моих доверенных лиц.» «Я и без твоих указаний действую в глубоком подполье, - сыронизировал Хасан. – И что меня расстреляют, без твоих предупреждений знаю – чекисты никогда не выполняли своих обещаний. Но я живым к вам в руки попадаться не собираюсь. О какой связи идет речь? Я с чекистами никогда никакой связи не имел. Разве что твои «внедренцы», иммитирующие преданность мне, доносят тебе»

«Ты пиши мне письма враждебного характера, угрожая мне возможным разоблачением, - продолжал нарком, - а я тоже начну преследовать тебя. Сожгу твой дом, арестую кое-кого из твоих родственников и буду выступать везде и всюду против тебя». – «Я тебе никогда не писал писем ни враждебного, ни дружеского характера, - размышлял Хасан. – А сжечь мой дом ты не сможешь, потому что его попросту нет. Мой дом – леса, горы и долины Галанчожа, Шароя, Чеберлоя – тебе не сжечь никогда. Ты не арестуешь дорогих мне людей, потому что они уже томятся в подвалах внутренних тюрем НКВД, которые всегда переполнены».

- «Ты порви мою записку...», - итожил нарком. – Время опасное, я боюсь». «Письмо твое я все же не порву, а сохраню для потомков, чтобы они могли понять – кто кем был. Меня же ты не обманешь, я не такой дурак, как ты думаешь, а чуть умнее». - последние слова он негромко повторил вслух. Потом аккуратно сложил письмо и положил в накладной карман гимнастерки.

Хасан Исраилов действительно был «не лыком шит». Он сразу как адвокат понял, что письмо Султана Албогачиева – это «образчик, как констатировал историк, игры НКВД с противником. С противником потенциально очень опасным. Претензии Х.Исраилова на руководство всеми недовольными Советской властью в горной Чечне пока еще выглядели беспочвенным самомнением, хвастовством. Но в благоприятной обстановке они могли стать реальностью. Х.Исраилов, казалось, обладал необходимым для лидера качествами: волей, широким кругозором, грамотностью, политической прозорливостью, изворотливостью, знанием методов и приемов борьбы партийных и чекистских органов. Поэтому НКВД и принимались меры для его скорейшего «обезвреживания». В их ряду - и данное албогачиевское письмо. Его цель – обмануть Исраилова, втереться к нему в доверие, подобраться поближе для нанесения решающего удара. Есть и другое объяснение: сделать тайное письмо энкаведешника известным среди союзников и сподвижников Исраилова с целью посеять среди них недоверие к нему, расколоть их подозрениями о тайных связях Исраилова с НКВД.»(10)

От автора. Хасан Исраилов, вопреки ожиданиям чекистов, никому ни слова не сказал о письме и хранил его в глубокой тайне. Поэтому поставленной цели энкаведешники и не достигли. Правильно гласит мудрая народная пословица: не рой яму другому – сам в нее попадешь. Так и случилось с наркомом внутренних дел ЧИАССР Султаном Албогачиевым, который, выслуживаясь перед своим высоким начальником Л.П.Берием так много сделал для очернения и дискредитации чеченцев и ингушей, готовя почву для их депортации. В начале его стали поощрять, награждать, повышать в воинских

званиях. Вопреки критики в ЧИАССР, взлет его прямо-таки был стремительным: за год с небольшим он из капитана превратился в полковника госбезопасности, удостоился ордена и летом 1943 года был вызван на работу в Москву»(11). Это одна версия. По другой версии «Албогачиев С.И. в начале сентября 1943 года был также отозван в распоряжение НКВД СССР и затем направлен на работу в Казахстан, на должность заместителя начальника УНКВД Ошской области»(12). (Тут, видимо, ошибка в документе: в Казахстане нет города Ош; это центр самой южной области Киргизии, которая даже не граничит с Казахстаном; неужели чекисты даже союзного уровня были такими географически безграмотными? Но, тем не менее, эта ошибка кочует из книги в книгу, даже последних лет издания, например, она слово в слово повторяется в «Истории Чечни с древнейших времен до наших дней» в двух томах, том второй, Грозный, 2008, - А.К.). Есть и третья версия, что Албогачиев был арестован в августе 1943 года, этапирован в Москву, где 2 сентября написал покаянное письмо Берии, оставшееся без ответа, и третьего сентября был расстрелян(13). И, наконец, имеется четвертая версия проклятой судьбы этого злодея о том, «что Албогачиев не был расстрелян, а был депортирован, жил во Фрунзе, затем вернулся в Грозный, где получил квартиру, как ветеран органов. Якобы, С.Албогачиев участвовал в «процессе» над Л.П.Берией в качестве свидетеля и дал показания против него, а в 1968 году покончил с собой. Еще один вариант: после возвращения из депортации Албогачиев работал инженером на заводе «Красный Молот», умер в 1968 году от воспаления легких.»(13а) В любом случае собаке – собачья смерть!

Хасан Исраилов пережил своего главного врага на полтора года, хотя часто подсылались к нему чекисты или их агенты под видом абреков, повстанцев, членов немецких диверсионных групп и так далее. Устраивались засады, облавы. Его всегда спасали бесстрашие, интуиция, звериное чутье на опасность и меткость стрельбы. Его сподвижники говорили, что стрелял он снайперски, что он насмерть поражал противника даже в темноте и при стрельбе через плечо на звук, раздавшийся за спиной...

Глава третья

... Раз к Хасану пришел крепкого телосложения, с проседью в густой черной бороде незнакомый человек. Хмурый, немногословный. Стреножив коня, он вышел на полянку среди леса, где у костра, на котором варился ужин, сидел Хасан в кругу сподвижников. Солнце зашло, но темнота еще не наступила, поэтому все хорошо рассмотрели гостя. Он подошел, поздоровался со всеми.

- Садись, гостем будешь. Мы как раз собираемся ужинать. Ты очень во время пришел. О таком госте говорят чеченцы, что он - к благоденствию, - сказал Хасан.

- Спешу я, а дело у меня важное... - начал было гость, но Хасан перебил его:

- Где это видано, чтобы чеченцы отпускали гостя без угощения, да еще ночью одного! О чем ты говоришь? О деле поговорим после ужина, а вопрос твой решим завтра утром, если Бог даст нам встретить его...

- Я вижу, что вам не терпится узнать, кто я и зачем я тут, - начал разговор гость после ужина. - Я из села, что недалеко от Ведено. Меня ты, Хасан, не знаешь, а о тебе я слышал много хорошего, как о борце за свободу нашего народа, - он говорил, как все чеченцы, тягуче, с большими паузами, тщательно обдумывая каждую фразу. - И я пришел

к тебе с просьбой принять меня и моих товарищей в свой отряд, чтобы вместе мстить жестокой и коварной Советской власти: у каждого из нас есть свой счет к ней. Вот у меня раскулачили деда, хотя он был работающим среднего достатка человеком. Просто, как я потом выяснил, председателю Комитета бедноты (*) понравился его добротный дом и ухоженный огород и он внес его в список кулаков. Его выслали куда-то в Сибирь, где он и пропал без вести. Спустя несколько лет, арестовали моего отца, как сына «врага народа» и осужденный «Тройкой» (**), он умер, как нам сказали, в пересыльной тюрьме «от сердечной недостаточности». Моего младшего брата, которому было всего четырнадцать лет, военные схватили прямо на улице и вместе с сотней жителей из нашего села под конвоем повезли в Грозный и оттуда отправили на Украину в 1941 году строить укрепления. С тех пор его мы не видели. Когда я начал искать его след, мне милиционеры намекнули: или молчи, или быстро встретишься с дедом, отцом и братишкой – там... Председатель же Комитета бедноты живет в нашем доме и сейчас... И я ушел в абреки, чтобы мстить.

Хасан долго молчал, думая верить гостю или не верить. Ему часто рассказывали такие грустные, очень правдоподобные истории-легенды «засланцы» чекистов, которые на проверку оказывались лживыми. Но здесь его сомнение поколебало упоминание Комитета бедноты и Украины: он много знал о проделках людей из этого комитета, на волне революции выскочивших из грязи в князи и о харьковской трагедии чеченцев – читал о ней в местных газетах.

«В начале сентября 1941 года военкомы неожиданно устроили в районах облавы на людей. Многих, в том числе беременных женщин, стариков, хватали прямо на улицах. Из домов забирали подростков, больных людей. В некоторых местах началась паника. Даже партработники и работники НКВД сначала не понимали, в чем дело. Оказалось из Северо-Кавказского военного округа в Ростове к военному ЧИАССР пришло распоряжение о выделении восьми тысяч человек из гражданского населения республики на отправку их в Харьковский военный округ для строительства оборонительных сооружений. Военком решил перевыполнить «план» и загнал в эшелоны тринадцать тысяч человек. В вагоны заносили даже тяжелобольных людей. Более половины мобилизованных не имели соответствующей одежды, люди не знали, куда и зачем их везут. В пути с ними не велось никакой разъяснительной работы, не выдавалась горячая пища, а зачастую вообще никакая. Больных в вагонах прибавилось. Тем не менее после остановки эшелонов их всех погнали пешком восьмидесятикилометровым маршем к месту назначения. Тех, кто окончательно выбивался из сил, бросали без всякой помощи в безлюдных местах умирать. Немало людей умерло уже в пути. Поселок Акимовки, в районе которого добравшиеся должны были начать работы, вдруг подвергся массированному налету немецкой авиации. Сопрождающие мобилизованных военные исчезли, бросив в панике мечущихся под бомбами и пулеметными обстрелами людей. Сколько их здесь погибло – неизвестно. Наконец-то появился какой-то военный чин, который распорядился, чтобы мобилизованные «убирались к черту», так как они без всякой пользы представляют собой «мишени для немецких летчиков». И вот вся эта неорганизованная масса хлынула в обратный путь: кто пешком, кто, стараясь зацепиться за воинские эшелоны, идущие на Северный Кавказ. Начальники станций старались побыстрее избавиться от этих растерянных, часто не знающих русского языка людей. Сколько их сгинуло при возвращении – тоже неизвестно. Но в Ростов из тринадцати тысяч человек пришло только тысячу триста. Здесь их встретили враждебно, называли

дезертниками, не кормили, не оказывали больным людям врачебной помощи, оставили под открытым небом, да еще собирались расстрелять. Такую картину увидели спешно приехавшие сюда члены авторитетной чечено-ингушской комиссии. Остатки людей удалось спасти...

От автора. Вот откуда берутся фантастические цифры чеченских дезертиров из Красной Армии, которыми манипулируют нечистоплотные историки в своих исследованиях. Даже это надругательство над здравым смыслом и беспредел в отношении несчастных людей они посчитали дезертирством из Красной Армии. Как же – сенсация: из тринадцати тысяч мобилизованных дезертировало одиннадцать тысяч! Историки не пишут, куда, как и почему были мобилизованы эти несчастные люди и что они перетерпели по воле ретивых и бездушных военкомов. Не это им интересно. Их главная цель – выдать сенсацию, очередную порцию клеветы. Читатели же, не зная истинного положения дел верят этой чепухе.

Глава четвертая

После разговора с пришедшим поздно ночью все легли спать, но сон долго не приходил ни к Хасану, ни к гостю – отлично подготовленному агенту НКВД по кличке «Восточный», которому была поставлена задача на следующий день навести Х. Исраилова на засаду, чтобы покончить с ним раз и навсегда.

Утром, после завтрака, гость сказал, обращаясь к Хасану:

- Прежде чем влиться в твой отряд, мои люди хотели видеть тебя у нас там, поговорить с тобой и узнать о дальнейших планах твоих. Да и встречу с жителями села я договорился тебе устроить, чтоб ты мог их убедить в необходимости борьбы за свободу именно сейчас, в самое удобное для этого время. Если выйдем после полднего намаза, к вечеру будем у нас – я все дороги хорошо знаю. Коня я оставляю здесь за не

*Комитет бедноты были созданы в СССР в двадцатых годах во всех селах для защиты прав бедных людей.

**»Тройки» - особые суды, созданные в СССР для внесудебного осуждения людей. надобностью – ведь все равно возвращаться. Мы же пойдем пешком – тут недалеко...

- Ладно, пойдем, - согласился Хасан, сам не зная, почему. Иногда он принимал такие импульсивные решения, как человек глубоко верующий, говоря: Будет только то, что предопределено Всевышним. – Да и засиделся я тут. Поразмяться не мешает. Да и людей новых узнать – не лишне будет. «Заодно узнаю, что ты за птица. Уж слишком убедителен ты. Даже сверх меры», - подумал он про себя

После обеденного намаза гость и Хасан со своими двумя верными сподвижниками тронулись в путь, один – агент НКВД по кличке «Восточный» - зная, а другие не ведая, что «опергруппа из оперативных работников и шестнадцати бойцов под руководством начальника Отдела по борьбе с бандитизмом НКВД ЧИАССР Идриса Алиева направлена для захвата Хасана Исраилова. Агент «Восточный» в сгущающихся сумерках привел Хасана и двух его товарищей к месту засады, где находился Алиев со своим отрядом, и замешкался, оглядываясь по сторонам, будто сверяясь с дорогой, в ожидании выстрелов. Расстояние до них было всего пятнадцать метров, но в результате бездеятельности и нераспорядительности командира произошло замешательство. И совсем неожиданно кто-то со злостью прокричал:

- А что я сделаю, если командир приказал – не стрелять. Это может быть провокация!

Хасан, мгновенно понял, что тут засада и что за птица гость, но не стал его убивать, а ранил в правую руку, чтоб он не мог выстрелить в спину, со словами:

- Это тебе на память о встрече со мной, чекистская проститутка! В другой раз – убью! – и, побежав в сторону леса и скрылся в нем вместе с товарищами. Преследование бежавших Алиев не организовал и подготовленная операция была полностью провалена»,(15)

От автора. Это была очередная имитация бурной деятельности И.Алиева по борьбе с повстанцами перед руководством НКВД СССР и республики. Эти имитации в отношении Х.Исраилова и М.Шерипова он проводил много раз, преследуя свои тайные и далеко идущие цели – вел до поры до времени двойную игру, игру в кошки-мышки. И за это не был ни разу наказан, - видимо, в самых верхах все это кому-то было нужно в данный критический для Советской власти момент. И.Алиев, напротив, сделал головокружительную карьеру: за неполных два года службы он вырос из лейтенанта до подполковника государственной безопасности и приказом по НКВД СССР от 7 июля 1943 года был отозван в распоряжение отдела кадров НКВД СССР и 25 июля уехал в Москву(16) Дальнейшая его судьба не известна.

Глава пятая

Выдумывая всякие небылицы о преступной натуре чеченского народа и бандитском характере повстанческого движения под руководством Хасана Исраилова в Чечне в начале сороковых годов двадцатого века, их авторы не замечают, что в их мифах нет иногда элементарной логики, а есть слепая вера в документ, если даже он лжив и сфальсифицирован. Впрочем, когда поставлена задача очернить народ, логика не обязательна – она только мешает выдумкам. Порою авторы «исследований» и «расследований» не замечают и то, что многие документы не только противоречат, но и взаимоисключают друг друга.

Потоки лжи на чеченский народ начал литься задолго до 23 февраля 1944 года, но особенно усилились после депортации, чтобы оправдать ее. Льются они и сейчас, то затухая на время, то опять разливаясь в кризисные для российского государства периоды, как реки в весеннее половодье, для оправдания проведения той или иной силовой операции в Чечне, как, скажем, первая и вторая чеченские войны 1994-2002-й годов.

Главные обвинительные заключения, которые повторяются из документа в документ, следующие:

- массовое повстанческое движение;
- поголовное сотрудничество с немцами во время оккупации (которой не было – А.К), участие в диверсионных группах немцев, забрасываемых в горные районы ЧИАССР;
- поднесение в подарок Гитлеру белого скакуна;
- массовое дезертирство из Красной Армии и уход дезертиров в банды;
- создание фронта за линией фронта, стрельба в спину советских солдат(17).

Муссируя эти обвинения, выискивая всевозможные документы и факты в архивах и публикациях (пусть даже фальсифицированных – А.К., каждый пишущий старается

переплюнуть другого, выдавая на-гора все новые и новые мифы о коварных и вероломных чеченцах по принципу министра пропаганды Третьего рейха Йозефа Геббельса: «Чем чудовищней ложь, тем быстрее в нее верят»

От автора. Кстати о массовом повстанческом движении. Многие из так называемых банд процентов на пятьдесят создавались самими чекистами с целью, во-первых, непомерного увеличения их числа, как повод обвинения чеченце в коллаборационизме; во-вторых, для того, чтобы они входили в доверие к настоящим повстанцам, сливались с ними, провоцировали их на налеты и при спецоперации уничтожали их выстрелами в спину в то время как энкаведешники стреляли холостыми, чтобы не убить или не ранить своих «внедренцев». Историк Д. Абдурахманов писал по этому поводу: «Успехам НКВД (в уничтожении повстанцев - А.К.) способствовало и то обстоятельство, что они запускали в горы «лжебанды» и «лжеабреков», а фронтовой СМЕРШ в 1942-1943 годах забрасывал в чеченские ущелья своих агентов под видом немецких диверсантов для выявления политических противников сталинского режима».

Что касается количества чеченцев в диверсионных группах, то их в них было, к сведению горе историков, совсем немного. Вот что пишет, например, историк-очернитель Эдуард Абрамян об этом: «Согласно российским источникам, по национальному составу диверсанты, выброшенные на территорию Чечено-Ингушетии в рамках операции «Шамиль», распределились следующим образом: немцы – более 25 человек, кабардинцы – 3, чеченцы – 14, грузины – 2, осетины – 21, русские -1, ингуши – 16, казахи – 1, дагестанцы – 6» (19). Судя по этим цифрам, чеченцев из более, чем ста человек всего 14! О каком массовом сотрудничестве может идти речь?

Настоящие чеченские повстанцы не шли никогда на сотрудничество с немецкими диверсионными группами. Например, Х. Исраилов. Опять же обратимся к Э.Абрамян, который пишет: «Необходимо упомянуть и о встрече обер-лейтенанта Ланге (командир немецкой диверсионной группы «Шамиль» - А.К.) с Генеральным секретарем ЦК ОПБК Х.Исраиловым (Терлоевым), на которой не была достигнута договоренность о координации действий повстанцев с немцами... Переговоры ни к чему не привели. Ланге характеризовал Исраилова как фантазера, а написанную им программу «Кавказских братьев» посчитал нереальной и глупой»(20). Где же тут совместная война с Красной Армией?

Особенно виртуозно разного рода писаки изощряются, выдумывая несуразные цифры дезертирства чеченцев из Красной Армии в годы Великой Отечественной войны, просто высасывая их из пальца. Оставив в стороне набившие уже оскомину другие цифры, приведем только одну, ставшую очень модной и расхожей в последнее время: «Кроме неповиновения и повстанческой деятельности, большое количество северокавказцев уклонялись от призыва или дезертировали из национальных формирований РККА, не дойдя до линии фронта... По некоторым данным, общая численность чеченцев и ингушей, дезертировавших, перешедших и уклонившихся от призыва, составила свыше 62 750 человек, это примерно в три раза больше, чем солдат этих же национальностей, воевавших в то время в рядах РККА.»(21)

От автора. Откуда взяты эти цифры, одному автору известно, но они кочуют из книги в книгу в последние годы. И авторы публикаций не задумываются о том, как из числа 30-40 тысяч чеченцев, всего призванных в Красную Армию в 1941-1943 годах (это установлено документально в архивах Министерства обороны СССР – А.К.) могут возникнуть в два раза больше дезертиров? Ведь тут же добавляется, что все дезертиры уходили в леса, в банды. Так выходит, что только в одной Чечено-Ингушетии против Красной Армии был развернут целый фронт в шесть дивизий? Да воинственные чеченцы и ингуши в момент могли бы тогда разгромить не только Красную Армию, но и немецких интервентов, не допустить в их республику!

В этом вопросе всех других перещеголяли историки-фантазеры И.Пыхалов, Э.Абрамян, Н.Мартиросян, Н.Гродненский и некоторые другие. Н.Гродненский даже выдумал оккупацию Чечни для убедительности своих пасквилей. Он пишет: «С 1942 года по январь 1943 года, **во время фашистской оккупации Чечни** (выделено нами – А.К.), чеченцы активно сотрудничали с немцами»(22). Он прекрасно знает, что никакой оккупации Чечни не было, но его фраза рассчитана на тех, кто плохо знает историю. Особенно - на молодежь, которая не задумываясь и не сомневаясь, воспримет эту фальшь и еще больше возненавидит чеченский народ. Это-то и нужно автору.

А белого скакуна Гитлеру дарить собирались вовсе не чеченцы. Это давно доказано. Готовились сделать это кабардинцы, территория которых была оккупирована немцами, почему они могли реально сделать это. (См. роман Алима Кешокова «Сломанная подкова»)

И, наконец о фронте за линией фронта. О нем Э.Абрамян пишет: «По свидетельству академика В.Петровского, непосредственного участника обороны Кавказа, **советским войскам приходилось воевать на два фронта, так как удар противника можно было ожидать не только со стороны немцев, но и с тыла, со стороны местного населения** (выделено нами – А.К.). Это и стало причиной для депортации и обвинения в предательстве целых народов»(23) При этом особый упор делается на то, что именно в Чечне был наиболее трудный фронт за линией фронта.

По нашему мнению, во многих случаях этот мифический фронт за линией фронта создан искусственно и с единственной целью – держать в Чечне и на Северном Кавказе огромное количество войск, которые легко будет использовать при депортации его народов, хотя историки пишут совсем о другом, о том, что, «осознав, что ситуация близка к критической, советское руководство сразу перешло к подавлению восстаний. В частности, в действиях против повстанческих формирований участвовали 242-я горно-стрелковая, 347-я и 317-я стрелковые дивизии Закавказского фронта, 28-я запасная стрелковая бригада, Орджоникидзевская дивизия НКВД, Тбилисская дивизия НКВД, практически все военные училища, расположенные на территории Закавказского фронта. Задачи по борьбе с повстанцами получили 58-я, 44-я и 28-я армии».(24). Одним словом, около двухсот тысяч бойцов. Если к моменту депортации чеченцев было всего около 390 тысяч, то получается на каждые два человека один солдат. А на каждого повстанца, которых было не так уж и много, - по 500-1000 человек. Не много ли войск, так нужных на фронте, оторвано от него?

На фоне всех этих нерадостных размышлений вернемся снова к нашему герою.

За статьи его в «Крестьянской газете», главным содержанием которых было разоблачение партийных и советских чиновников, жестоко грабивших простых и доверчивых чеченцев, Хасан в первый раз был арестован в 1931 году «за контрреволюционную клевету», «за связь с бандой» и осужден на десять лет. Через два года после энергичного вмешательства «Крестьянской газеты» и после того, как выяснилось, что некоторые из чиновников, которых он критиковал, как «грабителей и взяточников», которые оказались таковыми на самом деле и их арестовали, Хасан Исраилов был освобожден и даже восстановлен в партии.

В 1933 году его направили на учебу в Коммунистический университет трудящихся Востока им. И.В.Сталина в числе известных уже в те годы писателей Нурдина Музаева, Магомета Мамакаева, Абдурахмана Авторханова и других. В 1931-1933-м годах Хасан Исраилов успел в Чеченском областном книжном издательстве выпустить две книги своих стихотворений и пьес, написанных в тюрьме. Видимо, талантом писателя и публициста он был отмечен Всевышним и природой.

Будучи в Москве, Х.Исраилов совместно со знакомыми творческими деятелями-чеченцами пишет «Обращение к Советскому правительству, в котором предупреждает, что «продолжение коммунистической политики, проводимой в Чечено-Ингушетии, неминуемо приведет к всеобщему народному восстанию... Поэтому требуем смены курса и снятия со своих постов первого секретаря Чечено-Ингушского обкома ВКП(б) Егорова и народного комиссара внутренних дел ЧИАССР Раева».

Советское правительство, как всегда, пересылает их обращение для проверки на место. «Проверка» кончается арестом Хасана Исраилова и его соратников. В 1936 году Он был осужден к пяти годам с пребыванием в исправительно-трудовом лагере и этапирован в Сибирь. В 1937-м реабилитирован и возвращен домой в связи с тем, что в то время действительно за злоупотребления были арестованы сами Егоров и Раев. (25) Это одна из версий.

Есть и другая, более трагическая, версия его возвращения из Сибири, которая утверждает, что он оттуда «бежал. Во время погони убил охранника и двух собак. Возвращается на юг и живет на нелегальном положении, постоянно мигрируя по всему Кавказу(25а).

От автора. Другие арестованные по этому делу были наказаны еще более сурово: А.Авторханов сидел в подвалах внутренней тюрьмы НКВД под пытками в общей сложности более шести лет, писатели Ш. Айсханов, С.Бадиев, А.Нажаев, А.Дудаев – расстреляны, М.Мамакаев провел в ссылке на берегу Северного Ледовитого Океана семнадцать, Х.Ошаев и А.Мамакаев в Магадане – четырнадцать, С.Арсанов на Чукотке – более двадцати лет и так далее.

После возвращения из Сибири и якобы покаяния (чего не было и не могло быть, судя по его характеру – А.К.) Х.Исраилова в январе 1940 года снова вызывают к новому секретарю обкома Быкову, и он предлагают ему подать заявление о восстановлении в партии. Такими обещаниями о реабилитации чекисты и коммунисты обманым путем выманивали людей из подполья и сразу же коварно арестовывали или расстреливали «при попытке к бегству». Как адвокат и человек, знающий хитроумные приемы НКВД,

Х.Исраилов, вместо явки в обком, через несколько дней присылает Быкову заявление следующего содержания:

«Вот уже двадцать лет, как Советская власть ведет войну на уничтожение моего народа по частям - то как кулаков, то как мулл и «бандитов», то как «буржуазных националистов». Теперь я убедился, что война отныне ведется на истребление всего народа, Поэтому я решил встать во главе освободительной войны моего народа. Я слишком хорошо знаю, что не только одной Чечено-Ингушетии, но даже и всему национальному Кавказу будет трудно освободиться от тяжелого ярма красного империализма, но фанатическая вера в справедливость и законная надежда на помощь свободолюбивых народов Кавказа и всего мира вдохновляет меня на этот в ваших глазах дерзкий и бессмысленный, а по моему убеждению единственно правильный исторический шаг. Храбрые финны доказывают сейчас, что великая рабовладельческая империя бессильна против маленького, но свободолюбивого народа. На Кавказе вы будете иметь Финляндию, а за нами последуют другие угнетенные народы»(26)

Глава седьмая

В 1940 году Хасан Исраилов уходит в подполье и становится на путь непримиримой борьбы с Советской властью. Он скрывается в родном Галанчожском и в других высокогорных и труднодоступных районах Чечни. Создает Особую партию Кавказских братьев (ОПКБ), основной задачей которой поставил: «а) объединить все антисоветские организации и группировки в единую братскую партию ОПКБ и расширить эту партию по всему Кавказу;

- б) обеспечить полную дезорганизацию тыла Красной Армии, изгнание остатков советской военщины с Кавказе, ускорение гибели большевизма на Кавказе;

- в) создать на Кавказе свободную братскую Федеративную республику государств братских народов Кавказа и так далее».(27)

В первое время с ним не смог совладать даже заместитель наркома внутренних дел СССР Б. Кобулов (Кобульянц), посланный с большим отрядом чекистов и войск в Чечню самими И.Сталиным и Л.Берия для ликвидации Хасана Исраилова. Но «усилия по его поимке, предпринятые НКВД ЧИАССР, Дагестана и Грузии(!), а также оперативной бригадой под моим руководством, пока не дали результата. Принимаются все возможные меры для выполнения поставленной перед нами задачи» вынужден был признать Кобулов в докладной записке к Берии. Это вызвало ярость и раздражение «отца народов».(28)

«...Зазвонил телефон, стоявший на столике отдельно. Сталин приподнял брови – этот аппарат оживал нечасто. Взял трубку.

- Слушаю.

- Товарищ Сталин, в Наркомате внутренних дел третий день лежит письмо, адресованное вам.

- От кого?

- Исраилов из Чечено-Ингушетии

- Исраилов? Исраилов... Этот бандит еще на свободе?

- Так точно.

- Мы послали бригаду Кобулова ловить его больше месяца назад. Кобулов не справляется. Что в письме?

- Оно... предельно оскорбительно.

- Поэтому Лаврентий и держит его. Хорошо.

Сталин положил трубку. Нажал кнопку звонка, сказал появившемуся Поскребышеву:

- Пусть привезут письмо Исраилова из Наркомата внутренних дел.

- Слушаюсь.» (29)

В январе 1940 года, как писал А. Авторханов в своих «Мемуарах, Хасан Исраилов поднял первое восстание против Советской власти, а в 1942-м – второе. Он координировал боевые отряды сил чеченского Сопротивления в предвоенное время, а также в годы советско-германской войны. Руководимые Хасаном Исраиловым повстанческие отряды контролировали целые районы Чечни, а Галанчожский район даже после депортации чеченцев контролировался силами Сопротивления вплоть до 1957 года.

По одним данным Хасан Исраилов был убит своими же лжесподвижниками – «внедренцами» НКВД в декабре 1945 года, по другим – в ходе специальной операции бойцов НКВД. Он пал убитый подлыми выстрелами в голову, сделанными теми, кому он верил. В сообщении И.Сталину Л.Берия об этом писал 29 декабря 1944 года: «В горной Чечне агентами НКВД убит руководитель повстанческого движения Хасан Исраилов, «труп опознан и сфотографирован, Агентура переключена на ликвидацию остатков бандглаварей» На территории бывшей Чечено-Ингушской АССР продолжают действовать свыше восьмидесяти группировок».

Глава восьмая

Хасан Исраилов был, как мы выше говорили, талантливым писателем, журналистом и публицистом. Он входил в круг чеченской интеллигенции своего времени наряду с писателями Абдурахманом Авторхановым, Шамсуддином Айсхановым, Магомедом Мамакаевым, Нурдином Музаевым, Хажбикаром Мураловым и другими.

Литературные произведения его, изъятые после коварного убийства, до сих пор являются государственной тайной России и сегодня (2015 год - А.К.) и хранятся в специальных архивах Лубянки. Между тем в попытке опорочить имя и героическую личность великого сына чеченского народа российские придворные средства массовой информации до сих пор публикуют фальшивые «выписки из дневника» Хасана Исраилова. В частности, несуществующие его «покаяния» перед чекистами, а также приписывают ему утверждения о том, к «контрреволюционной деятельности его якобы подбили во время учебы в Москве партийные и революционные деятели Енукидзе, Бухарин, Радек и другие «наймиты международного капитала, расстрелянные позже Сталиным. Это – неприкрытая ложь чекистов нового времени.»(30)

От автора. Это стихотворение, случайно сохраненное бывшими соратниками и родственниками Хасана Исраилова, говорит о незаурядном поэтическом таланте его. Вот его подстрочник:

Мы не стремимся к мирским завоеваниям,

Мы не ищем улучшения своего благосостояния,

Нам и нашим семьям дай только скудное существование,
Вселяющий в душу безумие век.

Мы не ищем власти в мире,
Мы не навязываем никому наше пастырство,
Руки привыкли к оружию,
Дай нам возможность отложить его, жестокий век.

Какой испорченный наш век, парни,
Какой жестокий наш век, парни.
Не дай себя сделать обездоленным,
Безыntenесный для души век.
Для благородных парней, как ты жесток,
Для благородных парней, как труден ты.

В мире, который тебе не принадлежит, ты живешь,
Завтрашний день безвестен тебе.
С утра растерянные мысли собери,
Прими присягу и готовь себя для рая.

Под твоей идущей ногой земля – готовая тебе могила,
На расстоянии вытянутой руки от тебя смерть.
К своему Богу приласкайся, своему Богу поплачь.
Прими присягу и готовь себя для рая.

Как страшен наш век, парни,
Как несправедлив наш век, парни.
Не дай себя сделать обездоленным,
Безыntenесный для души век.
Для благородных парней, как ты жесток,
Для благородных парней, как труден ты.

Уверен, что на чеченском языке они звучали возвышеннее, профессиональней, поэтичней. Ведь все стихотворение – это прекрасный развернутый образ в духе чеченского народного песенного искусства. Видимо, оно выполняло роль гимна повстанцев Хасана Исраилова.

Глав девятая

Вместо послесловия. Печальна история о последних днях гордого сына чеченского народа, борца за его освобождение от ига коммунистической тирании Хасана Исраилова. Грустен сказ о том, как соплеменники, купленные НКВД за тридцать сребреников, загнали его, как зверя, насмерть

Хасану Исраилову приписывается создание в 1942 году военизированной организации «Кавказские орлы» - Добровольной армии кавказских орлов.

Накануне начала операции «Чечевица чекисты предприняли очередную попытку ликвидировать Хасана Исраилова. НКВД-НКГБ установил, что его скрывает Джавотхан Муртазалиев с помощью своего брата Аюба и сына Хас-Магомеда. 13 февраля 1944 года Джавотхан и Аюб Муртазалиевы были арестованы Аюб Муртазалиев показал, что Х.Исраилов скрывается в пещере Бачи-Чу Дзумсоевского сельсовета Итум-Калинского района. В ночь с 14 на 15 февраля 1944 года оперативная группа Церетели окружила и вошла в пещеру Бачи-Чу. Однако ни повстанцев, ни лидера их там уже не было (несмотря на то, что у Хасана Исраилова были повстанцы, ученый все еще называет их бандой, буквально следуя терминологии НКВД - А.К.) Были найдены... бумаги Х.Исраилова общим весом около двух килограммов... Аюб Муртазалиев показал, что его сын Хас-Магомед перевел Х.Исраилова в другую пещеру...

25 мая 1944 года замнаркома НКВД СССР Б.Кобулов просил Л.П.Берию направить из Алма-Атинской области в Чечню религиозных авторитетов – «красного шейха» Баудина Арсанова и Абдул-Гамида Яндарова... для разложения повстанцев, выводя из гор и лесов людей, которые уклонились от выселения... Для их нейтрализации же были созданы группы чекистов, работавшие в горах Чечни под различными легендами: группа «майора Вихря» работала как заброшенные немецкие диверсанты, другая изображала углежогов, третья – геологическую партию, четвертая – хозяйственную комиссию, вывозившую имущество депортированных чеченцев.

Для розыска и ликвидации Хасан Исраилова в начале лета в Ахалхоевский район был заброшен Мехтиев Завалу Абдул-Азимович, агент «Алхазур». В 1931-1941 годах он хорошо знал Х.Исраилова, который собирался жениться на его младшей сестре. «Ахазур» сотрудничал с органами НКВД с 1942 года. «Алхазур» кроме оружия имел при себе яд. В случае, если бы ему не удалось найти Х.Исраилова, он должен был отыскать либо Алхастова, либо Магомадова (полевые командиры Х.Исраилова – А.К) и ликвидировать их...

В октябре 1944 года к Яндарову явились члены исраиловской группы – Абдурахман Исбахиев и Эльберт Исаев. А.Исбахиев по заданию НКВД-НКГБ создал «бандгруппу» из своих родственников – трех братьев Байсагуровых и двух братьев Умаевых. Все они раньше были в группе Х.Исраилова, а потом откололись от него и создали так называемую «кенахоевскую банду». Х.Исраилов этих людей остерегался, потому что они хорошо знали его приемы и методы. Группа Исбахиева действовала за вознаграждение.

А.Исбахиев связал их с агентом НКВД-НКГБ «Индербаяевым» и, якобы, от лица Яндарова дал ему задание ликвидировать Х.Исраилова. в период с 21 ноября по 1 декабря 1944 года Исбахиев встретился с Х.Исраиловым в ауле Терлой и получил от него для передачи Яндарову письма, адресованные самому Яндарову, Дроздову, начальнику ОББ НКВД-НКГБ Чечни, и в «в Москву».

В письме к Яндарову Х.Исраилов просил встретиться с ним, поговорить о сложившейся ситуации, на которую изменил свои взгляды. Для выхода из нее ему нужен был совет Яндарова. (Но Яндаров на письмо не ответил – явка с повинной для Х.Исраилова не была предусмотрена, он нужен был только мертвым – А.К.)

В письме к Дроздову Х.Исраилов интересовался участием своего младшего брата Хусейна и дяди Османа Мурадова, которые были арестованы... Как можно судить по письму, Х.Исраилов считает, что для него есть возможность наладить отношения с властями. Из-за этого письма уже в наше время возникла версия, будто бы Х.Исраилов был агентом НКВД, который спровоцировал восстание в Чечне, чтобы Берия имел

достаточно оснований для депортации чеченцев и ингушей. (Что это – чушь собачья, говорят сами документы – А.К.). Дроздов тоже не ответил Х.Исраилову - и ему он не был нужен живым.

Третье письмо было адресовано Сталину, Молотову, Верховному Совету, иностранным корреспондентам и представителям союзных держав одновременно... О нем-то и был разговор Сталина, описанный нами ранее.

Встреча Исраилова с Яндаровым была назначена на седьмое декабря. По пути на встречу Исраилова ждали две засады из людей Исбахиева.. Если бы ему удалось благополучно избежать засад, то Яндаров должен был передать ему «посылку», в которой было, якобы, лекарство, которое он просил в письме (Х.Исраилов болел туберкулезом – А.К.) и другие вещи, но на самом деле там находилось взрывное устройство....

В ночь с 14 на 15 декабря 1944 года дом, где ночевал Х.Исраилов, в селе Ошной был окружен группой Исбахиева. В перестрелке Х.Исраилов был ранен в руку и в бок, но ему удалось уйти... Правда, существует версия, что на самом деле в перестрелке в селе Ошной Х.Исраилов был убит, а его ближайшие соратники Чока Юсупов и Зом Завгаев специально распускали слухи, что он живой, чтобы не вызвать уныния среди повстанцев.

26-27 декабря 1944 года Ч.Юсупову и З.Завгаеву была устроена встреча с представителями НКВД-НКГБ с помощью Баудина Яндарова. Зом Завгаев согласился за 400 000 рублей выдать живого Исраилова. Другое условие было - предоставление «легализации» всем участникам группы. Которые сдадутся добровольно (впрочем, сразу после легализации НКВД-НКГБ, нарушая данное слово, сразу арестовывали и расстреливали их тайно и коварно – А.К.), и освобождение из грозненской тюрьмы дяди Х.Исраилова по матери – Османа Мурадова, который играл заметную роль в восстании. Дело в том, что вместе с Х.Исраиловым находились его сын Магомед, Хожаев Сейд-Али, Хожаев Сейди и Завгаев Адам. Они сдаваться не собирались. Ожидали, что они окажут активное сопротивление....

После того, как представители НКВД-НКГБ дали согласие на эти условия, 29 декабря в горы отправился отряд по поимке Хасана Исраилова. В него входили: оперативная группа НКВД-НКГБ, Б.Яндаров, З.Завгаев, группа легализованных бандитов из десяти человек. Подробности последующих событий неизвестны. Однако, при осмотре трупа были обнаружены ранения в руку и в живот, полученные Х.Исраиловым в перестрелке в ночь с 14 на 15 декабря и два пулевых ранения головы, которые стали причиной смерти его. Б.Яндаров сообщил сотрудникам НКВД-НКГБ, что стрелял Зом Завгаев. Труп Х.Исраилова был доставлен из аула Бушни-Ошной в Урус-Мартан и там тайно похоронен...

Осман Мурадов был действительно освобожден из тюрьмы 29 декабря 1944 года, но уже 30 декабря умер. Официальная причина смерти: организм был ослаблен недоеданием в тюрьме, после выхода на свободу О.Мурадов чересчур много съел пищи... Но мы уверены, что тут не обошлось без НКВД-НКГБ – они из рук жертвы так просто не отпускали, коварству их не было предела.

(Из книги доктора исторических наук Мусы Ибрагимова «Чеченцы: выселение, выживание, возвращение». Грозный, 2015. С.88, 90, 101-102, 104-105, 106-107.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Эпилог.

Мысли о причинах имитации борьбы с повстанческим движением в Чечне и в других регионах Кавказа в 1941-1942 годах руководством НКВД СССР и ЧИАССР и о приемах сотрудников Отдела по борьбе с бандитизмом наркомата внутренних и СМЕРШа по дискредитации руководителей повстанцев.

«Оценка повстанческого движения Х.Исраилова и М.Шерипова неоднозначна. Существует целый спектр мнений. Первое: «имперская» концепция этого движения, наиболее ярко представленная в публикациях некоторых историков, - восстание было массовым, Х.Исраилов и М.Шерипов сотрудничали с нацистами (чего не было на самом деле, что мы доказали выше – А.К.) и сами были нацистами (фантазия историка – А.К.) Поэтому депортация - вполне заслуженное наказание.(33)

Встречается мнение, что Х.Исраилов и М.Шерипов были провокаторами, которые инсценировали это движение по заданию НКВД-НКГБ. Чтобы подготовить почву для депортации. В пользу этой версии говорит то, что они были представителями советской национальной элиты. Подозрительна переписка Х.Исраилова с С.Албогачиевым и с начальником ОББ НКВД ЧИАССР Дроздовым. Подозрительна программа Особой партии Кавказских братьев, написанная Х.Исраиловым. Но в этом случае нелогичны действия НКВД. Если восстание Х.Исраилова началось в феврале 1940 года, как написано едва ли не в половине публикаций, то значит, что Сталин планировал выселить чеченцев еще до начала войны. Но потом об этом забыл и начал выселять другие народы. Если же восстание началось осенью 1941 года, то НКВД-НКГБ повели очень рискованную игру – начинать крупную провокацию на Северном Кавказе, где и до этого вспыхивали неоднократно вооруженные восстания, когда немцы стоят под Москвой. Причем неизвестно было, устоит ли Советская власть и удастся ли ей депортировать чеченцев.

Тогда более правдоподобна версия историка о том, что Л.П.Берия не подавлял демократическое национально-освободительное движение Х.Исраилова и М.Шерипова в Чечне, чтобы потом, в случае поражения СССР, попытаться вести с немцами переговоры от лица народов Кавказа. В эту схему укладывается и стремление Л.П.Берии с весны 1942 года во что бы то ни стало убить и Х.Исраилова, и М.Шерипова, не брать их, ни в коем случае, живыми, чтобы они не могли дать никаких показаний. Ведь и А.Авторханов в апреле-мае 1942 года получил от Л.П.Берии поручение обязательно убить Х.Исраилова, а не заниматься разведкой в его штабе, хотя А.Авторханов не был диверсантом и вообще не имел военной подготовки».

(Из книги доктора исторических наук Мусы Ибрагимова «Чеченцы: выселение, выживание, возвращение». С.110-111)

Вот что пишет об этом в своих мемуарах Абдурахман Авторханов:

«Берия, которого я видел сейчас (1942 год – А.К.), - это был уже другой человек - второе «Я» И.Сталина. Несомненно, Берии было доложено о моей личности и что я согласился уговорить Исраилова сдаться властям. Его первый вопрос был: как близко вы знаете Хасана Исраилова и Майрбека Шерипова?»

Я ответил, что обоих хорошо знаю с детства.

- Так вот. От имени Советского правительства я поручаю вам поехать к Исраилу и передать ему следующее: если он не сложит оружия в течение десяти дней после вашей встречи, то начнется наступление Красной Армии, которая снесет с лица земли все аулы и истребит все население. Если он подчинится этому требованию, то я гарантирую ему жизнь. Если же не подчинится, то вы должны остаться там, войти в его полное доверие и

искать возможности его ликвидации. В этом случае я вам гарантирую орден Ленина и высокий пост «за выполнение специального задания правительства». Подробную инструкцию вам даст один из моих сотрудников.

Сотрудник Берия в соседнем вагоне (штаб его в основном состоял из грузин) подробно проинструктировал меня, как я должен вести себя «в лагере врага», назвал пароли встреч с тамошними агентами НКВД, каналы связи с внешним миром. Словом из меня сделали подлинного лазутчика времен Шамиля. Надо было делать огромные усилия, чтобы не выдать себя во время всей этой фальшивой игры.

Я говорил о собственных планах. План, собственно, был один: пробраться в горы и присоединиться к Исраилову...»

(Из книги А.Авторханова «Мемуары». Франкфурт-на-Майне, 1983. С.523)

«Чтобы подорвать доверие соратников к М.Шерипову, было принято решение (чекистами –А.К.) скомпрометировать его. Нескольким арестованным участникам его организации намекнули, что Майрбек сам сдал их НКВД, не желая делиться властью. Бандиты всегда готовы перегрызться между собой, поэтому Байсаев и Хамзатов проглотили наживку и на свидании в тюрьме сказали о виновнике своего ареста женам.. Ну а дальше в дело вступил «бабий телеграф». Вскоре каждая собака в горном ауле знала о том, что Майрбеку опасно доверять. Как результат: местное население, опасаясь предательства начало отдаляться от Шерипова и отказывать его людям в помощи и укрытии (чего и добивались чекисты – изоляции его –А.К.)

Тот же прием был применен и в отношении Х.Исраилова (Терлонва): чекистами было сфабриковано ложное письмо Терлоева к «представителю германского командования» Осману Губе, а один из чекистов показал его арестованному шейху. В фальшивом письме «Терлоев», не стесняясь в выражениях, порочил своего сообщника перед абвером, называл его потерявшим зубы старым шакалом и намекал, что пользы от него повстанческому движению никакой. Старый борец с Советской властью чуть не схватил инфаркт, читая этот пасквиль. Отныне он ездил по аулам и от имени Аллаха проклинал безбожника Хасана и всех его сторонников. Насчет прославления главного немецкого эфенди Гитлера-паши он тоже заткнулся. По всей видимости, разочарованный провалом гитлеровского наступления на Северном Кавказе святоша решил ставить теперь на другую лошадку и даже начал отнекиваться от своих связей с абвером. Старый шейх был сильно напуган арестами многих своих сторонников и пожелал спокойно дожить свой век, чтобы умереть в собственной постели, а не в камере НКВД. Окольными путями он даже попытался связаться с руководством республиканского НКВД и выторговать себе некоторые льготы при условии, что он сдаст адреса тех местных жителей, которые сотрудничают с Терлоевым и Шериповым». (К сожалению, в те страшные годы были среди чеченцев и такие сексоты и шкурники. И было их – тьма, как бы мы того не хотели, - А.К.)

(Из книги К.Фритцше , Ю.Нестеренко «Волкодавы»...» С. 190-191)

От автора. Эта повесть - итог моих многолетних раздумий и моей мечты написать об ярких, сложных и трагических судьбах этих замечательных людей и собирательской, публицистической и исследовательской работы. Это - выражение моей любви, уважения и восхищения этими незаурядными личностями и героями своего времени – конца XIX-середины XX веков. Это - мое страстное желание защитить их честь и достоинство перед

сегодняшними забывчивыми молодым людьми, хотя ни Шериповы, ни Исраилов в этом и не нуждаются. Получилось ли это у меня – решать читателю. Надеюсь, он у меня будет.

1мая-12июля2015года

Примечания к первой части:

- 1.Шипулин Н. Юность боевая. Документальная повесть. Грозный, 1969. С.-5.
- 2.Мамакаев М.А. Мюрид революции. Роман. М., Детгиз. 1968. С.-21
- 3.Маяковский В.В. Стихи о советском паспорте //Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 12 томах.
- 4.Лермонтов М.Ю. Измаил-бей. Восточная повесть //Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в IV томах. Т. II М. «Художественная литература», 1976. С.- 232.
- 5.Там же. С.-252.
- 6.Там же. С.-
- 7.Газдиев А.М. Асланбек Шерипов – славный герой революции. Грозный, 1960. С.-
- 3.
- 8.Шипулин А. Указ. Соч. С.-74.
- 9.Там же. С.- 6.7.
- 10.<http://pamela-7.livejornae.com.1212400.html>.Чушкова П. Асланбек Шерипов – скованный великан.
- 11.Vovik//459. За что Сталин выселял народы? Первый комментарий анонима – историка Константина Владимировича.

12. Айдамиров А.А. Буря. Роман//Айдамиров А.А. Собрание сочинений в шести томах. Т. III. Грозный, 2004. С.- 306; <http://Vovik//459>. За что Сталин выселял народы? Второй комментарий историка Константина Владимировича.
13. Мамакаев М.А. Указ. соч. С.-19.
14. Айдамиров А.А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1991. С.-91.
15. Бакаев Х. Чеченскому национальному театру – сто лет. <http://vaydahar.eu/smi-onas/eurapa/1778/>
16. Там же.
17. Там же.
18. Эльбуздукаева Т.У. Культура Чечни: XX век. Грозный, 2012. С.-195-196; Кусаев А.Д. Город Грозный: страницы истории. Грозный, 2012. С.-48-49; Город Грозный. Популярная очерки. Составитель А.И. Казаков. Грозный, 1984. С.-60.
19. Вербицкий – командир отряда, специально созданного для операций против Зелимхана Харачоевского
20. Мутушев Ахметхан (1883 1920) – чеченский офицер, адвокат и публицист конца XIX – начала XX века.
21. Абалкан – адвокат.
22. Айдамиров А.А. Буря... С.-306-307.
23. Кусаев А.Д. Писатели Чечни. Книга вторая. Грозный, 2009. С.-31-32.
24. Магомадов М.М. Чеченские просветители начала XX век. М., 2013. С.-69; Эльбуздукаева Т.У. Указ. Соч.
25. РГИА. Ф. 776. Оп. 21. Ч. II. Ед. хр. 223. Л.10; Магомадов М.М. Периодическая печать Чечни в период нового экономического подъема (1910-1912г.г.). Грозный, ЧГУ, 2012. С.-92-93.
26. Магомадов М.М. Чеченские просветители... С.-72-73.
27. Индербаев Г. Социально-исторические и политические предпосылки зарождения жанра драмы в чеченской литературе 20-х годов XX века. //«Вайнах», 2015, №1-2. С.-79,80; Эльбуздукаева Т.У. Указ. соч. С.-197.
28. <http://vovik//459>. За что Сталин... Второй комментарий историка Константина Владимировича.
29. Кусаев А.Д. Чечня: годы и люди. Грозный, 2007. С.-49; его же: Писатели Чечни. Книга вторая. Грозный, 2009. С.-32.
30. <http://www/Nohchalla.com/video/74/484-2011-11-11-10-26-31.html>. Литераторы Чеченской Республики начала XX века.
31. Кусаев А.Д. Чечня: годы и люди... С.-13-14; <http://nohchallf.com/video...>
32. Эльбуздукаева Т.У. Политические репрессии на территории Чечни и Ингушетии в 1920-1930 годы. Махачкала, 2015. С.-258-259.
33. ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 69. 1. 16. Материалы о положении с бандитизмом за 3,5 года войны.
34. <http://www/hrono.ru/biograf/bio-sh/sherurov.php>.
35. ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 69. 1. 16. Материалы о положении...
36. Безугольный АЮ. Народы Кавказа и Красная Армия 1918-1945. М., «Вече», 2007. С.-165.
37. Досье «Востока». 20-40-е годы: трагедия народов. Публикация Н.Ф. Бугая. II Восток, 1992, №2. С.-128; Сидоренко В.Н. Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны: исторический аспект. ДИИСС. доктор истор. наук СПб, 2000. С.-147.

38.Синицын Федор. За русский народ. Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. М., «Яуза-ЭКМО», 2010. С.-187-189; История Чечни с древнейших времен до наших дней. В двух томах. Т. II Грозный, 2008. С.536-540.

39.Авторханов А.Г. Мемуары. Франкфурт- на Майне. «Посев», 1983. С.-506-507.

40.Там же. С.-520-521.

Примечания ко второй и третьей частям:

1.Конституция СССР 1936 года и последующих лет. Статья 6-я.

2.Кобулов Б., зам. Наркома внутренних дел СССР. Агентурные сведения о Хасане Исраилове.//http://www/e-reading/by/charter/php/1008123/g/chebalin-garem_efreutora/html/

3.Письмо наркома внутренних дел Грузии Каранадзе Л.П.Берии со ссылкой на обнаруженный в августе 1943 года в пещере горы Бачи-Чу у с. Дзумсой дневник Х.Исраилова.

4.Авторханов А.Г. Мемуары. Франкфурт-на-Майне, «Посев»,1983; его же. Народоубийство в СССР. Убийство чеченского народа. М., 1991.

5 Кобулов Б. Агентурные сведения...

6.http://www/facebook.com/ilias_musaev/posts/1550836.Хасан Исраилов: «Прими присягу и готовь себя для рая».

7.Кобулов Б. Агентурные сведения...

8.Узун-Хаджи – эмир Северо-Кавказского Эмирата со столицей в с. Ведено (1919-1920 годы)

9.Хасан Исраилов: «Прими присягу...»

10.Музаев М.Н. Айсберги лжи и клеветы.// Архивный вестник. Грозный, 2013, №1. С.31-32

11.Там же. С.31

12.Гакаев Х.А. Военно-политическая обстановка в Чечено-Ингушетии накануне и в годы Великой Отечественной войны.//Народы Чеченской республики в Великой Отечественной войне 1941-1945 г.г. Материалы научно-практической конференции, посвященной 65-летию Победы в Великой Отечественной войне. Грозный, 2010. С.172

13.Ибрагимов Муса М. Чеченцы: выселение, выживание, возвращение. Грозный,2015. С.86.

13а.Там же. С.87

14.Музаев М.Н. Указ. соч. С.43-44

15.Гакаев Х.А. Указ. соч. С.171

16.Там же. С.171-172

17.Абрамян Эдуард. Северокавказцы в Абвере. М.,»Яуза», 2006; Чуев С. Северный Кавказ: война в тылу. 1941-1945. М.,2002;Мартиросян А.Б. К решающим битвам. 200 мифов о Великой Отечественной войне. М., «Вече». 2008; Синицын Федор. За великий русский народ. Национальный вопрос в Великой Отечественной войне. М., «яуза-ЭКМО», 2010; Безуглый Н.Ю Народы Кавказа и Красная Армия. 1918-1945г.г. М., «Вече», 2007; Гродненский Николай. Неоконченная война. История вооруженного конфликта в Чечне. Минск, «Харвест», 2004 и другие.

18.Авторханов А.Г. Указ. соч.; Абдурахманов Д.Б. История моего народа. М., 2014. С.358

- 19.Абрамян Э. Указ. соч. С.127
- 20.Там же. С.123
- 21.Там же. С.127-128
- 22.Гродненский Н. Указ. соч. С.40
- 23.Абрамян Э. Указ соч. С. 128-129
- 24.Там же. С.128
- 25.Хасан Исраилов: «Прими присягу...
- 26.Авторханов А.Г. Указ. соч.; Биография hrono. ru
- 27.Абрамян Э. Указ. соч. С.114
- 28.Кобулов Б. Агентурные сведения о Хасане Исраилове...
- 29.Там же.
- 30.Хасан Исраилов: «Прими присягу...»
- 31.Ибрагимов Муса М. Указ. соч.
- 32.Фритцше Клаус, Нестеренко Юля. «Волкодав» Берия в Чечне. Операция «Вервольф». Против абреков и абвера. М., «ЭКСМО»
- 33.Пыхалов И. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации – преступный произвол или справедливое наказание? М.,2008
- 34.Ляпчев А.И. Проза. Ру., 2012
- 35.Авторханов А.Г. Мемуары. Франкфурт-на-Майне,1983

Часть четвертая. Литературные портреты

Джемалдин Яндиев
(1916-1979)

Джемалдин Яндиев был не просто человеком, а легендой своего времени. Он был острословом, шутником, выдумщиком, романтиком, мудрецом и Поэтом в одном лице. Его любили, почитали, дружбой с ним гордились. Его знали все и везде. Он имел массу приятелей, друзей и поклонников не только в Чечне, Ингушетии, на Северном Кавказе, но и во всех уголках бывшего Советского Союза. Где бы вы не упомянули его имя, в ответ

сразу же слышалось восторженное, почтительное и радостное: О-о, Джемалдин! Знаем Гусара. Как он там?» И этим было все сказано. Уважение к нему было столь велико, что выходило порою за грань разумного.

Об этом говорит такой факт, который имел место быть в годы депортации народов Кавказа. Известно, что балкарцы были выселены с родных почти на год раньше чеченцев и ингушей – 8 марта 1943 года. И вот, когда такая же участь постигла и вайнахов, Дж. Яндиев, член Союза писателей СССР с 1938 года, попал в Киргизии в одну писательскую организацию с ставшим впоследствии знаменитым на весь мир балкарским поэтом Кайсыном Кулиевым. В 1946 году на собрании писателей встал вопрос об исключении из творческого Союза Джемалдина только за то, что он «спецпереселенец», Кайсын, говорят, заявил мужественно: «В Союзе писателей, где не находится место Джемалдину, считаю невозможным состоять» - и ушел вместе с другом. Ушли тогда с ними с собрания уже известные в те годы писатели калмык Давид Кугультинов и чеченец Нурдин Музаев. Не каждый мог решиться в те времена на такой шаг. О том, какие последствия могли иметь такие демарши, тем более со стороны писателей-спецпереселенцев, догадаться не трудно.

Естественно, как всякий писатель без вины отлученный от дела всей жизни, Джемалдин Яндиев тяжело переживал свое исключение из Союза писателей СССР. Вот что он писал в письме к Ответственному секретарю Президиума Союза советских писателей Алексею Суркову в 1954 году: «Я – литератор, поэт. Имею напечатанные книги. Меня переводили на языки братских народов... Для меня как национального поэта наша нарождающаяся литература являлась единственным событием, подаренным Великим Октябрем (Великой октябрьской социалистической революцией – А.К.) Поэтому известие об исключении меня из Союза советских писателей оказалось более тяжелым и трагичным, чем переселение 1944 года. Ни прошлое, ни настоящее мое ничем не запятнано. Своими убеждениями я служил, служу и буду служить честно своим сердцем нашей Великой Родине»

А Кайсын Кулиев успокаивал друга-поэта в своем стихотворении, посвященном Джемалдину Яндиеву:

Не плачь, мой друг. Как облако, спокоен
Средь этих тягот и лишений будь.
Со всяким в жизни может быть такое –
Нам всем случалось горюшка хлебнуть.

Что для тебя теперь беда? Пустое!
Будь мудр. Пойми, что я всецело прав:
Кто потерял коня, тому не стоит
Страдать и плакать, плетку потеряв.

И еще случай, связанный с любимым выражением Джемалдина Яндиева – Гусар. Когда он хотел воздать кому-нибудь высшую похвалу, или выразить к нему уважение, или проявить дружеское расположение, он называл человека Гусаром. Он произносил это слово так часто и так естественно, что вскоре его самого стали называть Гусаром. Это его выражение получило такую популярность и распространение, что им стали проявлять уважение ко всему Союзу писателей Чечено-Ингушетии.

Так, однажды в семидесятые годы прошлого столетия в Дагестане проходили Дни литературы и искусства. И вот в день приезда делегации литераторов и деятелей искусств Чечено-Ингушетии журналисты республиканской газеты «Молодежь Дагестана» в избытке дружеских чувств над логотипом издания вместо привычного и обязательного

лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» разверстали на всю страницу крупно набранные слова приветствия по-кавказски: «Салам, Гусары!» Другая газета тоже вышла с броской шапкой над логотипом: «Вперед, Гусары!» Редакторы сделали это от чистого сердца, стараясь выразить этим всю полноту уважения дагестанцев к дорогим гостям. Но они едва не поплатились должностями за эту вольность.

Известный чеченский писатель Зияудин Абдулаев свои воспоминания о Дж.Яндиеве тоже назвал просто: «Слово о Гусаре».

Таким он был, этот удивительный человек и Поэт, который имел право говорить о себе:

Как вставшее утро, светел мой мир,
Душа прозрачна, как горный родник.

Или еще:

На землю я пришел не ради лжи,
Не для того,
Чтоб, сея миражи,
Перед неправдой сильной на колени
Упасть,
Когда лишь в правде – исцеленье
И возвышенье страждущей души.

Таким и помнится он мне, этот остроумный, дружелюбный, доверчивый, мудрый человек и поэт-новатор в ингушской литературе, о котором доктор филологических наук Хасан Туркаев в своей монографии «Путь к художественной правде»: «Джемалдин Яндиев с первых же творческих шагов привнес в ингушскую литературу столько емких по содержанию, великолепных по форме, выразительности и ассоциативному строю художественных образов, что он по праву считается подлинным новатором в области родного стихотворчества. Поэт никогда не выбирал легких путей в поэзии, никогда не повторял других. Все, о чем он писал, было выстрадано и пережито им.»

Как и все люди, отмеченные большим талантом и особой одаренностью, был он человеком простым, снисходительным, добродушным и общительным. Как говорится, был «душа нараспашку» Глаза его всегда светились доброй улыбкой. Он был шумным и бескорыстным, как ребенок. Эти черты характера Джемалдина Яндиева точно передала в своем стихотворении, посвященном поэту, всемирно известная Народная поэтесса Чечено-Ингушетии Раиса Ахматова:

Был награжден он в жизни вечным детством,
Той щедростью и зоркостью светил.
И вся земля была его наследством
И он ее со всеми разделил.

Поэт быстро сходился с людьми: они тянулись к нему, потому что он заражал их всех своим оптимизмом, жизнелюбием и душевной щедростью. Любил пошутить и понимал шутку. Его любимые слова, фразы и шутки повторялись всеми и становились вскоре афоризмами и притчами, потому что были всегда точными, меткими, естественными оригинальными - по характеристике, емкими и краткими – по мысли. Мне особенно нравилось его выражение презрения к плохому человеку: «Две копейки в базарный день – цена ему». Или о плохих стихах: «И копейку не стоят они в базарный день». Такую оценку, бывало, давал и моим стихам, которыми был недоволен он не терпел издевательства над поэзией. В своих оценках был он всегда прям и высказывал свое мнение прямо в лицо, как бы человеку это неприятно не было.

Говорю обо всем этом так уверенно, потому что много лет близко знал Джемалдина Яндиева, дружил с ним, хотя он был почти что на двадцать два года старше меня, он относился ко мне как к равному. Много раз бывал у него в гостях – он жил на третьем этаже в четырехэтажном доме по проспекту Революции в Грозном. И он не однажды бывал моим гостем. Не однажды выступал вместе с ним на встречах с читателями и в Грозном, и в селах республики, Участвовал в днях литературы и искусства в Дагестане, Северной Осетии, Кабардино-Балкарии. Я гордился дружбой с ним, человеком и поэтом, одним из ветеранов литературы, которые, как пишет Х.Туркаев в названной выше своей монографии, уже «пришли к первому Съезду Союза советских писателей в 1934 году с яркими творческими успехами». Я до сих пор бережно храню, как память о нем сборник его стихотворений «Лавина» с размашистой дарственной надписью: «Моему другу и поэту .- истинному Гусару – Адизу Кусаеву. От всего сердца. Дж. Яндиев».

Родился Джемалдин Яндиев в октябре 1916 года в селе Балта Пригородного района Ингушетии в семье горца-земледельца. Позже об этом горном крае поэт писал так:

Где я рожден – в скале гнездо орлицы;
Где я рожден – обвал гремящий мчится.
Там водопад кружит чинары лист,
Как сердце матери, там воздух чист.

Ему было всего четыре года, когда умерла мать в 1920 году. Отец его умер позже, в депортации в 1950 году.

В 1925-1929 годах учился в Балтинской сельской школе, в 1929-1932-м Джемалдин учится в Ингушском педагогическом училище в Назрани, а в 1933-1936-м - в индустриальном техникуме в городе Владикавказе, где получил диплом тепломеханика. Но ни учителем, ни тепломехаником не становится, а увлекшись журналистикой, с ней связывает многие годы своей жизни. В 1936-1938 годах Дж.Яндиев работает корреспондентом в редакции Чечено-Ингушской республиканской газеты «Ленинский путь» и одновременно становится переводчиком Чечено-Ингушского республиканского книжного издательства. И в эти же годы он учится на заочном отделении Литературного института им.Максима Горького Союза писателей СССР. В 1938 году его принимают в Союз писателей СССР и назначают в начале Ответственным секретарем Союза писателей Чечено-Ингушетии, а затем избирают Председателем Союза писателей ЧИАССР. Работает поэт в этой должности до 1941 года. С 1941-го до самого трагического дня в истории чеченцев и ингушей – 23 февраля 1944 года, когда был депортирован вместе со всем народом в Киргизскую ССР, Джемалдин – заведующий редакцией литературно-драматических программ Чечено-Ингушского республиканского радиокomiteта.

Об этом времени так вспоминал профессор из Ленинграда, старший научный сотрудник института этнографии Академии наук России Борис Путилов, работавший в военные годы в Чечено-Ингушском радиокomiteте вместе с Дж.Яндиевым: «Джемалдин – высокий, стройный, подтянутый, одетый в военную форму – всегда входил в радиокomiteт стремительно. Мне нравилась его внешность, красивое темнокожое лицо, крупный нос с горбинкой, большие, навывкате, глаза, высокий лоб мудреца и всегдашнее творческое горение. Голос у него был сильным, густым. Поэтому тексты, особенно – стихи, он читал своеобразно: начинал во весь свой мощный голос, а заканчивал фразу едва слышно – голос его постепенно затихал, как угасающий костер»,

О нем упоминает в своих воспоминаниях и выдающийся чеченский ученый-языковед, доктор филологических наук Юнус Дешериев, который был послан по заданию ЦК ВКП(б) в республику для активизации идеологической работы и работал главным редактором Чечено-Ингушского радиокomiteтеа в 1942-1943 годах. «С радиокomiteтом

сотрудничали, - писал ученый, - замечательный ингушский поэт Джемалдин Яндиев, чеченский поэт-драматург Нурдин Музаев...»

Это было время, как писал в 1943 годах известный советский писатель Павел Павленко, который в это трудное время находился в Грозном, в газете «Известия», когда Настроение «было спокойно-суровое, и уверенность в своих силах проглядывалось решительно во всем. Это сказывалось и в литературе. Стихи чечено-ингушских поэтов звучали по радио ежедневно. Имена их появлялись в печати и в радиовыступлениях так часто, что, казалось, они работали без отдыха».

В ссылке жил до 1956 года в городе Фрунзе (сейчас – Бишкек), пока в том году не выехал вместе со своим другом Кайсыном Кулиевым в город Москву на учебу в Высших литературных курсах при Литературном институте им. М.Горького. В них он пробыл до конца 1958 года и в 1959 году наконец-то возвращается на родину, с 1959 по 1967 год работает в городе Грозном редактором, старшим редактором редакции литературно-драматических программ ингушского вещания Грозненской студии телевидения Государственного комитета ЧИАССР по телевидению и радиовещанию. Там на одном из общих собраниях сотрудников Комитета я и встретился с ним в первый раз в 1966 году. С того дня наша дружба продолжалась до его кончины в 1979 году. С 1967 по 1979 год Дж.Яндиев работал литературным консультантом Союза писателей Чечено-Ингушетии. И, надо сказать, наставником он был хотя и добрым, но очень строгим, добросовестным и требовательным. Ни одно наше произведение не оставалось без его внимания и суровой или похвальной критики и оценки.

Поэтический дар Джемалдина Яндиева проявился рано – еще в годы учебы в педагогическом училище, но публиковаться в печати он начал в 1936 году. И сразу же привлек внимание читателей и критики оригинальностью и новизной своего творчества. Первые же его стихи вошли в коллективный сборник молодых чеченских и ингушских поэтов «Наши песни» (1940 год). А первая книжка его стихотворений «Зеркало времени» вышла из печати в 1941 году. И с этого времени тема времени становится одной из главных в его творчестве. К нему он обращается во всех своих сборниках с настоятельной просьбой:

О, дай мне, время, дай мне, время,
В седло вскочить дай, время, в раз.
Дай, время ногу вставить в стремя,
Отбросить робость, словно бремя,
От Родины в счастливый час
Похвал дожждаться
Дай мне, время,
И, как трубы призывной медь,
В горах родимых прозвенеть...

О первых шагах Дж.Яндиева в поэзию так вспоминал мэтр чеченской литературы Магомет Мамакаев: «Начинающих в те довоенные годы было много. И не всегда у нас для них находилось время. Но внешний вид Дж. Яндиева был поэтически очень притягательным. И я, работавший тогда, в 1936-1937 годах, редактором газеты «Ленинский путь» решил выслушать его... Он начал читать. Уже само чтение у него было не как у других – монотонное, заунывное. Это было страстное, горячее извержение чувств, облеченных в яркие поэтические образы. После нескольких стихотворений я дал положительный отзыв на всю рукопись: ведь нет необходимости съедать весь чурек, чтобы оценить его вкус. И никогда впоследствии мне не пришлось краснеть за него: стихи Дж. Яндиева, его поэтические сборники, вышедшие позже, были один лучше другого».

А издал их Джемалдин Яндиев после первого сборника в разные годы более двадцати на ингушском и русском языках в Москве и в Грозном. На родном языке такие, как: «Песни об Отечественной войне», «Родные горы», «Полдень», «Раздумья»;

на русском языке: «Сердце матери. Стихотворения», «Горская песня», «Стихотворения», «Эхо в горах», «Лавина. Стихи разных лет», «Утренние раздумья», «Избранное. Стихи и поэмы» и другие. Последний сборник его поэзии «Дж. Яндиев – известный и неизвестный» вышел в Грозном уже после смерти автора.

Кроме того стихи Дж.Яндиева часто печатались в республиканских газетах и альманахах «Сердало». «Грозненский рабочий», «Утро гор», «Орга» и в центральных журналах и газетах – «Октябрь», «Дружба народов», «Наш современник», «Огонек», «Литературная газета» «Литературная Россия» в прекрасных переводах А.Тарковского, С.Липкина, Н.Асанова, А.Передреева, Н.Гребнева и других. Достойное место заняли его стихотворные подборки и в Антологиях чечено-ингушской поэзии «Поэзия Чечено-Ингушетии (г.Москва, 1959 г.) и «Чечено-Ингушская поэзия» (г.Грозный, 1981г.) Его стихи были переведены на многие языки народов бывшего Советского Союза. На стихи поэта написано множество песен, которые, как и сами стихи автора, становились быстро народными.

За этот неоценимо большой вклад в развитие ингушской литературы поэт и отмечен был достойно: он первым из ингушских литераторов получил высокое и почетное звание – Народный поэт Чечено-Ингушетии и орден Знак почета.

Он был мастером стиха, особенно – любовной поэзии и лирической миниатюры. Вот, например, коротенькое всеми любимое и часто цитируемое стихотворение «Слеза», которое после первого же прочтения я запомнил на всю жизнь, как образец высокой поэзии:

Как тяжкая капля из тучи,
Когда созревает гроза,
Из глаз ее, ясных и жгучих,
Так первая пала слеза.
Я бросился, чтоб удержать ее,
Я руки подставил, моля...
Прожгла она руки и сердце –
И в черные пала поля!

Об этой особенности и своеобразии поэзии Дж. Яндиева ученый-литературовед Х.Туркаев писал в монографии «Путь к художественной правде»: «Лирике поэта никогда не была присуща поверхностность переживаний, мысли. Он показывал нам душу лирического героя. Любовь для поэта – это одно из таких святых понятий, как родина, мать, родная природа. Чувства к любимой заставляют его жить, творя для людей добрые дела, оставляя на земле о себе добрую память».

Но главным своим долгом поэт считает служение своей стране, своему народу. Это он подчеркивает даже в любовной лирике. В стихотворении «Женщине» он пишет:

Я был бы всюду и везде с тобой,
Я за тобой всегда бродил бы тенью,
Когда б Отчизна не звала на бой
И мужество не звало б в наступленье.
Ведь, если Родины лишусь своей
И не пойдем на зов, что всех дороже,
Я не дождусь прощенья от людей,
Моей любви ты не поверишь тоже.

Я бы мог писать о своем друге и наставнике Джемалдине Яндиеве бесконечно много. Но, думаю, что он завоевал себе бессмертие и без моих свидетельств об его необыкновенном и неповторимом, ярком и выдающемся таланте. И не скажу лучше, чем классик чеченской литературы, известный писатель Магомет Сулаев, который писал: «Дж.Яндиев не обманул людей, заявив первыми стихами о своем таланте. Он уверенно вошел в ингушскую литературу и сразу утвердился в ней. Потому он и был дорог дюдам, что дарил своей поэзией душевную радость читателям всех поколений. Потому и бессмертен он, что неувядаемы его стихи».

Дж.Яндиев, как и каждый творец часто думал о грядущем и, обращаясь ко времени, задавал вопрос о будущем своей поэзии:

Скажи мне, не исчезнет ли в горах,
Подобно эху выстрела ночного,
Мой голос, мое песенное слово,
Ответа не нашедшее в сердцах?
Или останусь я в сердцах людей
И отражусь в глазах моих потомков?
Я жизнь прожил среди людей не волком,
Что за добычей рыскает своей.

Сомнения поэта о забвении своего в будущем были напрасны: его имя и его поэзия забвению не подлежат. Он жил.

Он жив,

Он будет жить!

Абдулла Киндаров (1935)

Это сейчас он старый, седоусый, умудренный опытом, прошедший в долгой жизни Крым и Рим и медные трубы, но все еще не унывающий и работающий пенсионер, а в свое время был молодым пышневолосым, шустрым, инициативным, устремленным и активным молодым человеком – лидером любой молодежной группы. Я впервые познакомился с ним почти что шестьдесят лет назад в городе Грозном, куда я после окончания средней школы в тринадцатилетней бессудной ссылки в гонимой Киргизии приехал поступать в вуз. Но не пройдя в него по конкурсу, поступил в техникум статистики. Там я попал в группу крепких, сильных, умных, жаждущих знаний чеченских парней, уроженцев разных сел Чечни, возвратившихся на родину из различных сел и городов Казахстана и Киргизии: Султана Эдисултанова из Старых Атагов, Асламбека Сардалова из Шали, Казбека Нинчиева из Старой Сунжи, Леида Пашаева из Ведено, Ибрагима Дидаева из Гойты, Абдул-Вахида Исаева из Белгатоя и других. Почти все они, впоследствии окончив высшие учебные заведения, стали известными в жизни Чечни и России людьми – докторами и кандидатами наук, писателями, журналистами и руководящими работниками. Мы крепко сдружились и были верны этой дружбе до конца. Увы сегодня иных уж нет, а те – далече.

В те первые годы возвращения на родину чеченские юноши все старались перезнакомиться, особенно близкими становились ровесники и односельчанами. В те годы случилось и мое знакомство с Абдуллой Киндаровым, о ком и идет речь. Когда однажды он пришел в гости к своему односельчанину и моему однокурснику Абдул-Вахиду Исаеву, тот сказал:

-Познакомься, Абдулла, - это Адиз – мой однокурсник и друг. И наш белгатоец из села Шуани.

-Ну, что ж, будет теперь и моим другом, - весело сказал Абдулла и крепко пожал мою руку. С тех пор и не прерываются наши дружеские связи.

Особо вспоминается мне еще один эпизод из жизни и организаторской деятельности Абдуллы Киндарова в молодые годы. Это было в 1967 году. В нашей республике, как и во всем необъятном Советском Союзе, шел фестиваль художественной самодеятельности, посвященный пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Как обычно вначале проходили районные отборочные туры, а мы работники музыкальной редакции Чечено-Ингушского радиокомитета ездили по районам на своей передвижной звукозаписывающей установке и записывали песни и мелодии, пополняя в те годы все еще очень бедный и скудный фонд национальной музыки. На очередную запись в Ножай-Юртовский район поехал я, в тот год редактор редакции музыкальных программ радио. Три дня провели мы там, с утра до вечера

прослушивая самодеятельных звонкоголосых исполнителей, гармонистов, дечк-пандуристов, 1адхьокху-пандуристов и отбирая номера на финал. И все дни в жюри, не зная отдыха и усталости, сидел Абдулла – секретарь Ножай – Юртовского райкома партии – тихий, спокойный, невозмутимый.

Записи для радио отобранных номеров мы начинали поздно ночью, когда опустевший от многочисленных слушателей большой районный Дворец культуры затихал, чтобы не было посторонних шумов. Часто делалось несколько дублей для чистоты звучания и процесс записи затягивался до двух–трех часов ночи. И все это время с нами находился Абдулла, успокаивая и подбадривая уставших артистов, подкармливая проголодавшихся, волнуясь не меньше, чем они, и переживая за них. В те дни мы записали песни в исполнении великолепной группы Беки Эльмурзаева, Беки Оздамирова, Магомед Бушуева, соло Ильмана Салманова, мелодий гармониста Элемара Церебицева и других. Многие из них звучали по чеченскому радио до последнего времени. В районе был такой всплеск и взлет самодеятельного творчества, что прославил его не только по всей Чечне, но и по всей России. С тех дней и ходит по Чечне поговорка: «если хочешь услышать настоящие чеченские песни, поезжай в Ножай-Юрт, а если жаждешь увидеть настоящие чеченские танцы, спеши в Шатой». Эта слава во многом была, как оказалось, заслугой Абдуллы Киндарова, назначенного в 1963 году секретарем по идеологии Ножай – Юртовского райкома КПСС.

Это был очень ответственный участок работы. В Ножай-Юртовском районе, как и других горных регионах республики, накопилось много нерешенных проблем. Главным коллективным организаторами на местах являлись, прежде всего, партийные органы. Поэтому А. Киндаров решительно и сразу же активно включился в работу. Вместе с первым секретарем райкома С.–А. Даурбековым стали вовлекать людей в возрождение края. Начали строить методом народной стройки – белхи – школы, клубы и библиотеки – в первую очередь. Молодежь не шла в самодеятельность, хотя народных талантов в селах оказалось много, потому что во многих селах не было еще клубов, а в районный центр добираться было трудно из-за плохих дорог, больших расстояний и отсутствия транспорта. Да и противодействие некоторых родителей надо было преодолевать. Этими вопросами А. Киндаров занялся во вторую очередь.

Наконец, подавив амбиции молодого начальника и презрев насмешки коллег, он взвалил на свои плечи ответственность руководителя художественной самодеятельности района. Местные парни и девушки оказались очень отзывчивыми и талантливыми от природы. На постановку танцев и разбивку голосов в хоре, во главу которого, подавая пример другим, часто вставал сам Абдулла, периодически приглашали специалистов из методического центра Министерства культуры республики. Огромную поддержку в решении этих вопросов району оказывал В.А. Татаев - министр культуры ЧИАССР, которого коллеги в Москве и во всем Советском Союзе с любовью и уважением называли «большим министром маленькой республики». Этот огромный труд дал прекрасные плоды: уже в 1965 году коллектив художественной самодеятельности Ножай-Юртовского района занял первое место в республике и с тех пор не упускает его и по сегодняшний день.

В те годы Абдулла Киндаров познакомился и с моим отцом Джабраилом, которым работал в районной потребительской кооперации. Он отзывался об Абдулле Гарсиевиче всегда по чеченски немногословно и просто: «Хороший человек. Настоящий чеченец. Побольше бы таких...»

Предметом особой гордости – Абдуллы Киндарова было открытие в Ножай-Юрте средней школы-интерната для девушек. И эта мечта его сбылась, конечно же, прежде всего, благодаря настойчивости и упорному труду. За короткий срок здесь получили

общее среднее образование сотни девушек-чеченок из разных горных селений. Сейчас многие из них - заслуженные учителя, врачи, агрономы, инженеры и ученые.

Родился Абдулла Киндаров 25 июня 1935 года в селе Белгатой Шалинского района Чечено-Ингушской АССР. Еще в родном селе успел закончить два класса, когда со всем чеченским народом 23 февраля 1944 года был депортирован в Киргизскую ССР. Жил и учебу в школе продолжал в селе Калининское Калининского района Фрунзенской области. И еще в школе проявил характер лидера: он спецпереселенец был избран секретарем комсомольской организации, несмотря на сопротивление некоторых учителей.

Время было тяжелое, голодное. Многие дети спецпереселенцев, чтобы материально помочь семье, рано начинали работать и старались, как можно скорее, получить любую специальность. Поэтому Абдулла Киндаров по окончании средней школы в 1955 году поступил на ускоренное отделение механиков в техникум механизации и электрификации сельского хозяйства в г. Токмак.

В 1957 году, когда начался процесс восстановления Чечено-Ингушской АССР, отдельные молодые специалисты из коренных национальностей были востребованы в различные сферы деятельности. Абдулла Киндарова рекомендовали на комсомольскую работу. В июне 1957 г. он утверждается инструктором Шалинского райкома комсомола, в сентябре того же года избирается вторым секретарем РК ВЛКСМ. По меркам того времени это был серьезный взлет в карьерной иерархии. Но в октябре 1958 г. его призвали на действительную военную службу. Демобилизация Абдуллы состоялась в 1961 году. По возвращении домой он был избран первым секретарем Шалинского райкома комсомола. Так он оказался в списке кадровой номенклатуры, которая утверждалась на высшем партийном уровне республики.

В феврале 1962 г. А. Киндарова избрали вторым секретарем Чечено-Ингушского обкома ВЛКСМ, а в ноябре 1963г. он направляется в Ножай-Юртовский райком КПСС секретарем по идеологическим вопросам. К заслугам его этого периода можно и нужно отнести и такой противоречащий антирелигиозной идеологии КПСС факт, что именно настойчивость Абдуллы Киндарова - секретаря по идеологии райкома партии! – было не допущено разрушения старинных мечетей в селениях Центарой, Зандак, Махкеты, Саясан, Ялхой-мохк и других местах. По его инициативе эти объекты в установленном порядке были включены в перечень памятников истории и культуры чеченского народа и сохранены для потомков.

Такие вольности не остаются безнаказанными и Абдулла Киндарова на очередной отчетно-выборной районной партийной конференции даже не включили в список кандидатов в новый состав райкома КПСС, то есть он в одночасье оказался безработным. Но не надолго – его вскоре пригласили на ответственную должность в аппарат правительства республики, где оченьгодились его знания юриста и большой опыт работы.

В 1975 году меняется партийное руководство в Чечено-Ингушетии и, по его решению, Абдулла Киндарова направляют на учебу в город Москву – в Высшую партийную школу при ЦК КПСС. Годы учебы в столице пролетели быстро. Абдулла Киндаров окончил учебное заведение с дипломом отличия. Вернулся домой и вскоре в мае 1978 года стал председателем Гудермесского городского исполнительного комитета. Эту должность он занимал семь лет.

В январе 1985 г. А.Г. Киндарова назначается министром культуры ЧИАССР. Им он являлся до июня 1993 г. Энергичный опытный, глубоко разбирающийся в проблемах культуры, он был инициатором создания новых творческих и исполнительских коллективов: женского вокального ансамбля «Жовхар», хоровой капеллы «Илли», молодежного ансамбля танца «Нохчо» и других. По его же инициативе состоялось

открытие Научно-исторического фольклорного центра. С его именем тесно связано создание научно-производственного объединения «Реставрация», проектного бюро и девяти новых музеев: литературно-этнографического Л.Н. Толстого в станице Старогладковской, литературно-мемориального А.Мамакаева в селе Надтеречном, литературного М.Ю. Лермонтова на хуторе Парабоч в Шелковском районе, краеведческого в с. Махкеты Веденского района, нефтяников в Старопромысловском районе, железнодорожников на станции Гудермес, Гапура Ахриева в ауле Фуртоуг в Ингушетии и другие.

Для охраны памятников культуры, архитектуры и природы под руководством А.Киндарова были созданы историко-архитектурные и природные музеи-заповедники – Армхинский в Ингушетии и Аргунский в Чечне. В селах республики было построены сорок пять новых клубных учреждений на четырнадцать тысяч посадочных мест. Впервые за свою историю известный республиканский ансамбль песни и танца «Вайнах» получил для репетиций и концертов великолепное здание зимнего театра в парке культуры им. С.М. Кирова, пустовавший много десятилетий. Тогда же в репертуар республиканского симфонического оркестра были впервые включены и исполнены произведения чеченских композиторов А. Шахбулатова, У. Бексултанова, У. Димаева, З. Чергизбиева и др.

В 1990 г. по личной инициативе Абдуллы Киндандорова была проведена крупная культурно-политическая акция под символическим названием «Терек – река дружбы», в которой приняли участие коллективы всех южных регионов РСФСР. Эти и множество других начинаний министерства культуры ЧИАССР, лично министра А.Г. Киндарова по возрождению духовной жизни народа соответствовали времени перестройки, обновления общества и, естественно, пользовались поддержкой широкой общественности республики.

С 1997 года Абдулла Киндаров на пенсии. В эти годы в нем проснулся талант писателя-публициста, который, как оказалось дремал в нем с дней комсомольской юности, когда он вел ежедневно дневник. Вести его нас всех учили еще школьные учителя. «Ежедневно записывайте все, что переживаете, увидите, услышите, - учил меня, например, мой учитель литературы В.А. Кельбин – Память – штука ненадежная, а бумага все сохранит. И если ваши записи не пригодятся вам в практической жизни, то хотя бы, спустя годы будет интересно и приятно читать и вспоминать прошлое».

Абдулле Киндарову было, что вспомнить, о ком писать, о чем поведать своим читателям. И только за два года (2008-2009гг.) он написал и издал три тома своих замечательных мемуаров: «Исповедь чеченца. Воспоминания и размещения». Совершив хадж в Мекку, Абдулла-хаджи Киндаров в 2012 г. подготовил и издал книгу «Хайба. Шейх Сугаип-Мулла Гойсумов». Это не только историко-биографический очерк о жизни выдающегося деятеля-богослова, но и показатель высокой духовности, благородства и человечности самого автора. В 2014 году впервые написал и издал фундаментальное исследование об истории белгатоевского тейпа «Восставшие из мертвых». И, наконец, в 2015 году публицист издал очень важный и полезный для новых поколений нашего народа труд «Характер. Достоинство. Обычай»

В 2015 году А. Киндаров принят в Союз писателей Чечни.

Он имеет множество наград и званий. Среди них значительное место занимает звание лауреата премии Региональной общественной организации «Интеллектуальный центр Чеченской республики» в номинации «Духовные корни» с вручением символа «Серебряная сова».

В главе «Восставшие из мертвых» своей книги об истории белгатоевского тейпа «Восставшие из мертвых» Абдулла Киндаров приводит несколько мнений о происхождении тейпа и самого слова «белгатой». В их числе - самый романтический и наиболее вероятный вариант, принятый и одобренный всеми белгатоевцами.

«...Чебарлой – большая земля. Когда там размножились люди и возникли трудности с посевными площадями, пастбищами, они стали разъезжаться оттуда. Хасай тоже спустился на равнину. Он облюбовал место на левом берегу реки Ясси: все рядом – пастбища для скота, чистые родники для питья, густой лес и, главное, – поляна для строительства. А что нужно еще для человека! Счастливым стал жить здесь Хасай.

...Пять поколений сменилось после этого. Но вдруг в его селе распространилась страшная зараза. Люди стали умирать. Когда же живые хотели покинуть село, то их не выпустили жители окрестных аулов, окружившие село, кто пытался бежать, того убивали.

Так оберегались люди от опасной заразы: ждали, когда в обреченном селе все умрут, то сжигали его. В те времена таких заразных болезней на земле было много. В наших краях часто–часто свирепствовали тиф, чума, оспа и прочие заразные инфекции.

Много времени прошло после этого, но в заброшенном селе никто не появлялся. Однажды люди, вышедшие на охоту в горы, неожиданно увидели три-четыре дыма, явно поднимающиеся из печей в Алхан-Юрте. Они рассказали про увиденное другим горцам. Через некоторое время они удивились еще больше, когда из села, считавшегося мертвым, появились живые люди. Оказалось, что в Алхан-Юрте в живых остались одиннадцать человек – пять мужчин и шесть женщин. Они–то и возродили село. Чудом ожившее село люди из окрестных аулов начали называть с тех пор – восставшие из мертвых – беллачуэра гевттинарш, по-чеченски. Со временем люди для легкости произношения сократили два слова до одного – Белгата. И это имя утвердилось за селом».

Это говорит о том, что никакая чума, тиф, холера–ничто – не может сломить дух белгатоевцев, уничтожить их, поставить на колени. И я немало горжусь тем, что с такими выдающимися людьми, как прославленный писатель и ученый–литературовед Нурдин Музаев, ученые Аюб и Абубакар Манкиевы, Абдулла Киндаров, Нурдин Усамов и другие принадлежу к этому тейпу. Как, кстати, и тем, что Абдулла Киндаров – мой старый и испытанный друг, с которым в своей комсомольской юности и партийной зрелости мы немало сделали, да и сейчас, несмотря на преклонный возраст, делаем для своей родной республики и для своего чеченского народа, продолжая творить для них.

Салаутдин Магомаев (1936)

Когда в 1970 году по решению отдела пропаганды Чечено-Ингушского обкома КПСС меня перевели заведующим отделом культуры и быта в редакцию республиканской газеты «Ленинский путь», я встретил там целую плеяду опытейших чеченских журналистов, как говорят, «зубров» журналистики. Это были преданные газетному делу подвижники, знатоки родной речи, однако прекрасно владевшие и русским языком: главный редактор Бисултан Габисов, публицисты Хамид Хасмагомадов, Махмуд Ошаев, племянник знаменитого писателя Халида Ошаева, Зиявдин Мехтиев, Билил Чалаев, Докка Кагерманов и другие. Они очень ответственно относились к своей работе, легко справлялись с любым самым трудным заданием редакции, играючи переводили на чеченский любые самые сложные тексты, включая даже материалы съездов и пленумов ЦК ПСС, сочинений классиков марксизма–ленинизма и так далее. Наблюдая за их работой, слушая страстные споры о творчестве и бескомпромисные выступления на летучках и планерках, видя скрупулезность и тщательность при редактировании любых материалов, идущих в номер, и ответственное отношение к дежурству по выпуску газеты, я учился всему, что составляет мастерство журналиста и, по совместительству, писателя – многие из них были к тому же еще и одаренными писателями.

Одним из этих «зубров» журналистики был и Салаутдин (мы в обходе звали его просто – Салавди) Магомаев, почти что мой ровесник, потому что родился он всего на два

года раньше меня – 12 марта 1936 года в селе Урус – Мартан Урус-Мартановского района ЧИАССР. О том периоде нашей совместной работы он писал впоследствии в своих воспоминаниях:

«Без прошлого не может быть настоящего, я уверен, и будущего. Таков закон жизни. Поэтому в моей памяти живут долгое время в газете («Ленинский путь» - А.К.) проработавшие журналисты и писатели... В газете в шестидесятые-семидесятые годы двадцатого столетия работали прославленные писатели Нурдин Музаев, Магомет Сулаев, Хасмагомед Эдилов, Адиз Кусаев, Билал Чалаев, Руслан Нашхоев, Жамалдин Махмаев и другие» (1).

С. Магомаеву было уже восемь лет, когда признанный «врагом народа», он был депортирован в Казахскую ССР. Семья их оказалась в поселке «Красный Восток» Алма – Атинского района Алма – Атанской области. Там он и начал учебу в первом классе. Как и у всего нашего поколения, высленного в шесть – восемь лет, так и у Салаутдина была огромная тяга к учебе. В школе привили нам и любовь к чтению. В этом отношении нам повезло без кавычек, потому что действительно нашим везением считаю то, что в нашем детстве, юности не было ни телевизоров, ни компьютеров, ни телефонов, что даже газеты и радио были большой редкостью. И единственной нашей радостью и источником всех наших знаний была книга. В первый класс С. Магомаев был записан сразу по прибытию на место поселения и, хотя до конца учебного года оставалось всего три месяца, он за это время освоил программу первого класса полностью и был переведен во второй класс.

«В 1954 году, когда после смерти «отца народов» начались послабления и возможно стало свободно передвигаться в местах спец поселений, - вспоминает Салаутдин Магомаев, - в поисках лучшей доли мы всей семьей переехали в колхоз «Парижская Коммуна» Алма-Атинского района той же области. После переезда туда, перейдя в вечернюю школу, я начал работать грузчиком на Главном материальном складе железной дороги, потом - в Отделе рабочего снабжения (ОРСе) В июне 1955 года, когда в столице Казахстана начала работать радиоредакция и издаваться для высленных чеченцев и ингушей республиканская газета «Знамя труда» на чеченском языке, меня пригласили работать в редакцию этой газеты». (2) Редактором газеты был известный ученый-историк М. Абазатов, а руководителем радиоредакции – писатель-драматург и театральная деятель Абдулла Хамидов».

С начала Салаутдин был учетчиком отдела писем, затем ему доверили быть подчитчиком у работавшего тогда корректором известного ученого-языковеда и знатока чеченского фольклора Зайнди Джамалханова. С.Магомаеву в самом начале журналистского пути посчастливилось, работая в редакции, общаться и учиться у замечательных людей, представителей чеченской интеллигенции, таких, как Бисултан Габисов, Абдулла Хамидов, Нурдин Музаев, Билал Чалаев, Хамид Хасмагомедов, Хасмагомед Эдилов, Раиса Ахматова и другие. В редакции часто бывали писатели Саид-Бей Арсанов, Магомет Мамакаев, Арби Мамакаев, уже в те годы знаменитый танцор Махмуд Эсамбаев, а в радиоредакции работали гармонис-виртуоз Умар Димаев, народные исполнители Баудин Сулейманов, Идрис Цицкиев, Балкан Анзорова, Йисита Ганукаева, выдающаяся певица Марьям Айдамирова, едва не угодившая в тюрьму за исполнение в одном из концертов «Песню Бэлы» из одноименного спектакля Чеченского годрамтеатра, пронятую как упреки «отцу народов» за депортацию, и так далее.. Редакция являлась неким центром, где собиралась вся чеченская интеллигенция; здесь проходили беседы, обсуждались новые произведения, решались вопросы по изданию книг чеченских и ингушских авторов.

В редакции газеты «Знамя труда» С.Магомаев проработал до 30 мая 1957 года, вплоть до выезда семьи на родину – в Чечню. По прибытии в г. Грозный он сразу же стал

литературным сотрудником вновь восстановленной республиканской газеты «Ленинский путь». Затем в той же редакции работал корреспондентом, переводчиком.

«Это было интересное и насыщенное время, наполненное значительными событиями по восстановлению республики после тринадцатилетней ссылки. - вспоминает С. Магомаев. – Мы, молодые люди, часто собирались вместе, обсуждали предстоящие события, и каждому из нас хотелось внести свою определенную лепту в возрождение жизни нашего народа. Никто не хотел оставаться в стороне. А главное – все старались поступить учиться в высшие учебные заведения. В редакции газеты в тот период работали: Хамид Хасмагоматов, Билал Чалаев. Бисултан Габисов, Хасмагомед Магомаев. Рядом с такими корифеями чеченской журналистики было легко трудиться, и многому я у них научился. Я на всю жизнь остался им благодарен и очень признателен этим замечательным людям».

В 1958 году Салаутдин Магомаев поступает на заочное отделение историко-филологического факультета Чечено-Ингушского государственного педагогического института. В 1960 году, еще до окончания этого вуза, его направляют в г. Москву учиться на шестимесячные курсы переподготовки партийных и советских работников Высшей партийной школы при ЦК КПСС. А в 1986 году он оканчивает отделение журналистики Ростовской межобластной высшей партийной школы и получает одновременно два высших образования – журналистское и партийно–политическое. Эта учеба шла одновременно с работой в газете. В 1975 году его утвердили заместителем редактора республиканской газеты «Ленинский путь», где в этой должности он проработал до 1991 года.

В 1991-1995 гг. С Магомаев работает в издательстве «Грозненский рабочий», являясь заместителем директора. В самые тяжелые и смутные 1996-2000 годы он был заместителем министра информации и печати Чеченской республики, заместителем редактора газеты «Вести Грозного». С января 2004 года он – корреспондент, а с 2009 года – ответственный секретарь республиканской газеты «Даймохк». Где бы он ни трудился, какую бы должность ни занимал, им всегда двигало и двигает только одно желание – всего себя отдавать работе во благо республики.

На протяжении всей своей трудовой деятельности Салаутдин Магомаев постоянно выполнял общественную работу. В 1973–1975 годах избирался депутатом Грозненского городского Совета, принимал участие и выступал с докладами на конференциях, симпозиумах, читательских дискуссиях по состоянию и развитию чеченского языка. Так, им переведены на родной язык Конституции СССР, РСФСР, Чечено-Ингушской АССР и Чеченской Республики, а «Хамелеон», «Вредитель» и ряд других рассказов А.П.Чехова.

Еще в 1957 году проснулся в Салаутдине Магомаеве дар публициста и прозаика. Его очерки об известных и заслуженных людях республики печатались не только в газете «Даймохк», но и в журналах «Орга» и «Нана». Его переводы рассказов А.П.Чехова публиковались в журналах «Вайнах» и «СтелаГад», сказка «Завет матери» вошла в коллективный сборник чеченских сказок. А рассказы «Время лечит раны», «Пузырь», «Счастливый человек» и другие появились на свет в журнале «Орга».

В 2011 году при содействии Союза писателей Чеченской республики в издательстве «Грозненский рабочий» увидела свет книга Салаутдина Магомаева «Хетахь доГла мела хуьлура» («В то время дождь был теплым»), куда вошло 27 произведений, среди которых рассказы, воспоминания и переводы.

Очень трогательно написаны воспоминания автора о родителях, своих детских и юношеских годах, о времени возрождения республики после возвращения чеченского

народа из депортации, о своих коллегах по журналистской деятельности. Есть рассказы и юмористического содержания.

О том же, что Салаутдин Магомаев в течение шестидесятилетней творческой деятельности работал честно и добросовестно, говорят его награды и поощрения. За активное участие в общественной жизни республики и заслуги в области журналистской деятельности в 1973 и 1986 годах он удостоивался почетных грамот Президиума Верховного Совета ЧИАССР. В 1982 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры ЧИССР», отмечен Почетными грамотами Главы и Правительства Чеченской республики, министерства по национальной политике, печати и информации Чеченской республики. В 2008 году ему присвоено почетное звание «Заслуженный журналист ЧР», в 2011 году указом Главы Чеченской республики он удостоен медали «За заслуги перед Чеченской республикой». В 2001 году С.Магомаев стал лауреатом премии Региональной общественной организации «Интеллектуальный центр Чеченской республики» «Серебряная сова». С 1959 года – член Союза журналистов России, а с 2009 года является членом Союза писателей России.

Салаутдин Магомаев, стоящий у истоков возрождения чеченской журналистики, несмотря на преклонный возраст, и сегодня в строю, потому что для людей подобного типа возраст творчеству не помеха.

Примечания:

- 1)Магомаев С. В то время и дождь был теплым Грозный, 2011. С. – 74-75.
- 2)Там же.

Гелани Индербаев (1938)

В гости к этому человеку в далекое горное чеченское село Элистанжи, что в Веденском районе, я ездил всегда охотно и в предвкушении прогулок по живописным лесистым горам, окружающим аул, сиделок на траве в тени на вершине поросшего деревьями холмика, у подножья которого стоит гостеприимный дом моего друга, долгих литературных бесед и встреч с учениками средней школы, где он был директором. Ездил - громко сказано, чаще проходил последний отрезок пешком, потому что маршрутный автобус ходил туда очень редко, а ждать «попутки» было бесполезно – автомашин и

частных и в хозяйствах было так мало, что современному поколению трудно поверить в это. Поэтому я выходил из рейсового автобуса «Грозный – Ведено» на так называемой остановке «Поворот» у впадении в реку Хулхулау небольшой горной безымянной речки, которую, как и все многочисленные подобные потоки горцы называют «ахк», что значит – ущелье с речкой, теснина»(1). Оттуда восемь-девять километров до нужного мне пункта я проходил пешком по неширокой, чудной красоты долине под неумолчный, негромкий шум воды, слушая разнообразные, звонкие трели птиц, любясь невысокими горами, поросшими густым лесом, попадал в село и напрямик шел к друга – дорогу к его дому я знал хорошо. И всегда мы находили, о чем говорить, о чем вспомнить – судьбы наши, за редким исключением и до определенного времени были очень похожи, словно копии, снятые с одной биографии.

Посудите сами: Гелани Индербаев, о котором идет речь, родился, как и я в 1938 году, только я – 3 января в с. Шуани, а Гелани – 9 июня в с. Элистанжи. Его отец Ваха и дядя были раскулачены в 1936 году и с семьями высланы в Среднюю Азию, где условия для проживания в безводной горячей пустыне были невыносимы, и они, тайно вернувшись на родину, долго скрывались в разных селах Чечни, но были схвачены в 1937 году и осуждены судом «Тройки» на десять лет каторжных работ «без права переписки», что означало на тогдашнем языке – расстрел. Был раскулачен и арестован прапрадед в 1932-м и, как «сын врага народа» и мой дед в 1937 году. Они тоже пропали без следа, расстрелянные подвалах внутренней тюрьмы НКВД в гор. Грозном. (2)

По делу отца и дяди Г. Индербаева, как «члены семьи изменников. Родины» (ЧСИР), были арестованы мать и жена дяди в 1942 году, которых якобы осудили на три года, но которые так и пропали бесследно в ненасытном чреве Гулага. Готовился арест по той же статье и моего отца и дяди, но им повезло - их спас от этой трагической участи хороший человек.

Гелани было тоже шесть лет, когда его 23 февраля 1944 года вместе с бабушкой и тетей, которые их, сирот, воспитывали, депортировали Казахскую ССР. Попали они в село Тучное Молотовского района Акмолинской области (сейчас – Астана, столица Казахстана). В первый класс он пошел, как и я, в 1947 году в с. Тучное, продолжил учебу до окончания девятого класса – в поселке Каменка того же района. Правда, на родину, в родное село он вернулся на год раньше меня – в 1956, но школу окончил уже в с. Ведено тоже в 1957 – м. Мечтая получить техническую специальность, документы Гелани подал, как и я, в Грозненский государственный нефтяной институт, правда, он – на механический факультет, я – на геологический. И, наверняка, мы встречались с ним на консультациях, экзаменах и в общежитии для абитуриентов на улице им. Павла Мусорова в Октябрьском район. Этот двухэтажный дом стоит и до сих пор, но в нем сейчас совсем другие жители. И не повезло нам одинаково: из-за посредственной оценки по немецкому языку мы оба не прошли конкурс, который в 1957 году в наш вуз был очень высоким для тех лет – десять – двенадцать человек на место. «Казалось, что все молодые люди не только Северного Кавказа, но всего Советского Союза, в том числе и все чеченцы и ингуши, решили поступить именно в Грозненский нефтяной институт, - с горечью писал впоследствии Гелани, - как будто он был единственным нефтяным техническим вузом в стране и как будто на нем клином сошелся весь белый свет».

Дальше наши пути – дороги разошлись: Гелани вернулся в родное село с твердым намерением снова поступать в Грозненский нефтяной, а я, потому что мне возвращаться было некуда – родители были еще в Киргизии, поступил в Грозненский статистический техникум.

В районном отделе народного образования предложили Г. Индербаеву поработать учителем математики и физики, которые он знал в совершенстве, в семилетней школе

родного села. В течение года работы его намерения насчет нефтяного института кардинально изменились, появились другие интересы, стремления, мечты. Поэтому в следующем, 1958, году он поступает на отделение русского языка и литературы историко – филологического факультета Чечено-Ингушского государственного педагогического института, которое и окончил успешно в 1964 году. По направлению вернулся в Элистанжинскую уже среднюю школу, в которой проработал более тринадцати лет, пройдя все ступени роста от преподавателя русского языка и литературы, заместителя директора по учебно – воспитательной работе до должности директора.

В 1992 году переехал он Грозный в связи с началом работы на кафедре русской литературы Чеченского государственного педагогического института. В труднейшие для Чеченской республики годы окончил аспирантуру при институте и в 2009 году Г. Индербаев в Адыгейском государственном университете защитил диссертацию на тему «Роль художественного конфликта в становления, развитии и в современном состоянии чеченской драматургии» и стал кандидатом филологических наук и доцентом ЧГПИ.

Литературой, как и я, Гелани Индербаев увлекся еще в школе, потому что она, во-первых, была его любимым предметом, Во-вторых, любовь к художественной литературе ему привила мудрая учительница, немка, высленная из Поволжья, Лидия Александровна Ган. «Именно, благодаря ей, я пристрастился к чтению книг, - вспоминает ученый – литературовед, писатель и просветитель Г. Индербаев. – Литературной же критикой я увлекся еще в девятом классе, благодаря другой учительнице Людмиле Николаевне. Случилось это вот как. Однажды разбирая наши сочинения по драме А. П. Чехова «Вишневый сад» Людмила Николаевна зачитала всему классу мое сочинение и сказала, что я «по-своему подошел к раскрытию образа Лопахина. В конце учебного года она посоветовала мне поближе познакомиться с творчеством великих русских литературных критиков В. Г. Белинского, Н.А. Добролюбова и других. Что я и сделал». (3).

Печататься в периодике Гелани Индербаев начал в 1965 году. В тот год республиканская молодежная газета «Комсомольское племя» опубликовала его первую рецензию на поэтический сборник видного ингушского писателя Джамалдина Яндиева «Эхо в горах», только что вышедшего в свет. С тех пор им опубликовано более восьмидесяти литературоведческих статей и рецензий о творчестве чеченских и русских писателей, об истории развития прозы и драматургии Чечни, о состоянии литературной критики сегодня республике. Она же сегодня, к сожалению, весьма убога, субъективна, комплиментарна и избирательна, а в иных случаях персонифицирована: критики пишут только об одних и тех же своих кумирах, становясь их личными воспевателями под личиной критиков, и занимаются выискиванием и декларированием «возможных и невозможных достоинств «своих» писателей. В скупости таких критиков никак не упрекаешь: на рассказ, «своего» писателя, который уместился на одной-двух страницах, его личный критик пишет рецензию на три-четыре страницы...». А если критику приходится расшифровывать для читателя каждую картину и ситуацию, то, что можно сказать о таком заумном произведении? Правильно, - грош ему цена» (4)

В числе литературоведческих статей и рецензий Г. Индербаева последних лет такие крупные и емкие исследования, как: «Современная чеченская литературная критика: состояние, проблемы. (//Вайнах, 2010); «Хочу научиться быть полезным людям. Заметки о поэзии Адиза Кусаева.//Кусаев А.Д. Писатели Чечни. Книга третья. Грозный, 2010); «Жизнь, продолжающаяся в преданиях ... К 100-летию со дня гибели Зелимхана Харачаевского, известного на Северном Кавказе абрека» (// Вайнах, 2013); «Социально – исторические и политические предпосылки зарождения жанра драмы в чеченской литературе двадцатых годов XX века» (//Вайнах, 2015) и ряд других.

В своей фундаментальной статье «Современная чеченская литературная критика...» Г. Индербаев с высоты своего опыта литературоведения пишет, какою она должна быть, литературная критика:

«При анализе художественного произведения отдельных критиков мало интересует, что удалось, а что не совсем удалось автору с художественной точки зрения, насколько выверенными оказались его философские, социальные и нравственные позиции. Вместо анализа в рецензиях и статьях мы находим пересказ содержания, субъективизм оценок сопровождаемый неумной и неоправданной похвалой. Зачастую критик не выясняет, в какой мере анализируемое произведение как явление искусства стало явлением общественным. Сегодняшняя литературная критика, к сожалению, очень тенденциозна, ориентирована на обслуживание только узкого круга писателей. А между тем критика должна проявлять постоянный интерес к литературному процессу во всем его объеме, во всем многообразии положительных и отрицательных его тенденций, что дает единственно прочные основания для выводов и обобщений, позволяет представить истинную картину литературной жизни республики».(5)

Вершиной литературоведческого творчества Г.Индербаева стали две большие книги литературно-критических статей и рецензий: сборник «Отражение времени» и монография «Литература народов Союза независимых государств (СНГ)», изданные автором в гор. Грозном в 2007 и в 2011 годах.

Все это выводит Гелани Индербаева в ряд лучших литературных критиков и литературоведов сегодняшней Чечни. Статьи его всегда объективны, бескомпромиссны, прямы и глубоко аргументированы. Очень честные, правдивые и богато документированные, нелицеприятные, написанные с прекрасным знанием проблем и материала, его публикации всегда вызывают полемику и неприятие, озлобления у тех, кого он задел своим пером...

О мастерстве и значении литературоведческих и критических работ Г. Индербаева опытный ученый и писатель, доктор филологических наук Х. Туркаев писал в предисловии к его книге «Отражение времени»: «Имя автора этой книги Г. Индарбаева... хорошо известно в общественно-литературных кругах нашей республики: начиная с шестидесятых годов прошлого века и по настоящее время в печати часто появляются его аргументированные, пронизанные глубоким чувством и смыслом критические и литературоведческие статьи и рецензии...

Достоинство работ, включенных в настоящую книгу, главным образом в том, что в них автор предъявляет к литературе самые высокие требования. Добросовестно анализируя произведения чеченских писателей, он предостерегает их от опасности иллюстративности, псевдо эпичности, литературщины. Автор ратует за живую писательскую наблюдательность, необходимость руководствоваться собственными жизненными впечатлениями, а не устоявшимися литературными шаблонами.» (6)

Вся эта почти что шестидесятилетняя просветительская и литературоведческая деятельность Г. Индербаева и отмечена по заслугам. Он – член Союза писателей Чеченской республики. Дважды награжден дипломами «За верность профессии» (2008 г.) И «За подвижничество» (2012 г.) Республиканской общественной организации «Интеллектуальный центр Чеченской республики». Отмечен Почетными грамотами Министерства образования Российской Федерации. Носит высокое и почетное звание Заслуженный учитель Чеченской республики.

«Великое счастье – встретить учителя, который станет путеводной звездой, научит доброте и справедливости, поможет стать личностью. Таким знают Гелани Индербаева коллеги, студенты, все кто соприкоснулся с ним в жизни» (7)

Этими словами В. Мусхановой я и заканчиваю рассказ о тернистом пути к признанию своего друга – писателя, литературоведа, литературного критика, просветителя и публициста - Гилани Индербаева.

Примечания:

- 1.Исмаилов А.Т. Дош. Размышления о чеченском языке. Грозный, 2005. С. – 21.
- 2.См. Авторханов А.Г. Мемуары. Франфурт – на – Майне, «Посев», 1983. С. – 427 – 429.
- 3.Аркив Кусаева А.Д. Автобиографические записи Г. Индербаева. Рукопись. С. – 2-3.
- 4.Индербаев Г. Современная чеченская литературная критика: состояние, проблемы. // Вайнахи, 2010, №5.
- 5.Там же
- 6.Туркаев Х.В. Предисловие. // Индербаев Г.В. Отражение времени. Грозный, 2007. С. – 3-4.
- 7.Мусханова И.В. Гелани Вахаевич Индербаев // Интеллектуальный центр Чеченской республики в лицах. Популярная биографическая энциклопедия в трех томах. Том I. Грозный. 2013. С. – 60.

Саид Чахкиев (1938-2008)

Когда я вспоминаю о своем друге и однокласснике, человеке доброй души и многогранного дарования, мне на память приходит сразу запомнившаяся талантливая и грустная миниатюра его о червяке, который, весь день прокопавшись в земле, вечером вдруг задумался:

Вдруг вся закончится земля,
Что завтра кушать буду я?

И так горько стало ему от перспективы грядущей голодной смерти, что

Червяк вздохнул,
Червяк вздремнул

И, не поужинав, заснул...

В этом – весь писатель, умеющий увидеть в малом большое и философски осмыслить его; зорко подметить картинку жизни и, ярко, образно, оригинально нарисовав ее словами, сделать осязаемой и запоминающейся. Писатель, умеющий, когда этого требует сюжет и тема произведения, даже миниатюрная, быть или серьезным и собранным, или веселым и шутливым; мастер композиции, россыпь талантов – он и поэт, и прозаик, и драматург, и киносценарист, и баснописец, и детский писатель, и журналист-публицист, и переводчик... Все это и помогает Саиду Чахкиеву брать все новые и новые высоты в творчестве и завоевывать сердца все новых и новых читателей.

Об этом так писала литературовед Р.Ужахова: «Самобытный поэт, точный и пронизательный в наблюдениях прозаик и драматург, страстный публицист и переводчик, Саид Чахкиев внес заметную лепту в становление и мужание ингушской литературы, развитие родного языка, обогатив и углубив ее содержание».

Все творчество писателя, будь то лирические стихотворения и трагические поэмы, драмы и комедии, исторические рассказы, повести и романы, особенно – детские произведения, пронизано светом доброты, желанием сделать хорошее для людей, раскрасить в яркие оптимистические краски серые будни, окрылить их. Об этом писатель заявил в самом начале своего творческого пути в стихотворении «Учись, мой друг...», в котором есть такие строки:

Учись, мой друг искусству простоты

И доброте – науке человеческой.

Будь прост со мной – и я пойму, кто ты

И добротой на доброту отвечу.

Я впервые познакомился с Саидом Чахкиевым более пятидесяти лет назад – в далеком 1966 году, когда был принят на должность редактора радио Государственного комитета ЧИАССР по телевидению и радиовещанию: где после окончания Московского Литературного института имени М.Горького он уже два года работал главным редактором в редакции художественного вещания на ингушском языке. Кабинеты наши находились по соседству и я ежедневно мог наблюдать его и в будничной работе и в творческом вдохновении. Был он человеком общительным и дружелюбным, веселым и жизнерадостным, умным и начитанным, острословом и фантазером. Хотя мы были одноклассниками, но Саид имел уже большой опыт в литературной работе, являлся членом Союза писателей СССР, автором нескольких книжек поэзии и прозы на ингушском и

русском языке. Поэтому он всегда дружески наставлял и опекал меня, ненавязчивыми советами помогал, учил, «как делать стихи».

То же самое случилось, когда С. Чахкиев приходил на заседания нашего Творческого объединения молодых талантов (ТОМа), которое было организовано в 1966 году при редакции республиканской молодежной газеты «Комсомольское племя» ее редактором, писателем Владимиром Прядко. Он внимательно слушал, когда мы читали свои произведения, или сам читал их, а потом доброжелательно, но строго и требовательно разбирал, отмечая и находки, и недостатки. Каждая такая встреча становилась для нас хорошим уроком мастерства.

Как руководство себе и назидание всем, желающим писать, он говорил стихотворными строками:

Постой, поэт! Не надо, не спеши,
Трудись, работай с полной отдачей,
Перебой победой и удачей
И лишь тогда о прожитом пиши.
Ищи. Смотри. Учись, а не учи,
Будь кровным сыном своему народу.
А если слово лишь словам в угоду,
Его ты просто лучше промолчи...

Помню, как на одном из заседаний, на котором В. Прядко с помощью гостя С. Чахкиева отбирал стихи и рассказы наши для литературной страницы газеты, когда очередь дошла на меня и я, раскрыв еще ученическую тетрадь, начал читать стихи, после каждого прочтения Саид, ничего не говоря, отрицательно мотал головой. Когда же я без всякой надежды неуверенно начал читать очередное стихотворение «Счастье», которым был недоволен даже сам, После первых же строк:

Скажите мне, а почему река
Бежит вперед неумоимо, быстро?
Наверное, ее, как паренька,
Всегда переполняет любопытство...

Саид оживился, взгляд его подобрел и, прервав меня словами: «А ну-ка, ну-ка! Дай-ка сюда тетрадь», забрал ее у меня и сам прочитал все стихотворение вслух, и сказал обрадованно: «Вот это и есть поэзия. С этой вещи тебе и надо было начинать свое чтение, Чуть-чуть доработать и, я думаю, это стихотворение украсит литературную страницу газеты». Оно было опубликовано и окрылило меня на дальнейшее поэтическое творчество. И я всегда благодарен Саиду за это.

С той первой встречи мы сдружились с Саидом Чахкиевым. С ним в одной комнате сидел другой писатель, работавший главным редактором художественного вещания на чеченском языке, Хамзат Саракаев, с которым тоже я быстро подружился. Мы втроем часто после работы засиживались допоздна, чаевничали, говорили о литературе, обсуждали свои новые творения. Горжусь тем, что часто был первым слушателем или читателем его произведений, что участвовал в обсуждении их. Горжусь и тем, что дружба наша продолжалась до самой смерти их – С. Чахкиева в 2008, Х. Саракаева – в 2010 годах

Родился же Саид Чахкиев 22 января 1938 года в селе Насыр-Корт Назрановского района Чечено-Ингушской АССР. Шести лет от роду «юный враг народа» был 23 февраля 1944 года депортирован с родителями в Казахскую ССР. Жил и рос в с. Мичуринское Алма-Атинского района Алма-Атинской области. В 1945 году пошел в первый класс средней школы. В 1953 году стал комсомольцем. В том же году умерли родители и он продолжил учебу в вечерней школе рабочей молодежи, работая грузчиком артели

«Красный инвалид» города Алма-Ата. В 1954 году, окончив десять классов, поступил на третий курс горно-металлургического техникума в городе Балхаш, по окончании которого работал на стройках гор. Алма-Аты и на руднике Тикели Талды-Курганского района Талды-Курганской области Казахской ССР. Как видим, уже до возвращения на родину в 1958 году двадцатилетний молодой человек успел пережить, увидеть и испробовать немало.

В 1958 году Саид Чахкиев приехал в Грозный и продолжил трудовую деятельность уже журналистом – он два года проработал корректором, собственным корреспондентом и литературным сотрудником в редакции восстановленной республиканской газеты «Сердало». В 1959 году поступил на заочное отделение, а в 1960-м продолжил учебу на стационаре Московского Литературного института имени А.М.Горького. Об этих годах так писал сокурсник Саида, русский поэт, позже ставший его другом и главным переводчиком Геннадий Русаков: «Меня всегда поражало аскетическое отношение Саида к званию поэта: раз ты поэт, то должен жить по кодексу чести, который это звание накладывает на тебя, и нести его – с достоинством, честью, смирением. В Литинституте меня окончательно доконало то, что на людях он непременно был в белой рубашке и при галстукке. Для меня это было верхом жертвенности. Но он должен был соответствовать: на него смотрела молодежь. Он был Поэтом. Он уже тогда знал, что к нему прислушиваются и его примеру следуют и потому писал:

Много в мире соблазнов для сердца и глаз –
Тут держись и гляди, как положено, в оба.
Наша честь нам дается единственный раз
И навеки одна от рожденья до гроба.»

Главным редактором – он, старшим редактором – я в Госкомитете по телерадиовещанию мы проработали до 1970 года, а затем Саид стал литературным консультантом Союза писателей Чечено-Ингушетии, а я – заведующим отделом культуры и быта республиканской газеты «Ленинский путь»(ныне –«Даймохк»). Затем в разные годы Саид Чахкиев работал главным редактором ингушского альманаха «Утро гор», главным редактором объединенной редакции детского журнала «Радуга», который впервые начал издаваться в республике на чеченском и ингушском языках в 1985 году. После распада СССР и Чечено-Ингушской АССР, Он работал и главным редактором газеты «Сердало», и директором театра кукол, и министром культуры Республики Ингушетии, и председателем Союза писателей...

Писать стихи и рассказы Саид Чахкиев начал еще в школьные годы. В 1957 году в Кокчетавской областной газете «Социалистический труд»(Казахская ССР) уже были опубликованы его стихи, которые он отослал на республиканский конкурс и получил второй приз. В том же году в Казахстанской республиканской пионерской газете «Дружные ребята» был напечатан его первый рассказ «Человек в степи». Первая же книжка рассказов писателя «Первые трудности» вышла в г.Грозном в 1960 году на ингушском языке с предисловием известного в те годы ингушского писателя Ахмеда Веджижева. С этого времени произведения С.Чахкиева регулярно печатались как в московских и Северокавказских журналах («Дружба народов», «Новое время», «Дон») и газетах «Литературная газета», «Литературная Россия», так и в республиканской периодике. Его произведения переводились на русский, грузинский, украинский, молдавский, казахский, польский, эстонский языки. На стихи его написано более ста песен композиторами – его другом Аднаном Шахбулатовым, Александром Халевским, Саидом Димаевым и другими. Самыми популярными из них были песни А.Шахбулатова в

исполнении незабвенного Мовлада Буркаева «Так бывает», «Только сегодня», «Звездный дождь» и многие другие.

После первого сборника рассказов в разные годы Саид Чахкиев издал в г. Москве и Грозном на русском и ингушском языках более тридцати книг: сборники стихов и поэм – «Журавли», «Чаша слез», «Звездный дождь», «Запах земли», «У изголовья земли.» «Травы росные», сборники рассказов – «Мои герои», «Выйти замуж за огонь», «Идиг, Мадиг и маленькая девочка», «Люди высокого долга» другие. Он автор исторических романов «Золотые столбы» и «Волчьи ночи», повестей «На второй день, утром», «Энвер», «Отцовская песня» и так далее. В последние годы уже после скоропостижной смерти С. Чахкиева изданы его книги «Суть стихов – поэзия» и «В тисках», куда вошли рассказы «Выйти замуж за огонь», «Крошки хлеба», повесть «На второй день, утром», романы «Золотые столбы» и «Волчьи ночи», которые писатель считал лучшими в своем многогранном творчестве.

В сборнике «Суть...» собраны стихи – своеобразные философские размышления поэта о творчестве, о поэзии, о жизни – одним словом, о многом, Например, о счастье, о войне:

Когда ребенок матери не знает,
Как можно быть счастливым на земле?
Когда отец в сражение умирает,
Как можно быть счастливым на земле?
Когда сестра в руинах ищет брата,
Как можно быть счастливым на земле?
Когда убийцу не нашла расплата,
Как можно быть счастливым на земле?

Эту особенность творчества Саида Чахкиева еще в восьмидесятые годы прошлого столетия отметил видный чеченский литературовед, доктор филологических наук Хасан Туркаев: «Размышления поэта проникнуты философским осмыслением жизни, стремлением оценить роль своего труда в духовном обогащении человека. Неизбывное желание утвердиться в сознании народа творцом, отдавшим ему все свое дарование, - постоянный лейтмотив произведений Саида Чахкиева»

Огромный вклад внес Саид Чахкиев и в развитие ингушской национальной драматургии. Он автор тринадцати пьес, написанных для национального театра и театра кукол: «Когда гибнут сыновья», «Мой мальчик», «Завещание», Асхаб Бендер», «Последний долг», «Чаша слез», «Террор», «Горская сказка», «Ничего не бойся, Зураб», «Рамис, Ната и другие» и так далее. Их ставили на сценах театров Чечено-Ингушетии, Украины, Казахстана, Чувашии, Дагестана, Северной Осетии, Тулы и в других.

По сценариям Саида Чахкиева было сняты кинофильмы «Костры на башнях» и «Горская новелла».

В его копилке – переводы на ингушский произведений всех русских классиков от А.С.Пушкина до М.Шолохова и многих зарубежных писателей.

Мне нравятся все произведения Саида Чахкиева, но с особым восхищением отношусь к его поэзии. Она вся пронизана светом, добротой, любовью к людям, к жизни и, очень часто, легким юмором. Она поражает всегда неожиданностью и не обычностью сюжета, содержания, композиции, музыкальностью, четкостью ритма, рифмы, простотой языка. Она пленяет новизной ярких и свойственных только для него образов, поворотов, завершений. В своих стихах и поэмах писатель применяет всю палитру поэтических приемов, расширяя и обогащая возможности национального стихосложения, не изменяя

своего почерка. Особенно красочно это проявляется в стихотворениях о любви и о природе родного края:

На иглах трав стояли жемчуга,
Луна плыла над глянцевоcтью луга,
И тополя, укpывшись за стога,,
Пунцовый лист роняли друг на друга..
Стучали в грунт подземные ключи.
Ручей мерцал, почти насквозь просвечен.
Скрипичный бог, таящийся в ночи,
На весь окрест безумствовал кузнечик.

Главной же темой всех произведений Саида Чахкиева была любовь к Родине. Когда писал о ней, он, как это делали и делают другие авторы, никогда не прибегал для придания национального колорита к традиционным, привычным и набившим оскомину частой повторяемостью и навязчивостью горским наборам: горы, сакли, чуреки, чернобровые недотроги, скакуны, кинжалы и так далее. В его произведениях не гремят мечи, не звенят сабли, не сверкают кинжалы, не стучат конские подковы по камням. Даже горы он редко упоминает. Ему не надо всего этого для подчеркивания национального характера своего творчества и выражения своей сыновней любви к Родине и верности ей. Он находит для этого другие поэтические средства, оставаясь глубоко народным поэтом по сути своего творчества:

Меня бедой проверили – я вынес,
Упал, чтоб встать и петь упрямым ртом.
В тяжелый час нельзя лежать мужчине,
Подобно псу с раздробленным хребтом.
Но и тогда я знал, как ныне знаю,
Где утоленье боли обрести:
Врачует раны лишь земля родная,
Хотя б щепоть, зажата в горсти.

Огромный вклад в становление и развитие ингушской литературы Саида Чахкиева и отмечен был по достоинству: в 1963 году он стал членом Союза писателей СССР, в 1970-м – членом Союза журналистов СССР. Он носил высокое звание Народного поэта Чечено-Ингушетии и Почетного гражданина города Малгобека. Был лауреатом Всесоюзного литературного конкурса им. Николая Островского и Премии Ленинского комсомола Чечено-Ингушетии. Был отмечен высшей наградой Республики Ингушетии – орденом «За заслуги», золотым орденом «Шамиль», юбилейными медалями М.Ю.Лермонтова «За мир и гуманизм на Кавказе», «К 100-летию М.А.Шолохова», «К 70-летию Союза писателей СССР» и многочисленными Почетными грамотами.

О Саиде Чахкиеве – своем друге и ровеснике со схожей судьбой - я могу писать много, но все равно не выскажу и малой толики моего уважения к нему. И закончить свой рассказ о друге и коллеге хочу закончить строками его стихотворения, посвященного Дж. Яндиеву, но которое он писал будто о самом себеб

Не каждый на земле оставит след,
Не каждый о себе оставит слово.
А он оставил – это Поэт
И мать-земля ему была основой...

Вот один из следов его:

А журавли плывут, плывут над миром.
Труба трубит. Качается земля.
В полях светло, покинуто и сыро.
И даль зовет, год надвое деля.
На цыпочки вставая по-ребячьи,
Леса взобраться на бугры спешат
И, лица запрокинувши незряче,
Как губы, почки приоткрыв, стоят.

Абдулла Арсанукаев (1939)

Я знаю этого человека так давно, что, кажется, знаком с ним всю жизнь. Я познакомился с ним более сорока пяти лет назад, когда он начал работать старшим научным сотрудником в Чечено-Ингушском филиале Научно-Исследовательского института национальных школ Министерства просвещения Российской Федерации (РСФСР), который был открыт в гор. Грозном в 1971 году и располагался в уютном одноэтажном особняке по улице Первомайской. Мы познакомились с Абдуллой Арсанукаевым (а речь идет именно о нем), когда я, в то время – заведующий отделом культуры и быта республиканской газеты «Ленинский путь», пришел в институт побеседовать с ним о целях и задачах филиала. Он оказался человеком широкообразованным, компетентным в своем деле, эрудированным профессионалом просветительской работы. И, главное, - знатоком чеченского языка и литературы, влюбленным в них, страстным пропагандистом и исследователем их. И это неудивительно, потому что он был к тому времени опытным педагогом, более десяти лет проработавшим на руководящих должностях в школах Ачхой-Мартановского, Грозненского, и Урус-Мартановского районов. Дружба наша, зародившаяся при той первой встрече, только крепла с каждым годом и с каждой телевизионной передачей, которые я готовил с его участием будучи уже старшим, главным редактором Государственного комитета ЧИАССР по телерадиовещанию, продолжается по сию пору.

Абдулла Арсанукаев родился 25 апреля 1939 года в селе Алхан-Юрт УрусМартановского района Чечено-Ингушской АССР, широко известного не только в Чечне, Ингушетии, но и во всей Российской Федерации своими революционными, боевыми и трудовыми традициями. Отцом его был хорошо известный и уважаемый на всем Северном Кавказе богослов Магомед-Башир-Хаджи Арсанукаев, который до конца дней своих служил имамом Джамат Мечети в с. Алхан-Юрт, и был избран муфтием Чечено-Ингушетии, а затем первым муфтием Чеченской Республики. Я знал его как

человека очень скромного, спокойного, исключительно честного, справедливого, не терпящего лжи и фальши, как в богоугодных, так и в мирских делах.

В неполные пять лет А.Арсанукаев, сам того не ведая, ставший «врагом-предателем», был депортирован вместе со всем чеченским народом 23 февраля 1944 года в Северный Казахстан. Семья попала в село Урджар Урджарского района Семипалатинской области. Там, в первый же месяц прибытия, из-за свирепствовавшего тогда тифа умерли его мать Хамсат и двухлетний братишка Абдул-Бар.

В 1957 году, закончив Урджарскую среднюю школу им. Н.К. Крупской (1). Абдулла Арсанукаев вернулся на родину, думая поступить на только что открытое в Чечено-Ингушском государственном педагогическом институте отделение чеченского языка и литературы, русского языка и литературы. «Конкурс был большой, - вспоминает он, - потому что соскучившихся по чеченскому языку и желающих изучать его в то время оказалось много. Но мне повезло: оказался среди зачисленных. Сказались, наверное, знания, данные мне в школе моими учителями Галиной Федоровной Муренко, Валентиной Фадеевной Бичуевой, Робертом Ивановичем Графом, которых я с благодарностью вспоминаю всю жизнь».

В 1962 году Абдулла Арсанукаев стал первым выпускником этого отделения в числе целой плеяды знатоков чеченского языка и литературы, ставших впоследствии известными всей республике и далеко за ее пределами педагогами, учеными-языковедами, писателями, литературоведами. Это - доктора филологических наук Юша Айдаев, Апти Тимаев, Зулай Хамидова. кандидаты филологических наук Якуб Эсхаджиев, Аюб Манкиев, Тамара Талгатова, Зура Мудаева, замечательный поэт Саид Гацаев, просветители Денилбек Дунаев, Султан Мударов, Абдул-Вахид Шерипов, Ваха Сулейманов, Денилбек Пайзуллаев и многие другие. Все они внесли огромный вклад в развитие, изучение и пропаганду чеченского языка, литературы и культуры.

После окончания института Абдулла Арсанукаев по распределению сразу же был направлен в село Чечен-Аул директором средней школы. Вскоре был переведен на ту же должность в Валерикскую среднюю школу, откуда по его просьбе направлен руководителем в Алхан-Юртовскую среднюю школу в родное село Алхан-Юрт. Проработал он там до 1971 года пока не был приглашен на должность старшего научного сотрудника в только что созданный Чечено-Ингушский филиал Научно-исследовательского института национальных школ министерства просвещения РСФСР(2). Вскоре филиал стал самостоятельным исследовательским учреждением, руководить которым доверили Абдулле Арсанукаеву. В девяностых годах двадцатого столетия учреждение было преобразовано в Институт развития образования Чеченской республики, которым он уверенно и умело и правит до сих пор.

В этом институте и проявился в полную силу талант исследователя, ученого-методиста и литературоведа Абдуллы Арсанукаева. На сегодняшний день он является автором более ста пятидесяти научных, методических и литературоведческих работ, в числе которых не только критические и литературоведческие обзоры и статьи, просветительские труды, но и более двадцати солидных и крупных книг – учебники и хрестоматии по чеченской литературе для девярых–одиннадцатых классов, которые с изменениями и дополнениями переиздаются по много раз, словари, ценные и востребованные всегда методические пособия для учителей, которые вывели его в число лучших ученых – методистов и стали основополагающими в этой области. Его перу принадлежит и фундаментальный био-библиографический справочник о писателях Чечни в трех томах в пяти книгах, первые две из которых вышли из печати в 2012 и 2014 годах на чеченском языке, и другие сочинения.

Особо следует сказать об учебнике по чеченской литературе для 9 класса, первое издание которого вышло из печати в 1976 году, и по настоящее время на протяжении полувека по этому учебнику занимаются учащиеся. Педагоги, критики и ученые дают самые высокие оценки учебникам и методическим работам А. Арсанукаева, особенно – его «Методике преподавания чеченской литературы в средней школе». Так, известный литературовед Х.Бурчаев пишет:

«Абдулла Магомедович Арсанукаев - один из самых известных и уважаемых ученых-методистов в учительской среде республики. Поистине всесторонне одаренный, он очень многое сделал в сфере образования; его литературоведческие и методические работы имеют непреходящее значение для преподавателей чеченского языка и литературы. Скромный, чуткий, доброжелательный к людям, глубоко порядочный и интеллигентный человек, патриот, глубоко преданный своему делу – сохранению в развитии языка литературы и культуры своего народа, Абдулла Магомедович пользуется непререкаемым авторитетом среди ученых и преподавателей республики, друзей и коллег». (3).

Очерки Абдуллы Арсанукаева знакомят нас с жизненным и творческим путями чеченских писателей, коротко, но глубоко рассказывает о каждом из них, анализирует его главные произведения, говорит о творческих связях с другими писателями и об оценке произведений их, - пишет кандидат филологических наук Р. Чахкиева в своем исследовании о литературоведческих статьях ученого. – Особенно подробно рассказывает о произведениях писателей, вошедших в программы преподавания чеченской литературы в школах, анализируя их жанровые особенности, давая понятие о творчестве и характере писателей. Достоверность, простота и доступность являются главным достоинством его исследований в этой области» (4)

Особое место в творчестве Абдуллы Арсанукаева занимают, по моему глубокому убеждению, книги: «Саид Бадуев. Жизнь и творчество» (1980 г.) написанная в соавторстве с Х. Туркаевым, «Изучение лирических и лиро-эпических произведений в школе» (1984 г.), «Словарь литературоведческих терминов» (2014 г.). В своей краткой аннотации к «Словарю литературоведческих терминов» автор пишет по праву: «Исследования в чеченской литературной критике и литературоведении проводятся давно. Но исследований по литературоведческой терминологии на чеченском языке до сих пор не было. Эта работа – первая на эту тему. Словарь содержит около 350 литературоведческих терминов. В каждой словарной статье, впервые на чеченском языке, в доступной форме дается толкование и справка о происхождении литературных терминов, наиболее распространенных в чеченской литературе» (5).

Главной же книгой всей его жизни является, и это не только мое мнение, библиографический справочник «Чеченские писатели», задуманный автором в трех томах. Первый том, в который вошли очерки о двадцати двух писателях самого старшего поколения, рожденных в конце XIX – начале XX веков, вышел в свет в 2012 году, а первая часть второго тома, куда вошли очерки о восемнадцати писателях, как отмечает автор в предисловии к книге, «пришедших в чеченскую литературу в конце пятидесятых – начале шестидесятых годов XX века», увидела свет в 2014 году. Сейчас автор продолжает работу над второй частью второго тома и над третьим томом своей главной книги.

Непреходящая ценность этих изданий в том, во-первых, что они впервые написаны на чеченском языке в таком объеме, во-вторых, что они стали событием в литературной жизни Чечни, в-третьих, что вносят неоценимый вклад в исследование и развитие чеченской литературы, языка и литературоведческой науки и становятся энциклопедиями в этих сферах.

Самые высокие отзывы получила книга «Чеченские писатели». Над ней Абдулла Арсанукаев работает вот уже более десяти, лет. Приведем некоторые из отзывов о ней.

Член международной Ассоциации писателей и публицистов, доктор филологических наук Хасан Туркаев, всю жизнь отдавший литературоведческой науке, пишет:

«Написание био-библиографической книги – это чрезвычайно сложная работа. Эта работа требует невероятного терпения и полной отдачи от писателя. Конечно, до А. Арсанукаева и другие писатели выпускали разные био-библиографические книги, однако именно книга А. Арсанукаева наиболее насыщена разнообразными дополнительными данными о писателях и об их произведениях. Здесь намного больше информации, чем в предыдущих книгах творческих деятелей литературы» (6)

«Книга А.М. Арсанукаева «Чеченские писатели» - это большой вклад в развитие и изучение чеченского языка и литературы, - констатирует заместитель директора Информационного агентства «Чеченская Республика сегодня» Яхья Тимаев. – Мы уже разместили на сайте нашего Информагентства некоторые разделы био-библиографического справочника А. Арсанукаева. Это, я думаю, большой шаг в интеллектуальном развитии чеченской молодежи. Ведь мы с вами прекрасно понимаем, что сегодняшняя молодежь, да и весь современный мир, большую часть своего времени проводит в «стенах» Интернета. Поэтому мы выкладываем и будем выкладывать в просторы всемирной паутины как можно больше литературных материалов на чеченском языке, в том числе и части литературной энциклопедии А. Арсанукаева». (7)

А вот мнение известного писателя, опытнейшего педагога Чечни Жамалдина Махмаева. Он писал: «Я на эту книгу смотрю глазами учителя; она очень ценна для меня потому, что она не только настоящая энциклопедия жизни и творчества чеченских писателей, но и справочник, и учебник для нас, учителей». (8)

О том что книга А. Арсанукаева «Чеченские писатели» важна, ценна и своевременна говорит и тот факт, что ею уже заинтересовалось не только творческое общество Чеченской республики, но и определенный круг писателей из других регионов России и даже любители литературы из таких стран Европы, как Франция, Бельгия, Швеция, Норвегия, Германия и других.

Вся эта титаническая деятельность А. Арсанукаева получила заслуженное признание и отмечена по достоинству: он – член-корреспондент Российской Академии естественных наук, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член Союза писателей Чеченской республики. Статья о нем была опубликована в «Биографической энциклопедии успешных людей России Кто есть кто в России», изданной в 2010 году и переизданной 2012 году на русском языке в Австрии. В ней говорится: Абдулла Магомедович Арсанукаев известен как талантливый руководитель научно-исследовательского учреждения, писатель-литературовед и критик, ученый-методист, внесший значительный вклад в развитие методической науки в Чеченской Республике. За почти полувековой период научной и педагогической деятельности А.М. Арсанукаев прошел славный путь от директора сельской школы до крупного ученого, директора Института развития образования Чеченской республики. В личности А. М. Арсанукаева объединились филологическая подготовленность, педагогическая прозорливость и богатый опыт, понимание сущности методологии и методики преподавания литературы. Научно-методическая и педагогическая деятельность А.М. Арсанукаева отличается и широтой, и многогранностью исследовательских интересов».

Закончить этот очерк об А. Арсанукаева хочется словами известного чеченского ученого кандидата психологических наук Аюба Манкиева: «Он пришел в этот мир служить своей Родине и своему народу. И отдает ему свой долг сполна и честно».

Очень точно сказано. Лучше не скажешь.

Примечания

1. Крупская Надежда Константиновна (1869-1939). Выдающийся революционный, политический и государственный деятель СССР. Член РСДПР, ВКП (б), постоянный член их центральных комитетов. Супруга В.И. Ленина. С 1929 г. – зам наркома просвещения РСФСР, с 1927 - член ЦК партии.

2. РСФСР- Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика – так до 1990 года называлось Российская Федерация.

3. Бурчаев Х. Абдулла Арсанукаев // Арсанукаев А.М. «Писатели Чечни» в трех томах. Том II, книга I. Грозный, 2014. С – 107-112.

4. Чахкиева Р. Слово об ученом // Арсанукаев А.М. указ. соч. С. – 109

5. Арсанукаев А.М. Словарь литературоведческих терминов Грозный, 2010. С. 2-3.

6. www.grozni-infozm.ru//main.mhtml?part-26. 19.09. 2013; www.chechnya.gov.ru/php?r-126&sid-13888. 19.09. 2013.

7. Там же.

8. Бурчаев Х. указ. соч. С.-113.

Ахмед Исаев (1943)

Ребенок, которому от роду было всего два года, лежал в одной из лачуг, выделяемых семье при депортации, если повезет, в далеком и неприветливом казахском городе Семипалатинске, умирая от голода, лежал среди трупов чеченцев, павших от истощения. Их некому было хоронить в промерзшей насквозь земле. У ребенка не было уже ни сил пошевелиться, ни слез, ни голоса, чтобы плакать.

Но случилось чудо по Божьей милости: мать, молодая женщина, нашла все-таки нищенское пропитание для мальчика, с трудом выменяв продукты на последние

сохранившиеся украшения. И мальчик этот – Ахмед Исаев, родившийся 5 мая 1943 года и депортированный, «как враг народа», в 1944 году, - выжил и провел в ссылке тринадцать лет вместе со своим народом.

Учиться в школе А.Исаев начал в Семипалатинске, но закончил ее после возвращения из ссылки в 1957 году в селе Гойты, известном во всем Советском Союзе своими революционными, боевыми и трудовыми заслугами, в которых немалой была и доля предков Ахмеда, скажем хотя бы о верном соратнике пламенного революционера, создателя и командира Чеченской Красной Армии Абдул-Рашиде Исаеве.

После учебы в школе для поступления в высшее учебное заведение требовался стаж работы не менее двух лет. Но чеченскую молодежь на работу не принимали даже учениками рабочих специальностей. В 1960 году четверых человек из чеченской молодежи, в числе которых был и Ахмед Исаев, приняли учениками операторов нефтепереработки на Грозненской крекинг- завод по броне Заводского райисполкома и по настоятельному требованию заместителя министра внутренних дел Чечено-Ингушской АССР легендарного героя Великой Отечественной войны Мовлида Висаитова. Настоятельность заключалась в том, что он лично обещал выбросить директора завода П.Д.Русакова в окно из кабинета, находящегося на втором этаже заводоуправления, если он молодых людей не трудоустроит.

В том, что подобная политика в отношении чеченцев проводилась многие десятилетия вплоть до полного развала СССР, Ахмед Исаев убедился, когда стал директором опытно-экспериментального завода Научно-производственного объединения «Промавтоматика», расположенного в Октябрьском районе города Грозного в 1993 году, которым до этого руководил некто Г.М.Опрышко. По требованию нового руководителя начальник отдела кадров предоставил ему списки рабочих и инженерно-технического персонала завода, включая охрану и техник. При общей их численности четыре тысяча двадцать семь человек чеченцев в списках было всего двое. Один из них Цахигов Николай, который, имея высшее образование, был принят слесарем по сборке мониторов. Он был односельчанином Ахмеда и учился с ним в одной школе. Еще один затерся в охрану с русским именем и не типичной чеченской фамилией. И это в сердце Чечни в самом конце двадцатого века. Списки эти он сохранил.

Для того, чтобы получить нормальную работу после учебы, чеченцу нужно надо быть значительно умнее и грамотнее представителя любой другой национальности, претендующего на это место. Приходилось не только учиться в разных учебных заведениях, но и постоянно заниматься самосовершенствованием. Поэтому у многих людей нашего поколения вся мировая классика по различным наукам была в голове, или, по крайней мере, они с ней знакомы. Нам было стыдно быть дилетантами. Чтоб соответствовать этим высоким требованиям времени, Ахмед Исаев учился в трех разных вузах в разное годы. В том числе, он – один из первых выпускников экономического факультета Чеченского государственного университета.

Трудовую деятельность он начал на нефтеперерабатывающем заводе. Перспективы никакой: не член коммунистической партии, не женат на русской - обязательные условия карьерного роста в те годы. Когда убедился в этом, принял девиз: как можно меньше от него государству, как можно больше - от государства. В начале семидесятых А.Исаев поступил работать на вино-коньячный комбинат. Одно из правил моего плана, которому он неукоснительно следовал, было не работать на одном месте более трех-четырёх лет. За это время подыскивалось место на другом предприятии и руководителю, с которым он даже не был знаком, внушалась мысль об его исключительных деловых качествах и человеческой порядочности. После второго предложения только он давал согласие занять заранее определенную должность.

В семидесятых-восьмидесятых годах А.Исаев работал на заводе «Металлист» министерства местной промышленности ЧИАССР. Однажды заболел директор и исполняющим обязанности руководителя назначили Ахмеда. На третьем месяце его директорства выполнение коллективом плана оказалось под угрозой срыва из-за задержки поставок металла заводом «Криворожсталь». А это негативно отражалось на общих показателях района, строго контролируемых партийными органами. И виновен, как правило, бывал всегда руководитель.

Естественно, А.Исаева вызвали к первому секретарю Ленинского райкома партии П.Н.Громову. В это время в его кабинете находился еще председатель Ленинского райисполкома Олег Михайлович Петренко, с которым Ахмед дружил с юношеских лет и жил с ним в одном дворе на «Грознефтяной». Не приглашая сесть, Павел Николаевич на повышенных тонах стал перечислять все беды, которые падут на голову руководителя в случае невыполнения плана заводом. Ахмед ответил, что постарается, но не обещает. Серьезной угрозой были слова первого секретаря райкома: «Не будет плана – положишь партийный билет!». Его ответ: «Не положу!» - было последним словом в неравном диалоге. Как только за Ахмедом закрылась дверь, Олег Михайлович сказал, как ему впоследствии передал сам Петренко, разгневанному Громову: «Я знаю Исаева, он действительно не положит партийный билет». Тот возмутился: «Да что у него «мохнатая лапа» что ли в ЦК КПСС?».- «Нет никакой ни какой «мохнатой лапы У него партбилета просто нет. Он не член партии». – «Как так, не член партии и руководитель предприятия?! Прошляпили, выходит, когда назначали его. Выходит, не досмотрели?..» - «Выходит, что прошляпили, но не прогадали, потому что руководитель он – толковый».

План завод, конечно, выполнил. С Громовым сложились хорошие отношения. А.Исаев стал первым беспартийным руководителем завода, утвержденным по настоянию Павла Николаевича. После этого е было ни одной встречи с ним, когда бы он не спросил шутливо: «Так положишь партбилет или нет?».- «Не положу!»- всегда отвечал Ахмед со смехом..

С середины восьмидесятых годов А.Исаев работал директором фирмы «Волга» в Волгограде, занимавшейся выращиванием рыбы для обогащения ею реки Волга. С 1990-го года трудился в гор. Санкт- Петербурге, в Северо- Западной академии жилищно-коммунального хозяйства и во всемирно известной «Технолужке», в котором когда-то сотрудничал великий русский ученый-химик Дмитрий Иванович Менделеев. Ему посчастливилось работать рядом с такими светилами науки, как академики Е.Г.Семин, В.Е.Сорока, В.А.Яковлев, который был избран губернатором гор. С.-Петербурга после Собчака. В годы работы руководителем завода НПО «Промавтоматика» он, Ахмед, познакомился с сыном первого маршала Советского Союза Блюхера - Василием Блюхером, работавшим в системе «Промавтоматика» в Москве. Знакомство возобновилось в 2006 году, когда А.Исаев создал и возглавил в Чечне филиал Уральской государственной сельскохозяйственной академии, в которой одним из руководителей и был Василий.

С первых дней ее начала А.Исаев вступил в первую чеченскую войну. Действия его и его единомышленников заключались в том, чтобы спасти жизни невинных людей, попавших в лапы «наводящих порядок» во время зачисток, выручать задержанных на блокпостах, содержащихся в ямах под открытым небом в любую погоду. Для этого он стал в 2000-м ном году корреспондентом федеральной газеты «Федеральные вести», что давало ему возможности эффективно бороться с произволом, творимым врагами с той и другой стороны. Статус федерального журналиста помогал ему входить во многие закрытые двери комендатур и фильтрационных пунктов вместе с правоохранителями, работниками военной прокуратуры и спасать людей от неминуемой смерти. Многие из его

команды погибли в этой схватке. Когда встречаешься он с людьми, спасенными тогда, он годится тем, что жертвы были не напрасными.

С 2000-го года А.Исаев работал в ряде периодических изданий в Чечне и России. Всегда боролся за мирное решение проблемы, навязанной против воли чеченскому народу. С 2003 года со дня образования Государственного совета Чеченской республики под председательством Хусейна Исаева работал в аппарате. Сейчас – на пенсии.

В последние годы в А.Исаеве проснулся дар публицистического творчества – сказался опыт многолетнего труда в журналистике и любовь к исследовательской деятельности. Он написал большое историческое исследование «Отзвук прошедших веков. От древней шумерской цивилизации до двадцать первого века» и книгу «Село Гойты и гойтинцы». А.Исаев очень увлеченно работал над ними, изучая горы разнообразной литературы и документов. Они получили высокие оценки известных ученых-историков Академии наук Чеченской республики, академиков, докторов исторических наук, профессоров Явуса Ахмадова, Шарпудди Ахмадова и других. По их словам Книга «Отзвук прошедших веков» может быть рекомендована как учебное пособие для студентов высших учебных заведений республики, потому что «написана интересно, познавательно и доступным языком».

Своему другу посвятил я стихотворение

:

Воспеть хочу я фимиам
Коллеге-журналисту, другу,
Кто в нужную минуту нам
Протянет преданную руку.

И от души творит добро,
И делает без шума дело,
Он, приравнял к штыку перо
В период войн и беспредела.

Талант работника пера
Дремал в нем, видимо, до мига,
Пока не выдал на-гора
Писатель первые две книги.

Так оставайся много лет,
Не поддаваясь хвори скверной,
Не унывающий Ахмед,
Веселый в жизни, в дружбе – верный.
Ты оставайся и в седых
Годах, хоть стариком не мыслим,
В делах и помыслах своих
Неисправимым оптимистом.

Хаки́м Аболханов

(1952)

В небольшом горном Нохчимоховском селе Чеччалхе, что в Ножай-Юртовском районе Чеченской республики, выросли замечательные, одаренные и уже довольно известные читателям писатели и журналисты Ислам Эльсанов, Чага Гайрбеков и Хаким Аболханов. И это не удивительно: Чеччалхе, как и все горные села Нохчимохка, на склоне невысокого хребта в живописной лесистой долине небольшой, как говорится, воробью по колено, спокойной речки, где воздух пропитан весь поэзией природы и романтикой. Я не однажды бывал в этих пленительных местах в гостях у друзей и в командировках, ходил по этому тесному ущелью, купался в неглубокой запруде целебного сернистого ручейка, пробивающегося здесь как очередная причуда природы, поднимался на гору Дюйри-лам, чтоб полюбоваться небольшим озером, которое неведомо как возникло на его вершине и тающее в вечном тумане и в темноте окружающего густого леса, как призрачное видение, и притягивает к себе, как всякое загадочное и необъяснимое явление, и которого местные жители горделиво считают своим восьмым чудом света. Поэтому я знаю этот обворожительной красоты край не понаслышке.

О своей малой горной родине Аким Аболханов, по праву сына его, пишет всегда восторженно (перевод – мой):

Когда поневоле прощаюсь
С горами, бедою гоним,
У кладбищ отцов оставляю
Я сердце, скучая по ним.
По новым дорогам шагаю,
Пью воду в других родниках.
Равнину я днем обживаю,
Во сне же – я снова в горах...

Я давно и хорошо знаю и уважаю этого простого и скромного, очень трудолюбивого и дружелюбного, высокообразованного и одаренного, добрейшего души человека. Мы часто встречаемся с ним, говорим о разном, спорим порою, но никогда не ссоримся. Да с ним ссориться и не возможно с его добрым характером Желание делать добро, жить для людей и для родного народа пронизывает почти каждое его стихотворение (перевод – мой):

Жить хочу я, словно солнце,
День чтоб постоянно был,
Чтобы в каждый дом и сердце,
Как счастья луч водил.
Жить, как молния, хочу я,
Громы грозные метать,
Чтоб огнем всех жечь, врачуя,
Тех, кто жаждет воевать!

Родился Аким Аболханов 10 марта 1952 года в семье спецпереселенца в селе Терексай Алабукинского района Ошской области Киргизской ССР. В 1959 году вернулся с родителями на историческую родину отцов – в село Чеччалхе, где и пошел в первый класс. О нем он писал: Есть села, имена которых хорошо знают все. Это связано или с их природой, или историческими событиями, или с именами с выдающихся жителей. Но в наших горах есть немало сел, имена которых называются редко и мало кто знает, хотя и воздух природы, и жизненные явления одинаково проходят и через каждое из них.

Чеччалхе из Ножай_Юртовского района – одно из этих маленьких сел горного Нохчимохка, в судьбу которой Ю как картина в зеркале, вся жизнь чеченского народа»

Он был учеником третьего класса, когда родители переехали жить в село Энгель-Юрт Гудермесского района, где в 1969 году и окончил среднюю школу. Сразу после школы началась трудовая деятельность Аким Аболханова – он стал преподавателем начальных классов Энгель-Юртовской средней школы. В 1970-1972 годах отслужил в Советской Армии. Демобилизовавшись, сразу же поступил на заочное отделение чеченского языка и литературы, русского языка и литературы филологического факультета Чечено-Ингушского государственного университета имени Л.Н.Толстого, в котором, как я писал в стихотворении «Реквием университету»: «Науки постигая чудеса, /Входили молодые в мир, который /То громом потрясали голоса, /То вязли в тишине аудиторий; /То шаг доцентов, что жрецов важней. /То бег студентов шустрых, словно бесы.../Беспечность после сессионных дней /И трепет строгих летних, зимних сессий...»

Одновременно Аким Аболханов работает учителем родного языка и литературы, русского языка и литературы в Энгель-Юртовской средней школы, где вырастает до должности организатора внеклассной и внешкольной воспитательной работы и заместителя директора по учебно-воспитательной работе.

В 1990 году А.Аболханов переезжает в город Грозный и два года преподает чеченский язык и литературу в средней школе №3. С 1991 по 2007 год трудится вначале старшим преподавателем, затем завучающим кабинетом воспитательной работы в Чеченском институте повышения квалификации работников образования.

В те же годы одновременно А.Аболханов работает в редакции республиканской газеты «Даймохк», правопреемницы республиканской газеты «Ленинский путь», Там он проделал путь к вершине журналистского мастерства от корреспондента до редактора отдела культуры, заместителя главного редактора (2002 г.), до исполняющего обязанностей главного редактора в труднейший период возрождения этой в то время единственной чеченской газеты (апрель-июнь 2002 года). Был одно время собственным корреспондентом газеты «Даймохк» и главным редактором Союза писателей республики. Сейчас – редактор отдела культуры ее. Как видим, публицистика стала делом всей жизни этого высоко профессионального журналиста. Все свои публикации он пишет всегда с душой, большим мастерством, ответственностью и интересно.

Потому в характеристике, данной А.Аболханову редакцией газеты сказано по праву: «Материалы А.Аболханова, посвященные актуальным проблемам образования, культуры, науки и других сфер деятельности человека, отличаются злободневностью и актуальностью. Особенно большим интересом пользуются у читателей целевые страницы и биографические заметки об ученых, писателях, журналистах и других известных и замечательных людях республики, публикуемые в газете под рубрикой «Рузма» («Календарь»). Особый интерес вызывают у читателей и статьи публициста, посвященные проблемам пропаганды и развития чеченского языка и родной литературы. Он является так же соавтором-составителем учебников-хрестоматий по чеченской литературе для учащихся 7 и 8 классов.

За личный большой вклад, - продолжаем читать в характеристике, - в развитие национальной культуры, образования и журналистики А.Аболханов награждался Почетными грамотами Президента Чеченской республики (2006, 2007 годы), Правительства (2005), Парламента (2006) и так далее. В 2003 году А.Аболханову присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Чеченской республики», а в 2011 году – «Заслуженный журналист Чеченской республики». Пользуется заслуженным уважением творческого коллектива редакции и читателей газеты «Даймохк»»

К сожалению, как поэт и переводчик Аким Аболханов, широко известный как журналист – он член Союза журналистов с 2010 года, - почти что не был известен до последнего времени, хотя, как все одаренные поэтическим талантом люди, сочинением стихотворений занимался еще будучи учеником школы. По скромности своей и требовательности к себе, он никогда не спешил с публикацией их, Хотя и очень редко, но они печатались все же на страницах газеты «Даймохк», журналов «Орга», «Вайнах» и «Стелалад». И только в последние годы начали выходить из печати его книги: по чеченской этике («Сокровищница нравственности» – 2012 год), памяти чеччаллхойцев, пропавших без вести, не имея даже чурта на сельском кладбище («Обелиск» - 2012) и поэзии («Чечня у нас одна» - 2015).

О сборнике стихотворений «Чечня у нас одна» журналистка Мфлика Абалаева писала: «Среди поэтических произведений, вошедших в сборник, большое место занимают стихи о матери, женщине, Родине, дружбе и верности, о роли и назначении человека на земле... Многие стихи короткие по количеству слов, но объемные по смыслу и содержанию. Они поучительны и мудры. Многие из них стали крылатыми выражениями.. Читателю любого возраста, желающему окунуться в мир чеченской поэзии, еще раз заострить внимание на красивых обычаях и традициях своего народа, будет по душе книга поэзии А.Аболханова».

Начинается поэтический сборник со стихотворения, давшего ему название. В нем есть такие горькие строки (перевод – мой):

Мы земли поделим,
Столбы пограничные ставя.
Но как солнце нам разделить?
Достатком насытимся,
Деньги и Господа славя.
Но как смерти срок изменить?

Границы очертим –
Кто с гор, кто с равнины – упрямо.
Беда различит ли в свой час?
Нельзя за делянки отцов
Нам сражаться годами –
Чечня ведь одна лишь у нас!

А.Аболханов является еще составителем сборника стихотворений чеченских поэтов «Чеченская поэзия» и одним из составителей фундаментальных сборников «Чеченская повесть» и «Чеченская драматургия», изданных Союзом писателей Чеченской республики в 2012 и 2013 годах. Он – член союза писателей Чеченской республики с 2010 года.

В поэзии А.Аболханова очень свое индивидуальная манера творчества, свойственный только ему, не похожий ни на кого другого свой почерк. Его стихи очень образны, поэтичны, лиричны, гражданствен. В них видно хорошее знание родного языка. Стихи его, в большинстве своем, короткие, афористичны и отвечают требованиям великого русского писателя А.М.Горький писать так, чтоб «словам было тесно, а мыслям просторно». Несмотря на краткость, они несут в себе большую философскую мысль и глубоки по содержанию. Они легко читаются и удивляют новизной впечатлений и оригинальностью видения окружающего мира, хотя и написаны на привычные для чеченского читателя темы – Родины, матери, гор, природы, любви. В сборнике поэта есть и то, и другое и третье.

В подтверждение сказанному приведем только одно такое стихотворение «За деньги...» (перевод – мой):

За деньги продается тут
И груша лесная, и зверя шкурка.
Найдутся те, что продадут
И совесть, и честь, и отцовскую бурку.

За деньги все можно добыть –
Зимою арбуз, даже клятву лжеца.
Нельзя лишь за деньги купить
Потерянной чести и бурки отца.

Таким я знаю поэта и журналиста, публициста и просветителя, переводчика и удивительно скромного человека, подвижника тяжелого творческого труда А.Аболханова.

Саид Мацаев (1954-2000)

Есть в городе Грозном коротенькая улочка, всего в два квартала длиной. Расположена она в самом центре столицы республики и носит имя великого русского художника Ильи Ефимовича Репина.

Каждый раз когда я прохожу по этой улочке или пересекаю ее, проходя мимо, мой взгляд всегда останавливается на красивых, полукруглых, ступенчато опускающихся вниз, как откатывающиеся назад белопенные морские волны, арочных навесах над окнами и входом в подвальное помещение многоэтажного дома постройки пятидесятих годов прошлого столетия. И перед моими глазами встают картины уютного и гостеприимного кафе «Кудал», открытого тут в середине восьмидесятых годов двадцатого века – в годы пресловутой перестройки и гласности, когда разрешено было индивидуальное или личное предпринимательство.

Задумано кафе было как литературное заведение. Интерьер его был оформлен исключительно в национальном стиле, блюда готовились только чеченские, национальные. Рядом со входом была высокая, малюсенькая эстрадная площадка, с которой поэты читали свои стихи, прозаики – рассказы, певцы исполняли песни, музыканты – мелодии, актеры – небольшие сценки или монологи.

Взглянув на эти белые арки, которые сохранились даже после двух разрушительных чеченских войн, я сразу вспоминаю удивительно скромного человека и щедро одаренного Великим Аллахом талантом поэта, стихи которого я любил за неординарность мышления, оригинальную выразительность, яркую образность и поэзию самой высокой пробы. И человеком и поэтом этим был Саид (Сайдали) Мацаев, писавший о себе в своих программных стихах:

Я – сын скалы,
Я в горе тверд
И сердцем – камень.
Я – ночи сын –
Бровями черн,
Глазами карий...
Я горд поднятой головой -
Дитя экстаза.
Я сын Народа моего,
Я сын Кавказа.
Я знаю истину одну:
Я вечно буду.
Примите истину мою –
Я сын ваш, Люди! (1)

Или:

Я – бессмертного дерева плод.
Человечество -
Имя ему. Живое
Отдам и приму.
Бьется во мне свет:
Я – Человек.
Чело-век! (2)

Кафе «Кудал» с первого же дня открытия сразу же стал своеобразным творческим клубом писателей, особенно – молодых, начинающих, первым и единственным в республике. В нем проходили за чашкой чая или кофе заседания литературных объединений, встречи писателей, дискуссии и обсуждения новых книг и произведений, делались записи радио и телевизионных литературных и концертных программ. И душой, и инициатором всех этих событий был сам Саид Мацаев. Последнюю запись телевизионной передачи «Литературные встречи» об его творчестве, помнится, я, тогда – главный редактор чеченского телевидения, сделал в ставшем уже популярным кафе «Кудал» летом 1992 года, ровно за два года до начала первой чеченской войны.

Саид Мацаев родился летом 1954 года в Казахской ССР, куда были депортированы 23 февраля 1944 года его родители – уроженцы с. Сорота Шатойского района ЧИАССР. «В далеких степях Средней Азии и Казахстана родились будущие писатели Сайд–Хамзат Нунуев, Леча Абдулаев, Лема Ибрагимов, Ислам Эльсанов..., Саид Мацаев», - пишет об этом Сайд–Хасан Кацаев в своем эссе «Писатель и война» (3)

А сам поэт писал намного позже в стихотворении «Я придумал себе два крыла...» об этом так:

Два крыла мне нужны,
Чтоб сберечь
Две святыя мечети,
Чтобы память мою
Они сохраняли везде –
Был распят без вины
Я под сердцем
Солдатки – чеченки,
И палач мой второй
Был с петлицами эНКаВеДе (4)

В 1957 году вернулся с родителями в с. Сорота и, в 1961 году поступив, в 1971 – м закончил среднюю школу в районном центре Шатой, который с 1944 года носил имя село Советское. Отслужил в Советской Армии, после которой началась трудовая одиссея молодого человека.

Не имея определенной специальности, ему пришлось попробовать себя в разных рабочих профессиях в Ростовской области, куда переехала жить его родители, братья, сестры: был чернорабочим, грузчиком, шофером, автослесарем и даже чабаном водил с братьями отары по придонским широким степям, пока наконец, в 1985 году не поступил на кафедру русского языка и литературы филологического факультета Астраханского государственного педагогического института.

Может быть поэтому, я думаю, и писал С. Мацаев о труде с таким знанием дела, так убедительно и с таким пафосом во многих своих программных стихах «Я вырастил свой сад», «Я сын скалы...», «В рассвет от гула усталый» и других.

Я вырастил свой сад.
На счастье? На беду?

Но вырастил его
 Не для забавы,
 Не для земных наград:
 Я сквозь него иду
 К весне, к любви, к труду –
 Мой сад всегда живой (5)

И еще:

Я – светлый сын
 Хрустальных гор,
 Я не растаю.
 Я – сын труда –
 В работе взрос,
 Я честный пахарь,
 Я – чистый дар
 Весенних рос,
 Я – сын Вайнаха! (6)

После окончания педагогического института Саид Мацаев возвратился в Чечню и почти до отъезда в город Астрахань перед началом первой чеченской войны в декабре 1994 года работал преподавателем русского языка и литературы в средней школе №11 Старопромысловского района. Одно время даже был префектом его и представителем в парламенте республики от него.

Стихи писать Саид Мацаев, как он говорил в моей телевизионной передаче, мною записанной в кафе «Кудал», начал еще в школе. И сразу же увлекся элементами сюрреализма, задачей которого было: «воспроизведение потока сознания и подсознания, что порождало причудливое искажение сочетания и сращения реальных и нереальных предметов». (7) Это увлечение ярко проявилось во многих произведениях поэта («В звездном костюме...», «Колокола», «Окунаюсь в глаза твои...», «Шут (монологи)» и других.

Особенно ярко сюрреализм С. Мацаева проявился в стихотворении «Мицар», давшем название его единственному авторскому сборнику, вышедшему в гор. Грозном в 1992 году. В нем всего семьдесят стихотворений, разбитых на семь разделов по десять в каждом. Каждый раздел озаглавлен тоже оригинально – буквами греческого алфавита: «Альфа», «Бета», «Гамма», «Дельта» и т. д. И каждому разделу предпослан эпиграф, кратко передающий содержание стихотворений, вошедших в него. Так, стихи о труде, о Родине, о человеке предваряет строка древнего восточного поэта Баба Тахира: «Я – море, что бурлит, вкрапленное в алмаз», а раздел стихов о любви – слова поэта Виталия Савенкова: «Я зеркалом упал к твоим ногам». И далее – все в том же духе.

Завершает книжку поэма «Кудал жизни (монолог Адама)», в которой словами прародителя человечества Адама, обращающегося к сестре, поэт передает горькие и тревожные размышления свои о глобальных трагических событиях, происшедших на Земле за тысячелетия и происходящих при жизни автора, выплескивает всю боль свою за страдания человечества, пропуская их через свое сердце. Недаром же сказано: если где-то в мире происходит землетрясение, то трещина проходит через сердце поэта. Интернациональную суть своей боли и поэзии С. Мацаев выражает во многих строках поэмы-монолога монолога Адама:

Дай мне кудал, Сестра,
 И помоги подняться.
 Я – банту*,
 Павший перед хижинной своей.
 Я – ирокез,**

Убитый у вигвама.
 Я – белорус,
 Сожженный вместе с хатой.
 Я – иудей,***
 Расстрелянный у дома.
 Я – вайнах,
 Сраженный возле сакли
 Я – Боль
 Двух Полушарий****
 Я – Авель... (8)*****

Книжка С. Мацаева – небольшая по объему, но емкая – по содержанию. О ней по праву можно сказать, что «эта маленькая книжка томов премногих тяжелей»(В.И.Тютчев).

При всем своем увлечении сюрреализмом, С. Мацаев не совсем порывал и с реализмом, о чем говорят его стихи, написанные в классическом стиле с четким ритмом, точной рифмой, яркой образностью. Причем его образы не проходные, стандартные, набившие оскомку простые сравнения чего – либо с чем – либо при помощи союзов «как», «будто», «словно», «как будто», а живописание словами, как того требовал мудрец Максим Горький. Еще почти сто лет назад он советовал писателям в своих письмах: «Чтобы (в произведениях – А.К.) словам было тесно, мыслям – просторно». «Надобно не рассказывать, а изображать... Ищите образов простых и четких» (9). И еще: «Надобно изображать, действовать образом на воображение читателя, а не писать протокол. Описание не есть изображение. Мысль, впечатление должно претворить в жизнь».(10). Эти мысли он повторял снова и снова.

С. Мацаев воплощал эти советы в своих стихах «Долго падает снег..», «Постепенно тепло отступало..», «Облака», «В бубен солнца», «Реквием», «Сонно отпеты молебны...» и в ряде других. Образность у него яркая, впечатляющая, запоминающаяся – своя:

В бубен Солнца
 Закат ударяет
 Багровой ладонью
 И вонзаются в землю
 Осколки багровых лучей.
 И, подминая травинки
 Тревожную болью
 Вновь, догорая,
 Падает в сумерки день..(11)

Или в другом стихотворении:

Постепенно тепло отступало.
 Провожая его по утру
 О весне на болоте унылом
 Камышинка поет поутру.
 Загрустила от песни осока,
 Выдыхая туман голубой,
 И взлетевшую стаю высоко
 Гладит Осень прохладной рукой. (12)

Есть в книжке С. Мацаева и лирические стихотворения – о чистой, мечтательной, но неразделенной любви, об искренних, но не понятых и отвергнутых чувствах: «Я был твоей забавой...», «Я сегодня забыл...», «Ты не веришь...», «Признание», «Не уходи...», «Не пиши...» и другие. И все они – не рядовые, стандартные, пустые альбомные строки,

как у многих графоманов, которые прорастают сегодня на литературной почве в бесчисленном количестве, как грибы после дождей, стихам которых место в личных или письменных признаниях, а не в книгах с многотысячными тиражами, навязываемых обществу, кочет оно того или нет. Стихи же поэта подкупают искренностью чувств, образностью, простым и понятным языком.

Я просто заболел Тобой.
Вздохнул я,
Выдох – твой. Твой.
Я просто заболел Зарей.
В твоих зрачках -
Портрет –
В твоих словах –
Мысль моя...
Как просто заболел Я...(13)

Путь С.Мацаева в поэзию был трудным и тернистым. Вначале его из-за сюрреалистических мотивов не печатали, потому что в Советском Союзе это течение считалось чуждым социалистическому реализму и ненормальным явлением, а поэзия сюрреалистов - непонятной, заумной и бессмысленной. Будто поняв что, поэт начал параллельно создавать и стихи в классическом стиле, и его начали печатать в периодике – на страница газет, альманахов, журналов. Вошли его стихи и в коллективные сборники молодых литераторов. И наконец, после развала СССР, в Чечне, объявившей себя свободной суверенной республикой, в 1992 году вышла его поэтическая книжка «Мицар».

Нелегко был путь С. Мацаева и к признанию его творчества. Он часто вспоминал об одном эпизоде своего творческого пути. Это произошло в годы учебы поэта в Астраханском педагогическом институте. «Когда я учился в Астрахани, - вспоминал он – я принимал участие в литературных встречах. Все, что я писал не принималось ни в какой расчет. Я знал, что они не понимают написанного мной и что они не прочитали книг больше, чем я. Что я тогда сделал? Я переписал редкое стихотворение из собрания сочинений М.Горького и с ним пошел на встречу. Все стали рассуждать, говоря: «Видно, что это написано не русским». Выслушав всех, я разочаровал их сказав, что это написано М. Горьким. Они не поверили мне. Тогда я вытащил из портфеля принесенный с собой том и показал им. Они, оказывается, даже не знали, что М.Горький писал кроме поэмы «Девушка и смерть» еще и стихи. Снова объявили конкурс в институте. Произведения принимались только под девизом, анонимно, чтобы жюри оценивало их без предвзятости, объективно. Моим стихам присудили первое место...».

Так шло становление поэта – интернационалиста Саида Мацаева, писавшего в поэме «Кудал жизни. Монолог Адама»:

Сестра...
Ты подними Кудал
И положи на левое плечо
И левою Щекой Раздумья
Прижмись к Земному Шару,
К горячей Африке,
Где Я Лумумбой (I) умер.
Прижмись Губами Скорби
К Волге, где на Кургане (II)
Погиб Я Ханнашой
Ладонью левой
Америку укрой,

Где пал Я Че Геварой (III) ... (14).

Умер Саид Мацаев в гор. Астрахани в 2000-м году – в самом начале второй чеченской войны скоростижно: от переживаний за судьбу народа и родной земли не выдержало сердце. Умер Поэт. И было ему всего сорок шесть лет.

Примечание:

1. Мацаев С. Мицар. Грозный, «Книга», 1992. С. – 6-7.
2. Там же. С.-7.
3. Кацаев С.-Х. Во тьме. Грозный, 2004. С.-88.
4. Мацаев С. Мицар...С.-9.
5. Там же. С.-10
6. Там же. С.-7.
7. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка. М., Альта – Принт, 2005. С.-1028.
8. Мацаев С. Мицар... С.-131.
9. Горький М. Письма о литературе. М., Советский писатель 1957. С. 321.
10. Там же. С-346.
11. Мацаев С. Мицар... С.-27.
12. Там же. С.-34.
13. Там же. С-79.
14. Там же. С.-135.

*Банту – народность Индии.

**Ирокез – индеец Северной Америки; вигвам – его

***Иудей – еврей.

**** Два полушария – два полушария Земли

*****Авель – сын Адама, Коварно убитый братом Каин. Чеченские Къабил, Хабиль.

I Лумумба Патрис – вождь освободительного движения республики Конго и первый Председатель Кабинета Министров его после освобождения. Убит в 1961 году в результате заговора.

II «...на Кургане» - Мамаев Курган в гор Волгограде, где поставлена плита с именем Героя Советского Союза Х. Нурадилова.

III. Че Гевара – легендарный герой освободительного движения Кубы и других народов Латинской Америки. Убит в Колумбии.

Алаудин Мусаев (1957)

Не совру против правды, если скажу, что в последние годы тотального графоманства, когда каждый считает себя неоцененным талантом, рожденным творить, в огромном мутном и бурном потоке серых и пустых книг редко попадает такая, которую читаешь с истинным наслаждением и удовольствием – захлеб, радуясь за автора. Удивительно, но такая книга – хорошая, добротна написанная, с увлекательным и закрученным сюжетом, захватывающей интригой и повествованием – показалась мне на глаза неожиданно, некоторое время назад. И, признаюсь откровенно, я прочитал ее, не отрываясь, как принято говорить, от корки до корки, почти в один присест – отвлечься невозможно было: уж очень пленяло мастерски описанное, стремительно развивающееся действие.

Эта была книга писателя Алаудина Мусаева «Волчья Яма», мастерством повествования, безупречным языком и актуальностью темы заметно выделяются в серой и никчемной массе изданий последних лет. Роман написан на очень важную во все времена, особенно – в новейшую эпоху, тему борьбы с незаконным оборотом наркотиков, хитросплетения наркотрафиков, изворотливости наркодельцов, незавидных и трагических

судьбах наркобаронов, семей, их жертв: в конце концов Всевышний воздаст каждому по делам их, за невинно погубленные ими души. Книга рассказывает, как отмечено в аннотации, «О борьбе с незаконным оборотом наркотиков в Чечено-Ингушской АССР накануне развала, казалось бы обреченного на вечность. Советского Союза «Республик свободных»».

Роман и заканчивается таким эпизодом – диалогом между главным героем Владимиром Капустиным, которому «другу, человеку, беспредельно преданному своему делу» и посвящена книга, и Аметом Мумаевым, старшим оперуполномоченным, в котором узнаются черты самого автора:

- Для тебя четыре новости, - снова заговорил Капустин. – Три хороших, одна плохая. С чего начать?

- С хороших, конечно.

-Ты больше не исполняющий. Теперь ты полноправный старший оперуполномоченный...

- Служу Советскому Союзу!

- Нет, уж лучше служи России... Вторая хорошая новость. Ехать, домой можешь ехать, прямо завтра. Тебе выделена квартира... Твой сосед - ... подполковник Сергеев... попросился на пенсию...

- Так. Три новости действительно хорошие. Гони плохую.

- Против тебя по требованию заместителя министра внутренних дел Казахстана возбуждено уголовное дело...

- Чего-то такого я ждал. Как будем отбиваться?

- Никак. Недавно на совещании наш новый министр объявил, что союзное министерство нам не указчик.

- Так прямо? Но тогда и другие республиканские министерства... Это значит... Что союза уже нет?!

- Вот это и есть та самая плохая новость ...

Роман «Волчья Яма» написан с отличным знанием материала и характеров героев, как положительных – сотрудников силовых структур, так и отрицательных – наркодельцов и наркоторговцев. И это не удивительно потому, что создан человеком, много лет отдавшим борьбе с незаконным оборотом наркотиков и с организованной преступностью. Теперь в разных юридических вузах России – в Юридическом институте, Московском университете МВД и других – передает свой богатый опыт студентам, будущим сотрудникам силовых структур.

Не удивительно и то, что автор знает проблему наркотической стратегии и угрозу организованной преступности обществу изнутри. Он исследует их давно и как ученый: написал более семидесяти научных работ на эту тему. И диссертации Алаудина посвящены ей: кандидатская, защита которой состоялась 9 декабря 1999 года, называется «Правовая основа, организации и тактика оперативной разработки организованных групп, занимающихся незаконным оборотом наркотических средств», а докторская, защищенная в 2003 году в Санкт-Петербургском университете МВД России, – «Механизм противодействия незаконному обороту наркотических средств». Все это и помогло автору создать содержательный, убедительный, увлекательный, лучший в чеченской литературе детективный роман.

Алаудина Мусаева я знаю давно – около сорока лет. В те годы он только-только начал свою трудовую карьеру с должности милиционера в органах внутренних Чечено-Ингушетии. Он был в то время крепко сложенным, сильным, спортивно развитым, уверенным в себе молодым человеком. Отличался цепким умом, находчивостью, волевым и решительным характером. Постоянно работал над собой, много читал. Много видел,

слышал, испытал. Он и сегодня мало изменился: все такой же крепкий, сильный, энергичный, подтянутый. Разве что мудрее, дружелюбнее, общительнее, щедрее стал. Меценат и руководитель благотворительного фонда поддержки чеченской литературы А.Мусаев много делает для издания в городе Москве произведений чеченских классиков. За 2010-2014ые годы издано двадцать томов избранных сочинений писателей С. Арсанова, Х. Ашаева, М. Мамакаева и других. Есть в их числе и томик моих избранных произведений, чем и я немало и горжусь. Кроме этого он спонсирует издание в республике чем не мало способствует широкой пропаганде и развитию чеченской литературы. Именно он стал спонсором издания в городе Элиста моей главной книге «Город Грозный».

Родился Алаудин Мусаев 2 декабря 1957 года в поселке совхоза «Илийский» Илийского района Алма-Атинской области Казахской ССР. В школу пошел уже дома в Алхан-Кале, куда семья вернулась из депортации, десятый класс заканчивал уже в Куларинской средней школе. После нее всю свою жизнь он связан с органами внутренних дел и юриспруденцией. В 1981 году закончил Астраханскую школу милиции, в 1989-м году Ростовский-на-Дону факультет Академии Министерства внутренних дел СССР, в 1994-м – факультет руководящих кадров МВД Российской Федерации Академии МВД России. И, как выше было сказано защитил кандидатскую (1999г.) и докторскую (2003г.) диссертации. Написал более семидесяти научных работ, подготовил около десяти кандидатов юридических наук. Полковник милиции. С 2005 года – профессор.

Активно занимается Алауди Мусаев и просветительской деятельностью – передает богатый опыт своей более чем сорокалетней работы в органах внутренних дел молодым. С далекого 1976 года работает он в них. Начал с должности простого милиционера, по мере накопления опыта и знаний, пройдя все ступени карьерной лестницы – инспектор отделения уголовного розыска, оперуполномоченного, старшего оперативника, начальника отдела уголовного розыска МВД ЧИАССР и так далее, вырос до начальника Управления по борьбе с организованной преступностью МВД Чеченской Республики, первого заместителя министра безопасности ее, в 1999-2002-м годах – старший преподаватель, а затем – доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности Юридического института МВД России, с 2003 года – профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности Московского университета МВД России.

Заслуги Алаудина Мусаева в этой нелегкой, но очень важной оперативной и научной работе и отмечены достойно: он носит высокие и почетные звания Заслуженный деятель науки Чеченской Республики (с 1996 года), Заслуженный юрист Чеченской Республики (с 2002-го), Почетный работник высшего профессионального образования России, награжден медалями «За отличие в службе» всех трех степеней и «Заслуги перед Чеченской Республикой».

Писать, делать записи о своих рабочих буднях, о проведенных операциях, набрасывать образы прожженных преступников и своих коллег – сотрудников органов внутренних дел, доверять бумаге свои мысли, впечатления, раздумья Алаудина Мусаева начал еще в восьмидесятые годы прошлого столетия. Но серьезно о писательской деятельности он начал задумываться только в более зрелые годы, когда у него стало, что сказать людям, когда накопилось достаточно впечатлений, материала, фактов и портретов будущих героев.

Но, как писал Антон Семенович Макаренко: «Не может быть писателем тот человек, который не знает хорошо никакой реальной жизненной среды, который не знает никакой работы, никакого быта».

Решающим в писательской работе является... культура собственной личности автора, - пишет далее А.С. Макаренко. – Не может быть хорошего прозаика ..., если он не слышит, как звучит слово, как чередуются в нем звуки».

Именно следуя этим советам, и начал создавать свои книги одаренный писатель А.Мусаев. Вот уж поистине: если человек талантлив, то он талантлив во всем. В разные годы он написал Романы «Шейх Мансур» (2007 г.), Махмуд Эсамбаев (2011 г.), которые изданы в знаменитой серии «Жизнь замечательных людей», и «Волчья Яма». Роман «Шейх Мансур» переведен на чеченский язык писателем и журналистом Сайд-Хасаном Дадаевым и издан в 2009 году в той же серии.

Он посвящен великому сыну чеченского народа, первому мюриду свободы, первому имаму Чечни шейху Мансуру. Причиной написания стал тот факт, как пишет автор в предисловии, что к «героям освободительной борьбы народов во все времена в мире относились по – разному. Им поклонялись, как пророкам. Их клеймили, как бунтовщиков и разбойников, свысока третировали, как дикарей». Их осуждали за излишнюю горячность, нежелание подождать и добиться своей цели с помощью переговоров.

Я постараюсь, - пишет автор, - рассказать об одном выдающихся лидеров освободительных войн – знаменитом имаме Мансуре... Лене хочется, чтобы жизнь этого человека стала близка и понятна не только земляком, считающим его народным героем, но и широкому кругу людей разных национальностей. Правда о нем особенно необходима потому, что в разных странах до сих пор выходят книги, в которых имам Мансур представлен авантюристом, искателем удачи, героем исторических боевиков. В этих остросюжетных повествованиях он изображается то беглым итальянским монахом, то татарским царевичем, то турецким агентом, по приказу самого султана возглавившим борьбу кавказских народов... «Так что даже спустя двести двадцать после смерти в Шлиссельбургской крепости страсти вокруг, этой выдающейся личности не только не утихают, но разгораются с новой силой, что означает, что Шейх Мансур был и остается величайшим полководцем всех времен и народов. Кроме того им написаны пьесы «Расплата», на русском и «Возмездие» на чеченском языках.

Особенно тщательно работал автор над языком романа «Волчья Яма» и пьес, потому что знал, как писал Макаренко: «Диалог – один из самых трудных отделов прозы. Нужно знать диалог в жизни. Выдумать интересный диалог невозможно... Диалог должен быть очень динамичным, он должен показывать не только духовные движения, но и характер человека. Он никогда не должен превращаться в простую болтовню».

Произведения А.Мусаева показывают, что он хорошо усвоил уроки мастеров литературы: они написаны точным и простым языком, диалоги в них живые, динамичны, занимательные. Действия развиваются стремительно. Поэтому читаются они легко и запоминаются надолго.

И творческие успехи Алаудина Мусаева отмечены по заслугам: он – Член Союза писателей России, член Президиума Московской Городской организации Союза писателей России, член Международного фонда, создатель и руководитель Благотворительного фонда поддержки Чеченской литературы, член Союза писателей Чеченской Республики.

А.Мусаев и сегодня продолжает активно заниматься оперативной, юридической, литературной, издательской и просветительской деятельностью.

1. Макаренко А.С. Собрание сочинений в четырех томах. Т.Ч.М. изд-во «Правда», 1987. С.- 382
2. Там же С.- 387

3. Там же С.- 386

Часть пятая. Переводы

А.Аболханов

Я думал...

Я думал, солнце утром поднималось
Всегда для одного меня.
Я думал, что со мной оно прощалось
С одним лишь на закате дня.

Но, оказалось, что другую тайно
Все ж грело, улыбаясь мне.
Ее избрало солнце не случайно -
Достойная она вполне

Но разве обижаться мне за это
На солнце, обманувшее планету?.

Счастлив ты...

Счастлив ты, если во всем
Ты с народом слит душою,
Коль в селе в саду твоём
Яблоня цветет весною.

Счастлив ты, если с тобой
Боль друзья, как братья делят,
И считается любой
Враг с тобой на самом деле.

Счастлив ты, если живешь,
Радости деля с другими,
Если к роднику идешь
Вечером к своей любимой.

Счастлив ты, если в одном
Ты в строю с родной страной,
Коль в селе в саду твоём
Яблоня цветет весною.

Жить хочу...

Жить хочу я, будто солнце,
День чтоб бесконечным был,
Чтобы в каждый дом и сердце
Как луч радости, входил.

Жить, как молния, хочу я –
Громы грозные метать,
Чтоб огнем тех жечь, врачуя
Кто мечтает воевать.

Чечня у нас одна...

Мы земли поделим,
Столбы пограничные ставя.
Но солнце как нам поделить?
Богатства накопим,
Кто деньги, кто Господа славя.
Но смерти как срок отложить?

Друг с другом разделим
Мы тейпы, тукхумы – их много.
А как нам отцов поделить?
И заповедь выберем –
Путь, что короче до Бога.
Но корни как нам изменить?

Делиться мы будем
На горных, равнинных упрямо.
Беда различит ли в свой час?
Нельзя за делянки отцов
Нам сражаться веками.
Чечня ведь одна лишь у нас.

Если по зову Отчизны...

Если по зову Отчизну я самый
Первый, ее защищая, умру,
Очень прошу я, пожалуйста, мама,
Слезы по мне ты не лей на миру.

Если кого-то от смерти упрямой
Я заслоню и оставлю мир сей
Очень прошу я, пожалуйста, мама,
Слезы по мне, причитая, не лей.

Если болезнью ослабленный днями
С жизнью своей распрощаюсь в свой час,
Даже тогда ты не плачь, моя мама, -
Судьбы такие у многих сейчас..

Если ж тебя и Отчизну, с годами
Предав, свое стану счастье искать,
По потерянному сыну ты, мама,
Можешь, меня проклиная, рыдать.

День от ночи отличают

Звери так же, как и мы.
Мерзнут, гибнут, голодают,
Пищу ищут, как и мы.

Что ж от них нас отличает,
Коль друг другу мы под стать?
Разве то, что люди знают,
Что им надо умирать.

Кто-то однажды сказал,
Не сомневаясь нисколько в себе:
«Стихи написать мне легко,
Было бы только время».
Имя его в поэзии
Встретиться может тебе:
Много ведь тех, кто считает
Простым это бремя.

Я же не в силах сложить
(Бог ли не дал мне таланта?)
Строчки одной, как бы днем
Я не думал в пути.
В строчки слагается только
Лишь правды гарантом,
Мной пережитое все,
Что не поместилось в груди.

В новом году

Человечность – людям всем,
Дикость – зверю с чутким ухом,
Молодцу – отвагу, с тем
И проклятье – по заслугам.

Да поспеет дочь с платком
В ножнах меч пока вайнаха.
Да подхвачен будь сынком
С головы отца папаха.

Да вернется в дом опять,
Кто ушел за изобильем,
Кто, влюбясь, забудет мать,
Да найдет покой в мог

Встань, товарищ...

Встань, товарищ, ты, отбросив лень,

Понапрасну времени не тратя,
Как с закатом солнца гаснет день,
Так и жизнь закончится утратой.

Ты звезду достань и озари
Землю светом и взлететь попробуй,
И, с зарею встав, поговори
С полем ты, гордясь рабочей робой.

Села новые и города
Больше видеть пропитайся жаждой
Ведь земли своей родной всегда
Знать должны, товарищ, камень каждый.

Свадьбу пропустив, не согреши -
Дальность оправданью не основа,
И увидеть милую спеши
Ты, не говоря: «увиджу снова!»

Спешите сказать о любви...

Я думал о любви слова
Уже все сказаны
И звезд без имени
Любимой нет почти.
В поэзии всегда
И все с любимой связано,
Когда, бросая зов,
Зажжет огонь в груди.

Считая разговор о ней
Забавой странною,
Когда могли смеяться мы
Иль слезы лить,
Стараясь с солнышком сравнить
Любовь нежданную,
Слов нужных не нашел
Ей душу всю излить.

Что счастье не в богатстве, тейпе
Не в удалости,
Скажите же, поэты,
Слово, как венец,
И, может быть, поймет
Ушедшая без жалости,
Что в преданной любви –
Отравленный свинец.

Старается смерть всех нас, люди, пленить
И помощи нет, сколько б мы ни просили.
Один остается звездой светить,
Другой же довольствуется лишь могилой.

Счастье

Нет счастья в миг, когда,
Один смеясь, другой рыдает
И сыт один всегда
Другой же голодает,

Со счастьем приходи
К нам, Новый год грядущий,
И в каждый дом входи
И в каждую же душу.

Когда поневоле прощаюсь
С горами, бедою гоним,
У кладбищ отцов оставляю
Я сердце, скучая по ним.

По новым дорогам шагаю,
Пью воду в других родниках,
Равнину я днем обнимаю,
Во сне же я снова – в горах.

А здесь-то все ново с годами –
Дома и друзья вдалеке,
Но жив наш обычай и пламя
В отцовском горит очаге.

Войди в новый дом наш ты просто,
Чуреком тебя угостим –
Всегда дорогого мы гостя,
Как наши отцы, свято чтим!

Знаю, завтра наше не надежно:
Слово, что отложим мы, всегда
В тьму могилы понесут, возможно,
По законам вечного суда.

Хоть спешу, как будто завтра это
Не придет, на все не хватит сил,
Зная, что причина жизни, может,

В слове, что на завтра отложил.

Я – в городе,
Ты – в селе.
Меж нами – даль бескрайна.
Ты – обо мне,
Я – о тебе
Всегда мечтаем тайно.

И видишь ты,
И вижу я
Одну луну на небе.
Она – твоя,
Она – моя,
Она для нас, как жребий.

За деньги продается тут
И груша лесная, и зверя шкурка,
Найдутся те, что продадут
И совесть, и честь,
И отцовскую бурку.

За деньги все можно добыть:
Зимою арбуз, даже клятву лжеца.
За деньги никак не купить
Потерянной чести
И бурки отца.

Содержание

Дети Сулумова. Адиз Кусаев – гордость наша.....	
Часть первая. Стихи, Поэмы	
Встречи.....	
Расстрелянные книги.....	
У табаководов.....	
На стройке.....	
Гордость.....	
Следы войны.....	
Забота.....	
Мольба.....	
«Когда глядишь на мир...».....	
Я ночи не люблю.....	
Рассвет.....	
.У Сунжи.....	
Если б не ты, Чечня.....	
Родина моя. Кантата.....	
Круги жизни.....	
Я живу.....	
Пушкинские стихи.....	
Незаслуженная плата.....	
«Я простой больной...».....	
Больничный двор.....	
Прав был поэт.....	
«Когда больной...».....	
«Опять тревога...».....	
«Опять тревога...».....	
Тревога.....	
О поколении моем.....	

Впечатление.....

Нас всегда.....

Семь пятниц.....

По дороге в Шарой.....

В бурунах.....

Хайбах.....

Кезеной-Ам.....

Водопад.....

Девичья коса.....

Башни.....

Море.....

Старое кладбище.....

Творчество.Бэла на эстраде М.Айдамирова

Валид поет. В.Дагаев

Жансари. Ж.Шамилева

Мовлад. М.Буркаев

Художница. Замира К.

Песня мужества (С.Димае

Песня..М-А.Озиева

Голос певца. С.Магомедов

Стихов творенье (Я – Сам).....

Композитор. А.Шахбулатов.....

Огоньки любимых глаз.З.Чергизбиев.....

Новая трасса.....

В магазине.....

Собачка.....

В санатории.....

Мои друзья.....

Беда.....

Одиночество.....

Клятва.....

Мама.....

Зимние стихи. Солнечный снег

Лунный снег.....

Лунный мороз.....

Потомок нарта.....

Не от меня зависит.....

«За долгий век...».....

«В тартарары...».....

Рамадан.....

Три звезды.....

Ленин жив.....

Испытание.....

Я знаю.....

Утром ранним.....

Графоманам.....	
Пятигорские картинки.	
1 «Я сноватут...».....	
11.»Уже от Залукокоаже...».....	
111.«Этаж седьмой...».....	
Уходят сверстники мои.....	
Риторика.....	
«Все больше тает...».....	
Весенний снег.....	
Избранные сонеты.....	
Баллада о Заводском районе. Поэма.....	
Грядущее тревожит душу. Поэма	
Певец Кавказа М.Ю.Лермонтов. Поэма	
Часть вторая. Рассказы. Повести	
Характер.....	
Барсик.....	
Деньги.....	
Находчивость	
Смерть на чужбине.....	
...Враг мой.....	
Цветы	
Священник.....	
«Ошибка вышла...».....	
Паспорт.....	
Сколько веревочке ни виться... Повесть	
Достойные памяти народной... Документальная повесть	
Часть третья Литературные портреты	
Иван Цискаров.....	
Константин Айбула-Розен.....	
Умалат Лаудаев.....	
Ибрагим-Бек Саракаев.....	
Саидбей Арсанов.....	
Джемалдин Яндиев.....	
Абдулла Киндаров	
Салаутдин Магомаев.....	
Иван Минтяк.....	
Гелани Индербаев	
Саид Чахкиев.....	
Султан Юсупов.....	
Хусейн Сатуев.....	
Абдулла Арсанукаев.....	
Ахмед Исаев.....	
Аким Аболханов.....	
Саид Мацаев.....	
Алауди Мусаев.....	
Ваха-Хаджи Амаев.....	

Часть четвертая. Переводы А.Аболханов	
Я думал.....	

Счастлив ты.....
Жить хочу.....
Чечня у нас одна.....
Если по зову Отчизны.....
«День от ночи...».....
«Кто-то однажды...».....
В новом году
Встань, товарищ...
Спешите сказать о любви.
«Старается смерть...».....
Счастье
«Когда поневоле...».....
«Знаю, завтра...».....
«Я – в городе...».....
«За деньги...».....

Приложение.

Стихи К.Айбулата-Розена.

Вал.....

Слезы.....

Красная.....

В-Х. Амаев Неоконченная повесть.Отрывок

И.Минтяк. Возвращение огня. Отрывок из поэмы

В.Богданов. Дорога в эдем. Рассказ. В сокращении.

У.Лаудаев. Чеченское племя. Отрывки.

На ЧЕТВЕРТУЮ СТОРОНУ ОБЛОЖКИ

Адиз Кусаев на презентации своей книги
«Память» на чеченском языке